P

EX LI- -BRIS
Gregor Schwartz
du Grégoire Schwarz
Григория Вильгельмовича Шварца
ARS LONGA VITA BREVIS
Я Вам любовницу охотно одолжу.
Когда оставлюсь я подходящей.
Но книгою я больше дорожу.
Чем женскою любовью ласковой
И потому – Вашей Вас не развратить
Я книгою Вашею не могу служить
КІЕВЪ 1909 KIEW

ЗАПИСКИ

ОХОТНИКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЗАПИСКИ

ОХОТНИКА.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА ТУРГЕНЕВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

(БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ВУЛЬФА.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ. Февраля 7-го дня, 1859 года.

Цензоръ *И. Гончаровъ*.

XII.

БИРЮКЪ.

Центральний Державний
№807
БІБЛІОТЕКА

БИРЮКЪ.

Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ одинъ, на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому еще было верстъ восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бѣжала по пыльной дорогѣ, изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шагъ не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса; надо мною и мнѣ на-встрѣчу неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я ударилъ возжей по лошади, спустился въ оврагъ, перебрался черезъ сухой

ручей, весь заросшій лозниками, поднялся въ гору и въѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины — слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія, и гроза разразилась. Дождь полилъ ручьями. Я поѣхалъ шагомъ, и скоро принужденъ былъ остановиться; лошадь моя вязла, я не видѣлъ ни зги. Кое-какъ пріютился я къ широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ, при блескѣ молніи, на дорогѣ почудилась мнѣ высокая фигура. Я сталъ пристально глядѣть въ ту сторону, — таже фигура словно выросла изъ земли подлѣ моихъ дрожекъ.

— Кто это? спросилъ звучный голосъ.

— А ты кто самъ?

— Я здѣшній лѣсникъ.

Я назвалъ себя.

— А, знаю! вы домой ѣдете?

— Домой. Да видишь, какая гроза....

— Да, гроза, отвѣчалъ голосъ.

Бѣлая молнія озарила лѣсника съ головы до ногъ; трескучій и короткій ударъ грома раздался тотчасъ вслѣдъ за нею. Дождикъ хлынулъ съ удвоенной силой.

— Не скоро пройдетъ, продолжалъ лѣсникъ.

— Что̀ дѣлать!

— Я васъ, пожалуй, въ свою избу проведу, отрывисто проговорилъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Извольте сидѣть.

Онъ подошелъ къ головѣ лошади, взялъ ее за узду и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожекъ, которыя колыхались «какъ въ морѣ челнокъ», и кликалъ собаку. Бѣдная моя кобыла тяжко шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лѣсникъ покачивался передъ оглоблями направо и налѣво, словно привидѣнье. Мы ѣхали довольно долго; наконецъ мой проводникъ остановился. —«Вотъ мы и дома, баринъ», примолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ. —Калитка заскрипѣла, нѣсколько щенковъ дружно залаяли. Я поднялъ голову и, при свѣтѣ молніи, уви-

далъ небольшую избушку посреди обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ. Изъ одного оконшечка тускло свѣтилъ огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до крыльца, и застучалъ въ дверь. — «Сичасъ, сичасъ», раздался тоненькій голосокъ, послышался топотъ босыхъ ногъ, засовъ заскрыпѣлъ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ рубашонкѣ, подпоясанная покромкой, съ фонаремъ въ рукѣ, показалась на порогѣ.

— Посвѣти барину, сказалъ онъ ей: — а я ваши дрожки подъ навѣсъ поставлю.

Дѣвочка глянула на меня и пошла въ избу. Я отправился вслѣдъ за ней.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ палатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье, въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояли возлѣ печки. Лучина горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой серединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку, и начала правой рукой качать люльку, лѣвой поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ,—сердце во мнѣ заныло: невесело войдти

ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлькѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь? спросилъ я дѣвочку.

— Одна, произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова, прошептала она.

Дверь заскрыпѣла, и лѣсникъ шагнулъ, нагнувъ голову, черезъ порогъ. Онъ поднялъ фонарь съ полу, подошелъ къ столу и зажогъ свѣтильню.

— Чай, не привыкли къ лучинѣ, проговорилъ онъ и тряхнулъ кудрями.

Я посмотрѣлъ на него. Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ-подъ мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо, изъ–подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Онъ слегка уперся руками въ бока и остановился передо мною.

Я поблагодарилъ его и спросилъ его имя.

— Меня зовутъ Ѳомой, отвѣчалъ онъ — а по прозвищу Бирюкъ *.

— А, ты Бирюкъ?

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Отъ моего Ермолая и отъ другихъ я часто слышалъ разсказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго всѣ окрестные мужики боялись, какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла: вязанки хворосту не дастъ утащить; въ какую-бы ни были пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться,—силенъ, дескать, и ловокъ какъ бѣсъ... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Ужь не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ — не дается.

Вотъ какъ отзывались сосѣдніе мужики о Бирюкѣ.

— Такъ ты Бирюкъ, повторилъ я: — я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою справляю, отвѣчалъ онъ

---

* Бирюкомъ называется въ Орловской губерніи человѣкъ одинокій и угрюмый.

угрюмо: — даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ, и началъ колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нѣтъ? спросилъ я его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, и сильно махнулъ топоромъ.

— Умерла, знать?

— Нѣтъ.... да.... умерла, прибавилъ онъ и отвернулся.

Я замолчалъ; онъ поднялъ глаза, и посмотрѣлъ на меня.

— Съ прохожимъ мѣщаниномъ сбѣжала, произнесъ онъ съ жестокой улыбкой. Дѣвочка потупилась; ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ. — На, дай ему, проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ.—Вотъ, и его бросила, продолжалъ онъ въ полголоса, указывая на ребенка. Онъ подошелъ къ двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, баринъ, началъ онъ: — нашего хлѣба ѣсть не станете, а у меня окромя хлѣба...

— Я не голоденъ.

— Ну, какъ знаете. Самоваръ-бы я вамъ поставилъ, да чаю у меня нѣту... Пойду, посмотрю, что ваша лошадь...

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма непріятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ; изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелясь.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я.

— Улитой, проговорила она, еще болѣе понуривъ свое печальное личико.

Лѣсникъ вошелъ и сѣлъ на лавку.

— Гроза проходитъ, замѣтилъ онъ, послѣ небольшого молчанья: — коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу.

Я всталъ. Бирюкъ взялъ ружье и осмотрѣлъ полку.

— Это зачѣмъ? спросилъ я.

— А въ лѣсу шалятъ.... У Кобыльяго Верху * дерево рубятъ, прибавилъ онъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взоръ.

---

* «Верхомъ» называется въ Орловской губерніи оврагъ.

— Будто отсюда слышно.

— Со двора слышно.

Мы вышли вмѣстѣ. Дождикъ пересталъ. Въ отдаленіи еще толпились тяжелыя громады тучь, изрѣдка вспыхивали длинныя молніи; но надъ нашими головами уже виднѣлось кое-гдѣ темно-синее небо, звѣздочки мерцали сквозь жидкія, быстро летѣвшія облака. Очерки деревьевъ, обрызганыхъ дождемъ и взволнованныхъ вѣтромъ, начинали выступать изъ мрака. Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потупился, —«Во... вотъ, проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку: вишь какую ночку выбралъ». — Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. Бирюкъ вывелъ лошадь изъ подъ навѣса. «А эдакъ я, пожалуй, — прибавилъ онъ вслухъ, — и прозѣваю его».—«Я съ тобой пойду... хочешь?»—«Ладно, отвѣчалъ онъ, и попятилъ лошадь назадъ: — мы его духомъ поймаемъ, а тамъ я васъ провожу. Пойдемте».

Мы пошли: Бирюкъ впереди, я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ узналъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушиваться къ стуку топора. — «Вишь, бормоталъ онъ сквозь зубы: слы-

шите? слышите?» — «Да гдѣ?» — Бирюкъ пожималъ плечами. Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновенье — мѣрные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли далѣе по мокрому папоротнику и крапивѣ. Глухой и продолжительный гулъ раздался....

— Повалилъ.... пробормоталъ Бирюкъ.

Между тѣмъ небо продолжало расчищаться; въ лѣсу чуть-чуть свѣтлѣло. Мы выбрались наконецъ изъ оврага. — «Подождите здѣсь», шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся, и, поднявъ ружье къ верху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабые звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрыпѣли, лошадь фыркала.... «Куда? стой!» загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка. — Другой голосъ закричалъ жалобно, по заячьи.... началась борьба. «Вре-ешь, вре-ешь, твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ: — не уйдешь».... Я бросился въ направленьи шума, и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора, и за-

кручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Я увидалъ мужика мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ-же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его, шепнулъ я на ухо Бирюку: — я заплачу за дерево.

Бирюкъ, молча взялъ, лошадь за холку лѣвой рукой: правой онъ держалъ вора за поясъ. «Ну, поворачивайся, ворона», примолвилъ онъ сурово. — «Топорикъ-то, вонъ, возьмите», пробормоталъ мужикъ. — «Зачѣмъ ему пропадать?» сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Мы отправились. Я шелъ позади... Дождикъ началъ опять накрапывать, и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойманную лошаденку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ. Дѣвочка, которая заснула было возлѣ печки, вскочила и съ молчаливымъ испугомъ стала глядѣть на насъ. Я сѣлъ на лавку.

— Экъ его, какой полилъ, замѣтилъ лѣсникъ: переждать прійдется. Не хотите-ли прилечь?

— Спасибо.

— Я-бы его, для вашей милости, въ чуланчикъ заперъ, продолжалъ онъ, указывая на мужика: — да, вишь, засовъ...

— Оставь его тутъ, не трогай, перебилъ я Бирюка.

Мужикъ глянулъ на меня изъ подлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что̀ бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія жолтыя брови, безпокойные глаза, худые члены.... Дѣвочка улеглась на полу у самыхъ его ногъ и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу.... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ѳома Кузьмичъ, заговорилъ вдругъ мужикъ глухимъ и разбитымъ голозомъ: — а, Ѳома Кузьмичъ.

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчадъ.

— Отпусти.... съ голодухи.... отпусти!

— Знаю я васъ, угрюмо возразилъ лѣсникъ: ваша вся слобода такова—воръ на ворѣ.

— Отпусти, твердилъ мужикъ. — Прикащикъ... раззорены, во-какъ... отпусти.

— Раззорены!... Воровать никому не слѣдъ.

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, во-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти, повторилъ онъ съ унылымъ отчаяньемъ: — отпусти, ей Богу, отпусти? я заплачу, во-какъ, ей Богу. Ей Богу, съ голодухи.... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, во-какъ приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то.... одинъ животъ и есть.... отпусти.

— Говорятъ, нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный; съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти. Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того.... отпусти.

— Знаю я васъ!

— Да отпусти.

— Э, да что̀ съ тобой толковать. Сиди смирно; а то у меня, знаешь. Не видишь, что̀-ли, барина?

Бѣднякъ потупился. Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ,

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись и на лицѣ выступила краска. «Ну, на̀, ѣшь; на̀, подавись; на̀, началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ.—На̀, душегубецъ окаянный: пей христіанскую кровь, пей....

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіятъ, кровопійца, тебѣ!

— Пьянъ ты, что̀-ли, что ругаться вздумалъ? заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ. — Съ ума сошелъ, что̀-ли?

— Пьянъ.... не на твои-ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь!

— Ахъ, ты... да я тебя!...

— А мнѣ что̀? Все едино — пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ — все едино.

Пропадай все: жена, дѣти, — околѣвай все... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ: — бей, на, на, бей.... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу, и уставилась на него). Бей! бей!...

— Молчать! загремѣлъ лѣсникъ, и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома, закричалъ я: — оставь его... Богъ, съ нимъ.

— Не стану я молчать, продолжалъ несчастный. Все едино — околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту.... Да постой, не долго тебѣ чваниться: затянутъ тебѣ глотку, постой. —

Бирюкъ схватилъ его за плечо.... я бросился на помощь мужику....

— Не троньте, баринъ крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я-бы не побоялся его угрозы, и уже протянулъ было руку; но, къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своею лошадью! закричалъ онъ ему вслѣдъ. — Да смотри, въ другой разъ у меня....

Онъ вернулся въ избу, и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ, примолвилъ я наконецъ: — удивилъ ты меня: ты я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ, перебилъ онъ меня съ досадой: — не извольте только сказывать. Да ужь я лучше васъ провожу, прибавилъ онъ: — знать дождика-то вамъ не переждать....

На дворѣ застучали колеса мужицкой телѣги.

— Вишь, поплелся! пробормоталъ онъ, — да я его!...

Черезъ полчаса онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

XIII.

ДВА ПОМѢЩИКА.

ДВА ПОМѢЩИКА.

Я уже имѣлъ честь представить вамъ, благосклонные читатели, нѣкоторыхъ моихъ господъ сосѣдей: позвольте-же мнѣ теперь, кстати (для нашего брата писателя все кстати), познакомить васъ еще съ двумя помѣщиками, у которыхъ я часто охотился съ людьми весьма почтенными, благонамѣренными и пользующимися всеобщимъ уваженіемъ нѣсколькихъ уѣздовъ.

Сперва опишу вамъ отставнаго генералъ-майора Вячеслава Илларіоновича Хвалынскаго. Представьте себѣ человѣка высокаго и когда-то стройнаго, теперь-же нѣсколько обрюзглаго, но вовсе не дряхлаго, даже не устарѣлаго, человѣка въ зрѣломъ возрастѣ, въ самой,

какъ говорится, порѣ. Правда, нѣкогда правильныя и теперь еще пріятныя черты лица его немного измѣнились, щеки повисли, частыя морщины лучеобразно расположились около глазъ, иныхъ зубовъ уже нѣтъ, какъ сказалъ Саади, по увѣренію Пушкина; русые волосы, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые остались въ цѣлости, превратились въ лиловые, благодаря составу, купленному на Роменской конной ярмаркѣ у жида, выдававшаго себя за армянина; но Вячеславъ Илларіоновичъ выступаетъ бойко смѣется звонко, позвякиваетъ шпорами, крутить усы, наконецъ, называетъ себя старымъ кавалеристомъ, между-тѣмъ-какъ извѣстно, что настоящіе старики сами никогда себя не называютъ стариками. Носитъ онъ обыкновенно сюртукъ застегнутый до верху, высокій галстухъ съ накрахмаленными воротничками и панталоны сѣрыя съ искрой, военнаго покроя; шляпу-же надѣваетъ прямо на лобъ, оставляя весь затылокъ наружи. Человѣкъ онъ очень добрый, но съ понятіями и привычками довольно странными; на-примѣръ: онъ никакъ не можетъ обращаться съ дворянами небогатыми или нечиновными, какъ съ равными себѣ людьми. Разговаривая съ ними, онъ обыкновенно

глядитъ на нихъ съ боку, сильно опираясь щекою въ твердый и бѣлый воротникъ, или вдругъ возьметъ да озаритъ ихъ яснымъ и неподвижнымъ взоромъ, помолчитъ, и двинетъ всею кожей подъ волосами на головѣ; даже слова иначе произноситъ и не говоритъ, напримѣръ: «благодарю, Павелъ Васильичъ», или: «пожалуйте сюда, Михайло Иванычъ,» а: бо́лларю, Палл' Асиличь», или: «па-ажалте сюда, Михал' Ванычъ.» Съ людьми-же, стоящими на низшихъ ступеняхъ общества, онъ обходится еще страннѣе; вовсе на нихъ не глядитъ и прежде чѣмъ объяснитъ имъ свое желаніе, или отдастъ приказъ, нѣсколько разъ сряду, съ озабоченнымъ и мечтательнымъ видомъ повторитъ: «какъ тебя зовутъ...какъ тебя зовутъ», ударяя необыкновенно рѣзко на первомъ словѣ «какъ», а остальныя произнося очень быстро, что придаетъ всей поговоркѣ довольно близкое сходство съ крикомъ самца-перепела. Хлопотунъ онъ и жила страшный, а хозяинъ плохой: взялъ къ себѣ въ управители отставнаго вахмистра, малоросса, необыкновенно глупаго человѣка. Впрочемъ, въ дѣлѣ хозяйничества, никто у насъ еще не перещеголялъ одного петербургскаго важнаго чиновника,

который, усмотрѣвъ изъ донесеній своего прикащика, что овины у него въ имѣньи часто подвергаются пожарамъ, отчего много хлѣба пропадаетъ,—отдалъ строжайшій приказъ: впередъ до тѣхъ поръ не сажать сноповъ въ овинъ, пока огонь совершенно не погаснетъ. Тотъ-же самый сановникъ вздумалъ было засѣять всѣ свои поля макомъ, вслѣдствіе весьма, по видимому, простого расчета: макъ, дескать, дороже ржи, слѣдовательно сѣять макъ выгоднѣе. Онъ-же приказалъ своимъ крѣпостнымъ бабамъ носить кокошники по высланному изъ Петербурга образцу; и дѣйствительно до сихъ поръ въ имѣніяхъ его бабы носятъ кокошники, только сверху кичекъ... Но возвратимся къ Вячеславу Илларіоновичу. Вячеславъ Илларіоновичъ ужасный охотникъ до прекраснаго пола, и какъ только увидитъ у себя въ уѣздомъ городѣ на бульварѣ хорошенькую особу, немедленно пустится за нею вслѣдъ, но тотчасъ же и захромаетъ, — вотъ что замѣчательное обстоятельство. Въ карты играть онъ любитъ, но только съ людьми званія низшаго; они-то ему: «Ваше Превосходительство», а онъ-то ихъ пушитъ и распекаетъ, сколько душѣ его угодно. Когда-жь ему случится играть съ губернато-

ромъ, или съ какимъ нибудь чиновнымъ лицомъ, удивительная происходитъ въ немъ перемѣна: и улыбается-то онъ, и головой киваетъ, и въ глаза-то имъ глядитъ — медомъ такъ отъ него и несетъ... Даже проигрываетъ и не жалуется. Читаетъ Вячеславъ Илларіонычъ мало, и при чтеніи безпрестанно поводитъ усами и бровями, словно волну снизу вверхъ по лицу пускаетъ. Особенно замѣчательно это волнообразное движеніе на лицѣ Вячеслава Илларіоныча, когда ему случается (при гостяхъ, разумѣется) пробѣгать столбцы «Journal des Debats.» На выборахъ играетъ онъ роль довольно значительную; но отъ почетнаго званія предводителя, по скупости, отказывается. «Господа, говоритъ онъ обыкновенно приступающимъ къ нему дворянамъ, и говоритъ голосомъ исполненнымъ покровительства и самостоятельности:— много благодаренъ за честь; но я рѣшился посвятить свой досугъ уединенію». И сказавши эти слова, поведетъ головой нѣсколько разъ на право и на лѣво, а потомъ съ достоинствомъ наляжетъ подбородкомъ и щеками на галстухъ. Состоялъ онъ въ молодые годы адъютантомъ у какого-то значительнаго лица, котораго иначе и не называетъ какъ по имени

и по отчеству; говорятъ, будто-бы онъ принималъ на себя не однѣ адьютанскія обязанности, — да не всякому слуху можно вѣрить. Впрочемъ, и самъ Хвалынскій о своемъ служебномъ поприщѣ не любитъ говорить, что̀ вообще довольно странно; на войнѣ онъ тоже, кажется, не бывалъ. Живетъ генералъ Хвалынскій въ небольшомъ домикѣ, одинъ; супружескаго счастья онъ въ своей жизни не испыталъ, и потому до сихъ поръ еще считается женихомъ, и даже выгоднымъ женихомъ. Зато ключница у него, женщина лѣтъ тридцати пяти, черноглазая, чернобровая, полная, свѣжая и съ усами, по будничнимъ днямъ ходитъ въ накрахмаленныхъ платьяхъ, а по воскресеньямъ и кисейные рукава надѣваетъ. Хорошъ бываетъ Вячеславъ Илларіонычъ на большихъ званныхъ обѣдахъ, даваемыхъ помѣщиками въ честь губернаторовъ и другихъ властей: тутъ онъ, можно сказать, совершенно въ своей тарелкѣ. Сидитъ онъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, если не по правую руку губернатора, то и не въ далекомъ отъ него разстояніи; въ началѣ обѣда болѣе придерживается чувства собственнаго достоинства, и, закинувшись назадъ, но не оборачивая головы, сбоку пу-

скаетъ взоръ внизъ по круглымъ затылкамъ и стоячимъ воротникамъ гостей; зато къ концу стола развеселяется, начинаетъ улыбаться во всѣ стороны (въ направленіи губернатора онъ съ начала обѣда улыбался), а иногда даже предлагаетъ тостъ въ честь прекраснаго пола, украшенія нашей планеты, по его словамъ. Также не дуренъ генералъ Хвалынскій на всѣхъ торжественныхъ и публичныхъ актахъ, экзаменахъ, собраньяхъ и выставкахъ. На разъѣздахъ, переправахъ и въ другихъ тому подобныхъ мѣстахъ люди Вячеслава Илларіоныча не шумятъ и не кричатъ; напротивъ, раздвигая народъ или вызывая карету, говорятъ пріятнымъ горловымъ баритономъ: «позвольте, позвольте, дайте генералу Хвалынскому пройдти», или; «генерала Хвалынскаго экипажъ».... Экипажъ, правда, у Хвалынскаго формы довольно старинной; на лакеяхъ ливрея довольно потертая (о томъ, что она сѣрая съ красными выпушками, кажется, едва–ли нужно упомянуть); лошади тоже довольно пожили и послужили на своемъ вѣку, но на щегольство Вячеславъ Илларіонычъ притязаній не имѣетъ и не считаетъ даже званію своему приличнымъ пускать пыль въ глаза

глаза. Особеннымъ даромъ слова Хвалынскій не владѣетъ, или, можетъ быть, не имѣетъ случая высказать свое краснорѣчіе, потому что не только спора, но вообще возраженья не терпитъ, и всякихъ длинныхъ разговоровъ, особенно съ молодыми людьми, тщательно избѣгаетъ. Оно дѣйствительно вѣрнѣе; а то съ нынѣшнимъ народомъ бѣда: какъ разъ изъ повиновенія выйдетъ и уваженіе потеряетъ. Передъ лицами высшими Хвалынскій большей частью безмолствуетъ; а къ лицамъ нисшимъ, которыхъ, по видимому, презираетъ, но съ которыми только и знается, держитъ рѣчи отрывистыя и рѣзкія, безпрестанно употребляя выраженья, подобныя слѣдующимъ: «это, однако, вы пус–тя–ки говорите», или: «я наконецъ вынужденнымъ нахожусь, милостивый сдарь мой, вамъ поставить на видъ», или: «наконецъ, вы должны однако-же знать, съ кѣмъ имѣете дѣло» и пр. Особенно боятся его почтмейстеры, непремѣнные засѣдатели и станціонные смотрители. Дома онъ у себя никого не принимаетъ и живетъ, какъ слышно, скрягой. Совсѣмъ–тѣмъ онъ прекрасный помѣщикъ. «Старый служака, человѣкъ безкорыстный, съ правилами, vieux grognard», говорятъ про него

сосѣди. Одинъ прокуроръ губернскій позволяетъ себѣ улыбаться, когда при немъ упоминаютъ объ отличныхъ и солидныхъ качествахъ Хвалынскаго, — да чего не дѣлаетъ зависть!...

А впрочемъ, перейдемъ теперь къ другому помѣщику.

Мардарій Аполонычъ Стегуновъ ни въ чемъ не походилъ на Хвалынскаго; онъ едва-ли гдѣ нибудь служилъ и никогда красавцемъ не почитался. Мардарій Аполлонычъ старичокъ низенькій, пухленькій, лысый, съ двойнымъ подбородкомъ, мягкими ручками и порядочнымъ брюшкомъ. Онъ большой хлѣбосолъ и балагуръ; живетъ, какъ говорится, въ свое удовольствіе; зиму и лѣто ходитъ въ полосатомъ шлафрокѣ на ватѣ. Въ одномъ онъ только сошелся съ генераломъ Хвалынскимъ: онъ тоже холостякъ. У него пятьсотъ душъ. Мардарій Аполлонычъ занимается своимъ имѣньемъ довольно поверхностно; купилъ, чтобы не отстать отъ вѣка, лѣтъ десять тому назадъ, у Бутенопа въ Москвѣ молотильную машину, заперъ ее въ сарай, да и успокоился. Развѣ въ хорошій лѣтній день велитъ заложить бѣговыя дрожки и съѣздить въ поле на хлѣба посмо-

рѣть, да васильковъ нарвать. Живетъ Мардарій Аполлонычъ совершенно на старый ладъ, и домъ у него старинной постройки. Въ передней, какъ слѣдуетъ, пахнетъ квасомъ, сальными свѣчами и кожей; тутъ-же направо бу-
фетъ съ трубками и утиральниками; въ столовой фамильные портеты, мухи, большой горшокъ ерани и кислыя фортопьяны; въ гостиной три дивана, три стола, два зеркала и сиплые часы съ почернѣвшей эмалью и бронзовыми, рѣзными стрѣлками; въ кабинетѣ столъ съ бумагами, ширмы синеватаго цвѣта съ наклеенными картинками, вырѣзанными изъ разныхъ сочиненій прошедшаго столѣтія, шкапы съ вонючими книгами, пауками и черной пылью, пухлое кресло, итальянское окно, да наглухо заколоченная дверь въ садъ... Словомъ, все, какъ водится. Людей у Мардарья Аполлоныча множество и всѣ одѣты по старинному: въ длинные синіе кафтаны съ высокими воротниками, панталоны мутнаго колорита и коротенькія, желтоватые жилетцы. Гостямъ они говорятъ: «батюшка». Хозяйствомъ у него завѣдываетъ бурмистръ изъ мужиковъ, съ бородой во весь тулупъ; домомъ—старуха, повязанная картиневымъ платкомъ, сморщенная и

скупая. На конюшнѣ у Мардарья Аполлоныча стоитъ тридцать разнокалиберныхъ лошадей; выѣзжаетъ онъ въ дома-дѣланной колескѣ въ полтораста пудъ. Гостей принимаетъ онъ очень радушно и угощаетъ на славу, то есть: благодаря одуряющимъ свойствамъ Русской кухни, лишаетъ ихъ вплоть до самого вечера всякой возможности заняться чѣмъ-нибудь, кромѣ преферанса. Самъ-же никогда ничѣмъ не занимается, и даже «Сонникъ» пересталъ читать. Но такихъ помѣщиковъ у насъ на Руси еще довольно много;—спрашивается: съ какой стати я заговорилъ о немъ и зачѣмъ?... А вотъ, позвольте вмѣсто отвѣта разсказать вамъ одно изъ моихъ посѣщеній у Мардарья Аполлоныча.

Пріѣхалъ я къ нему лѣтомъ, часовъ въ семь вечера. У него только-что отошла всенощная, и священникъ, молодой человѣкъ, по видимому, весьма робкій и недавно вышедшій изъ семинаріи, сидѣлъ въ гостиной возлѣ двери, на самомъ краюшкѣ стула. Мардарій Аполлонычъ, по-обыкновенію, чрезвычайно ласково меня принялъ; онъ непритворно радовался каждому гостю, да и человѣкъ онъ былъ вообще предобрый. Священникъ всталъ и взялся за шляпу.

— Погоди, погоди, батюшка, заговорилъ Мардарій Аполлонычъ, не выпуская моей руки: — не уходи... Я велѣлъ тебѣ водки принести.

— Я не пью-съ, съ замѣшательствомъ пробормоталъ священникъ и покраснѣлъ до ушей.

— Что̀ за пустяки! отвѣчалъ Мардарій Аполлонычъ: — Мишка! Юшка! водки батюшкѣ!

Юшка, высокій и худощавый старикъ лѣтъ осьмидесяти, вошелъ съ рюмкой водки на темномъ крашенномъ подносѣ, испещренномъ пятнами тѣлеснаго цвѣта.

Священникъ началъ отказываться.

— Пей, батюшка, не ломайся не... хорошо, замѣтилъ помѣщикъ съ укоризной.

Бѣдный молодой человѣкъ повиновался.

— Ну, теперь, батюшка, можешь идти.

Священникъ началъ кланяться.

— Ну, хорошо, хорошо, ступай... Прекрасный человѣкъ, продолжалъ Мардарій Аполлонычъ, глядя ему вслѣдъ: — очень я имъ доволенъ; одно — молодъ еще. Но вы-то какъ мой батюшка?... Что̀ вы, какъ вы? Пойдемте-ка на балконъ — вишь, вечеръ какой славный.

Мы вышли на балконъ, сѣли и начали разговаривать. Мардарій Аполлонычъ взглянулъ внизъ, и вдругъ пришелъ въ ужасное волненье.

— Чьи это куры? чьи это куры? закричалъ онъ: чьи это куры по саду ходятъ?... Юшка! Юшка! поди узнай сейчасъ, чьи это куры по саду ходятъ.,. Чьи это куры? Сколько разъ я запрещалъ, сколько разъ говорилъ!

Юшка побѣжалъ.

— Что за безпорядки! твердилъ Мардарій Аполлонычъ: — это ужасъ!

Несчастныя куры, какъ теперь помню, двѣ крапчатыя и одна бѣлая съ хохломъ, преспокойно продолжали ходить подъ яблонями, изрѣдка выражая свои чувства продолжительнымъ крехтаньемъ,—какъ вдругъ Юшка, безъ шапки, съ палкой въ рукѣ, и трое другихъ совершеннолѣтнихъ дворовыхъ, всѣ вмѣстѣ дружно ринулись на нихъ. Пошла потѣха. Курицы кричали, хлопали крыльями, прыгали, оглушительно кудахтали; дворовые люди бѣгали, спотыкались, падали; баринъ съ балкона кричалъ, какъ изступленный: — лови, лови, лови! лови, лови, лови!... Чьи это куры, чьи это куры? — Наконецъ, одному дворовому человѣку удалось

поймать хохлатую курицу, придавивъ ее грудью къ землѣ, и въ тоже-самое время черезъ плетень сада, съ улицы, перескочила дѣвочка лѣтъ одинадцати, вся растрепанная и съ хворостиной въ рукѣ.

— А, вотъ чьи куры! — съ торжествомъ воскликнулъ помѣщикъ. — Ермила кучера куры! вонъ онъ свою Наталку загнать ихъ выслалъ... Небось Параши не выслалъ, присовокупилъ помѣщикъ въ полголоса, и значительно ухмыльнулся. — Эй, Юшка! брось курицъ-то: поймай-ка мнѣ Наталку.

Но прежде чѣмъ запыхавшійся Юшка успѣлъ добѣжать до перепуганной дѣвчонки, — откуда ни возьмись ключница, схватила ее за руку, и нѣсколько разъ шлепнула бѣдняжку по спинѣ....

— Вотъ тэкъ, э, вотъ тэкъ, подхватилъ помѣщикъ: — те, те, те! те, те, те!...А куръ-то отбери, Авдотья, прибавилъ онъ громкимъ голосомъ, и съ свѣтлымъ лицомъ обратился ко мнѣ: — какова, батюшка, травля была, ась? Вспотѣлъ даже, посмотрите.

И Мардарій Аполлонычъ расхохотался.

Мы остались на балконѣ. Вечеръ былъ, дѣйствительно, необыкновенно хорошъ.

Намъ подали чай.

— Скажите-ка, началъ я:—Мардарій Аполлонычъ, ваши это дворы выселены, вонъ тамъ на дорогѣ, за оврагомъ?

— Мои... а что̀?

— Какъ-же это вы, Мардарій Аполлонычъ? Вѣдь, это грѣшно. Избенки отведены мужикамъ скверныя, тѣсныя; деревца кругомъ не увидишь; сажалки даже нѣту; колодезь одинъ, да и тотъ никуда не годится. Неужели вы другого мѣста найдти не могли?... И говорятъ, вы у нихъ даже старые конопляники отняли.

— А что̀ будешь дѣлать съ размежеваньемъ? отвѣчалъ мнѣ Мардарій Аполлонычъ. У меня это размежеваніе, вотъ гдѣ сидитъ. — (Онъ указалъ на свой затылокъ.)—И никакой пользы я отъ этого размежеванія не предвижу. А что я конопляники у нихъ отнялъ, и сажалки, что̀-ли, тамъ у нихъ не выкопалъ, — ужь про это, батюшка, я самъ знаю. Я человѣкъ простой,—по старому поступаю. По моему, коли баринъ, такъ баринъ; а коли мужикъ, такъ мужикъ... Вотъ что̀.

На такой ясный и убѣдительный доводъ отвѣчать, разумѣется, было нечего.

— Да притомъ, продолжалъ онъ: — и мужики-то плохіе, опальные. Особенно тамъ двѣ семьи; еще батюшка покойный, дай Богъ ему царство небесное, ихъ не жаловалъ, больно не жаловалъ. А у меня, скажу вамъ, такая примѣта: коли отецъ воръ, то и сынъ воръ; ужь тамъ какъ хотите... О, кровь, кровь великое дѣло!

Между тѣмъ воздухъ затихъ совершенно. Лишь изрѣдка вѣтеръ набѣгалъ струями и, въ послѣдній разъ, замирая около дома, донесъ до нашего слуха звукъ мѣрныхъ и частыхъ ударовъ, раздававшихся въ направленіи конюшни. Мардарій Аполлонычъ только что донесъ къ губамъ налитое блюдечко, и уже расширилъ было ноздри, безъ чего, какъ извѣстно, ни одинъ коренной русакъ не втягиваетъ въ себя чая, — но остановился, прислушался, кивнулъ головой, хлебнулъ и, ставя блюдечко на столъ, произнесъ съ добрѣйшей улыбкой, и какъ-бы невольно вторя ударамъ: «Чюки-чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ!»

— Это что̀ такое? спросилъ я съ изумленіемъ.

— А тамъ, по моему приказу, шалунишку наказываютъ... Васю буфетчика изволите знать?

— Какого Васю?

— Да вотъ, что̀ намедни за обѣдомъ намъ служилъ. Еще съ такими большими бакенбардами ходитъ.

Самое лютое негодованіе не устояло-бы противъ яснаго и кроткаго взора Мардарія Аполлоныча.

— Что̀ вы, молодой человѣкъ, что̀ вы? заговорилъ онъ, качая головой. — Что̀ я злодѣй, что̀ ли, что вы на меня такъ уставились? Любя̆й, да наказуетъ: вы сами знаете.

Черезъ четверть часа я простился съ Мардарьемъ Аполлонычемъ. Проѣзжая черезъ деревню, увидѣлъ я буфетчика Васю. Онъ шелъ по улицѣ и грызъ орѣхи. Я велѣлъ кучеру остановить лошадей и подозвалъ его.

— Что̀ братъ, тебя сегодня наказали? спросилъ я его.

— А вы почемъ знаете? отвѣчалъ Вася.

— Мнѣ твой баринъ сказывалъ.

— Самъ баринъ?

— За что-жь онъ тебя велѣлъ наказать?

— А по дѣломъ, батюшка, по дѣломъ. У насъ по пустякамъ не наказываютъ; такого за-

веденья у насъ нѣту — ни, ни. У насъ баринъ не такой; у насъ баринъ.... такого барина въ цѣлой губерніи не сыщешь.

— Пошолъ! сказалъ я кучеру. Вотъ она, старая-то Русь, думалъ я на возвратномъ пути.

XIV.

ЛЕБЕДЯНЬ.

ЛЕБЕДЯНЬ.

Одна изъ главныхъ выгодъ охоты, любезные мои читатели, состоитъ въ томъ, что она заставляетъ васъ безпрестанно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, что для человѣка незанятаго весьма пріятно. Правда, иногда (особенно въ дождливое время) не слишкомъ весело скитаться по проселочнымъ дорогамъ, брать «цѣликомъ,» останавливать всякаго встрѣчнаго мужика вопросомъ: «эй, любезный! какъ-бы намъ проѣхать въ Мордовку?» а въ Мордовкѣ выпытывать у тупоумной бабы (работники-то всѣ въ полѣ): далеко-ли до постоялыхъ дворниковъ на большой дорогѣ, и какъ до нихъ добраться,— и, проѣхавъ верстъ десять, вмѣсто постоялыхъ дворниковъ очутиться въ помѣщичьемъ, сильно

раззоренномъ сельцѣ Худобубновѣ, къ крайнему изумленію цѣлаго стада свиней, погруженныхъ по уши въ темнобурую грязь на самой серединѣ улицы и нисколько не ожидавшихъ, что ихъ обезпокоятъ. Не весело также переправляться черезъ животрепещущіе мостики, спускаться въ овраги, перебираться въ бродъ черезъ болотистые ручьи; не весело ѣхать, цѣлыя сутки ѣхать по зеленоватому морю большихъ дорогъ, или, чего Боже сохрани, загрязнуть на нѣсколько часовъ передъ пестрымъ верстовымъ столбомъ съ цыфрами: 22 на одной сторонѣ и 23 на другой; невесело по недѣлямъ питаться яицами, молокомъ и хваленымъ ржанымъ хлѣбомъ... Но всѣ эти неудобства и неудачи выкупаются другого рода выгодами и удовольствіями. Впрочемъ, приступимъ къ самому разсказу.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, мнѣ не для чего толковать читателю, какимъ образомъ, лѣтъ пять тому назадъ, я попалъ въ Лебедянь въ самый развалъ ярмарки. Нашъ братъ охотникъ можетъ въ одно прекрасное утро выѣхать изъ своего болѣе или менѣе родоваго помѣстья съ намѣреньемъ вернуться на другой-же день вечеромъ, и по-немногу, по-немногу, не переставая

стрѣлять по бекасамъ, достигнуть наконецъ благословенныхъ береговъ Печоры; притомъ, всякій охотникъ до ружья и до собаки страстный почитатель благороднѣйшаго животнаго въ мірѣ—лошади, И такъ, я прибылъ въ Лебедянь, остановился въ гостиницѣ, переодѣлся и отправился на ярмарку. (Половой, длинный и сухопарый, малый лѣтъ двадцати, со сладкимъ носовымъ тенороmъ, уже успѣлъ мнѣ сообщить, что ихъ сіятельство, князь Н., ремонтеръ ***го полка, остановился у нихъ въ трактирѣ, что много другихъ господъ наѣхало, что по вечерамъ цыгане поютъ, и пана Твердовскаго даютъ на театрѣ, что кони, дескать, въ цѣнѣ, — а впрочемъ, хорошіе приведены кони).

На ярмарочной площади безконечными рядами тянулись телѣги, а за телѣгами лошади всѣхъ возможныхъ родовъ: рысистыя, заводскія, битюки, возовыя, ямскія и простыя крестьянскія. Иныя, сытыя и гладкія, подобранныя по мастямъ, покрытыя разноцвѣтными попонами, коротко привязанныя къ высокимъ кряквамъ, боязливо косились назадъ, на слишкомъ знакомые имъ кнуты своихъ владѣльцевъ, барышниковъ; помѣщичьи кони, высланные степными дворянами за сто, за двѣсти верстъ, подъ

надзоромъ какого нибудь дряхлаго кучера и двухъ или трехъ крѣпкоголовыхъ конюховъ, махали своими длинными шеями, топали ногами, грызли со скуки надолбы; саврасыя вятки плотно прижимались другъ къ дружкѣ; въ величавой неподвижности, словно львы, стояли широкозадые рысаки съ волнистыми хвостами и косматыми лапами, сѣрые въ яблокахъ, вороные, гнѣдые. Знатоки почтительно останавливались передъ ними. Въ улицахъ, образованныхъ телѣгами, толпились люди всякаго званія, возраста и вида: барышники, въ синихъ кафтанахъ и высокихъ шапкахъ, лукаво высматривали и выжидали покупщиковъ; лупоглазые, кудрявые цыганы метались взадъ и впередъ, какъ угорѣлые, глядѣли лошадямъ въ зубы, подымали имъ ноги и хвосты, кричали, бранились, служили посредниками метали жребій, или увивались около какого нибудь ремонтера въ фуражкѣ и военной шинели съ бобромъ. Дюжій казакъ торчалъ верхомъ на тощемъ меринѣ съ оленьей шеей и продавалъ его «со всимъ», т. е., съ сѣдломъ и уздечкой. Мужики, въ изорванныхъ подъ мышками тулупахъ, отчаянно продирались сквозь толпу, наваливались десятками на телѣгу, запряженную лошадью,

которую слѣдовало «спробовать», или, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, при помощи увертливаго цыгана, торговались до изнеможенія, сто разъ сряду хлопали другъ друга по рукамъ, настаивая каждый на своей цѣнѣ, между тѣмъ, какъ предметъ ихъ спора, дрянная лошаденка, покрытая покороблепной рогожей, только-что глазами помаргивала, какъ будто дѣло шло не о ней... И въ самомъ дѣлѣ, не все-ли ей равно, кто ее бить будетъ! Широколобые помѣщики съ крашеными усами и выраженіемъ достоинства на лицѣ, въ конфедераткахъ и камлотовыхъ чуйкахъ, надѣтыхъ на одинъ рукавъ, снисходительно заговаривали съ пузатыми купцами въ пуховыхъ шляпахъ и зеленыхъ перчаткахъ. Офицеры различныхъ полковъ толкались тутъ же; необыкновенно длинный кирасиръ, нѣмецкаго происхожденія, хладнокровно спрашивалъ у хромого барышника: «сколько онъ желаетъ получить за сію рыжую лошадь?» Бѣлокурый гусарчикъ, лѣтъ девятнадцати, подбиралъ пристяжную къ поджарому иноходцу; ямщикъ въ низкой шляпѣ, обвитой павлиньимъ перомъ, въ буромъ армякѣ и съ кожаными рукавицами, засунутыми за узкій зеленепькій кушакъ, искалъ коренника. Кучера заплетали лошадямъ

своимъ хвосты, мочили гривы и давали почти-тельные совѣты господамъ; окончившіе сдѣлку спѣшили въ трактиръ или въ кабакъ, смотря по состоянію... И все это возилось, кричало, копошилось, ссорилось и мирилось, бранилось и смѣялось, въ грязи по колѣни.—Мнѣ хотѣлось купить тройку сносныхъ лошадей для своей брычки: мои начинали отказываться. Я нашелъ двухъ, а третью не успѣлъ подобрать. Послѣ обѣда, котораго описывать я не берусь (уже Эней зналъ, какъ непріятно припоминать минувшее горе), отправился я въ такъ называемую кофейную, куда каждый вечеръ собирались ремонтеры, заводчики и другіе пріѣзжіе. Въ бильярдной комнатѣ, затопленной свинцовыми волнами табачнаго дыма, находилось человѣкъ двадцать. Тутъ были развязные молодые помѣщики въ венгеркахъ и сѣрыхъ панталонахъ, съ длинными висками и намасленнымп усиками, благородно и смѣло взиравшіе кругомъ; другіе дворяне въ казакинахъ, съ необыкновенно короткими шеями и заплывшими глазками, тутъже мучительно сопѣли; купчики сидѣли въ сторонѣ, какъ говорится «на чуку»; офицеры свободно разговаривали другъ съ другомъ. На бильярдѣ игралъ князь Н., молодой человѣкъ

лѣтъ двадцати двухъ, съ веселымъ и нѣсколько презрительнымъ лицомъ, въ сюртукѣ на распашку, красной шелковой рубахѣ и широкихъ бархатныхъ шароварахъ; игралъ онъ съ отставнымъ поручикомъ Викторомъ Хлопаковымъ.

Отставной поручикъ Викторъ Хлопаковъ, маленькій, смугленькій и худенькій человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ черными волосиками, карими глазами и тупымъ вздернутымъ носомъ, прилежно посѣщаетъ выборы и ярмарки. Онъ подпрыгиваетъ на-ходу, ухорски разводитъ округленными руками, шапку носитъ на-бекрень и заворачиваетъ рукава своего военнаго сюртука, подбитаго сизымъ каленкоромъ. Господинъ Хлопаковъ обладаетъ умѣньемъ поддѣлываться къ богатымъ петербурскимъ шалунамъ, куритъ, пьетъ и въ карты играетъ съ ними, говоритъ имъ «ты». Зачто они его жалуютъ, понять довольно мудрено. Онъ не уменъ, онъ даже не смѣшонъ; въ шуты онъ тоже не годится. Правда, съ нимъ обращаются дружески-небрежно, какъ съ добрымъ, но пустымъ малымъ; якшаются съ нимъ въ теченіи двухъ, трехъ недѣль, а потомъ вдругъ и не кланяются съ нимъ, и онъ самъ ужъ не кланяется. Особенность поручика Хлопакова со-

стоитъ въ томъ, что онъ въ продолженіе года, иногда двухъ, употребляетъ постоянно одно и тоже выраженіе, кстати и не кстати, выраженіе нисколько не забавное, но которое, Богъ знаетъ почему, всѣхъ смѣшитъ. Лѣтъ восемь тому назадъ, онъ на каждомъ шагу говорилъ: «мое вамъ почитаніе, покорнѣйше благодарствую», и тогдашніе его покровители всякій разъ помирали со смѣху и заставляли его повторять «мое почитаніе»; потомъ онъ сталъ употреблять довольно сложное выраженіе: «нѣтъ, ужь это вы того, кескесэ, — это вышло выходитъ», и съ тѣмъ-же блистательнымъ успѣхомъ; года два спустя придумалъ новую прибаутку: «не ву горячепа, человѣкъ Божій, обшитъ бараньей кожей» и т. д. И что-же! эти, какъ видите, вовсе не затѣйливыя словечки его кормятъ, поятъ и одѣваютъ. (Имѣнье онъ свое давнымъ-давно промоталъ, и живетъ единственно насчетъ пріятелей). Замѣтьте, что рѣшительно никакихъ другихъ любезностей за нимъ не водится; правда, онъ выкуриваетъ сто трубокъ Жукова въ день, а играя на бильярдѣ, поднимаетъ правую ногу выше головы и, прицѣливаясь, неистово ёрзаетъ кіемъ по рукѣ, — ну да, вѣдь, до такихъ достоинствъ не всякій

охотникъ. Пьетъ онъ тоже хорошо... да на Руси этимъ отличиться мудрено. Словомъ, успѣхъ его — совершенная для меня загадка... Одно развѣ: остороженъ онъ, сору изъ избы не выноситъ, ни о комъ дурнаго словечка не скажетъ...

— Ну, подумалъ я при видѣ Хлопакова: — какая-то его нынѣшняя поговорка?

Князь сдѣлалъ бѣлаго.

— Тридцать и никого, возопилъ чахоточный маркеръ съ темнымъ лицемъ и свинцомъ подъ глазами.

Князь съ трескомъ положилъ желтаго въ крайнюю лузу.

— Экъ! одобрительно крякнулъ всѣмъ животомъ толстенькій купецъ, сидѣвшій въ уголкѣ за шаткимъ столикомъ на одной ножкѣ, крякнулъ и оробѣлъ. Но къ-счастью никто его не замѣтилъ. Онъ отдохнулъ и погладилъ бородку.

— Тридцать шесть и очень мало! закричалъ маркеръ въ носъ.

— Что, каково, братъ? спросилъ князь, Хлопакова.

— Что-жь? извѣстно, рррракаліооонъ, какъ есть рррракаліооонъ.

Князь прыснулъ со смѣху.

— Какъ, какъ? повтори!

—Рррракаліооонъ! самодовольно повторилъ отставной поручикъ.

— Вотъ оно, слово-то, подумалъ я.

Князь положилъ краснаго въ лузу.

— Эхъ! не такъ, князь, не такъ залепеталъ вдругъ бѣлокурый офицерикъ съ покраснѣвшими глазками, крошечнымъ носикомъ и младенчески заспаннымъ лицемъ.—Не такъ играете... надо было... не такъ!

—Какъ-же? спросилъ его князь черезъ плечо.

— Надо было... того... триплетомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, пробормоталъ князь сквозь зубы.

— А что̀, князь, сегодня вечеромъ къ цыганамъ? поспѣшно подхватилъ сконфуженный молодой человѣкъ. — Стешка пѣть будетъ... Ильюшка...

Князь и не отвѣчалъ ему.

— Рррракаліооонъ, братецъ, проговорилъ Хлопаковъ, лукаво прищуривъ лѣвый глазъ.

И князь расхохотался.

— Тридцать девять и никово, провозгласилъ маркеръ.

— Никого... посмотри-ка, какъ я вотъ этого жолтаго...

Хлопаковъ заёрзалъ кіемъ по рукѣ, прицѣлился и скиксовалъ.

—Э, рракаліоонъ, закричалъ онъ съ досадой.

Князь опять разсмѣялся.

— Какъ, какъ, какъ?

Но Хлопаковъ своего слова повторить не захотѣлъ: надо-жь пококетничать.

— Стиксъ изволили дать, замѣтилъ маркеръ. — Позвольте помѣлить... сорокъ и очень мало!

— Да, господа, заговорилъ князь, обращаясь ко всему собранію и не глядя, впрочемъ, ни на кого въ особенности: — вы знаете, сегодня въ театрѣ Вержембицкую вызывать.

— Какъ-же, какъ-же, непремѣнно, воскликнуло на-перерывъ нѣсколько господъ, удивительно польщенныхъ возможностью отвѣчать на княжескую рѣчь: — Вержембицкую...

— Вержембицкая отличная актриса, гораздо лучше Сопняковой, пропищалъ изъ угла плюгавенькій человѣкъ съ усиками и въ очкахъ. Несчастный! онъ втайнѣ сильно вздыхалъ по Сопняковой, а князь не удостоилъ его даже взглядомъ.

— Че-о-экъ, э, трубку! произнесъ въ галстухъ какой-то господинъ высокаго роста, съ

правильнымъ лицомъ и благороднѣйшей осанкой, — по всѣмъ признакамъ шулеръ.

Человѣкъ побѣжалъ за трубкой, и, вернувшись, доложилъ его сіятельству, что, дескать, ямщикъ Баклага ихъ спрашиваютъ-съ.

— А! ну, вели ему подождать, да водки ему поднеси.

— Слушаю-съ.

Баклагой, какъ мнѣ потомъ сказали, прозывался молодой, красивый и чрезвычайно избалованный ямщикъ; князь его любилъ, дарилъ ему лошадей, гонялся съ нимъ, проводилъ съ нимъ цѣлыя ночи... Этого самаго князя, бывшаго шалуна и мота, вы бы теперь не узнали... Какъ онъ роздушонъ, затянутъ, гордъ! Какъ занятъ службой, — а главное, какъ разсудителенъ!

Однако табачный дымъ начиналъ выѣдать мнѣ глаза. Въ послѣдній разъ выслушавъ восклицаніе Хлопакова и хохотъ князя, я отправился въ свой номеръ, гдѣ на волосяномъ, узкомъ и продавленномъ диванѣ, съ высокой выгнутой спинкой, мой человѣкъ уже послалъ мнѣ постель.

На другой день пошелъ я смотрѣть лошадей по дворамъ, и началъ съ извѣстнаго барышни-

ка Ситникова. Черезъ калитку вошелъ я на дворъ, посыпанный песочкомъ. Передъ настежь раскрытою дверью конюшни стоялъ самъ хозяинъ, человѣкъ уже не молодой, высокій и толстый, въ заячьемъ тулупчикѣ, съ поднятымъ и подвернутымъ воротникомъ. Увидавъ меня, онъ медленно двинулся ко мнѣ на встрѣчу, подержалъ обѣими руками шапку надъ головой и на распѣвъ произнесъ:

— А, наше вамъ почтеніе. Чай, лошадокъ угодно посмотрѣть.

— Да, пришелъ лошадокъ посмотрѣть.

— А какихъ именно, смѣю спросить?

— Покажите, что у васъ есть.

— Съ нашимъ удовольствіемъ.

Мы вошли въ конюшню. Нѣсколько бѣлыхъ шавокъ поднялось съ сѣна и подбѣжало къ намъ, виляя хвостами; длиннобородый старый козелъ съ неудовольствіемъ отошелъ въ сторону; три конюха, въ крѣпкихъ, но засаленныхъ тулупахъ, молча намъ поклонились. Направо и налѣво, въ искуственно-возвышенныхъ стойлахъ, стояло около тридцати лошадей, выхоленныхъ и вычищенныхъ на славу. По перекладинамъ перелетывали и ворковали голуби.

— Вамъ, то-есть, для чего требуется лошадка: для ѣзды или для завода? спросилъ меня Ситниковъ.

— И для ѣзды, и для завода.

— Понимяемъ-съ, понимяемъ-съ, понимяемъ-съ, съ растановкою произнесъ барышникъ. —Петя, покажи господину Горностая.

Мы вышли на дворъ.

— Да не прикажете-ли лавочку изъ избы вынести?... Не требуется?... Какъ угодно.

Копыта загремѣли по доскамъ, щелкнулъ кнутъ, и Петя, малый лѣтъ сорока, рябой и смуглый, выскочилъ изъ конюшни вмѣстѣ съ сѣрымъ, довольно статнымъ жеребцемъ, далъ ему подняться на дыбы, пробѣжалъ съ нимъ раза два кругомъ двора, и ловко осадилъ его на показномъ мѣстѣ. Горностай вытянулся, со свистомъ фыркнулъ, закинулъ хвостъ, повелъ мордой и покосился на насъ.

— Ученая птица! подумалъ я.

— Дай волю, дай волю, проговорилъ Ситниковъ и уставился на меня.

— Какъ по вашему будетъ-съ? спросилъ онъ наконецъ.

— Лошадь не дурна, —переднія ноги не совсѣмъ надежны.

— Ноги отличныя, съ убѣжденіемъ возразилъ Ситниковъ: — а задъ-то,.. изволите посмотрѣть... печь печью, хоть выспись.

— Бабки длинны.

— Что̀ за длинны — помилосердуйте. Пробѣги-ка, Петя, пробѣги, да рысью, рысью, рысью... не давай скакать.

Петя опять пробѣжалъ по двору съ Горностаемъ. Мы всѣ помолчали.

— Ну, поставь его на мѣсто, проговорилъ Ситниковъ. — Да Сокола намъ подай.

Соколъ, вороной, какъ жукъ, жеребецъ голланской породы со свислымъ задомъ и поджарый, оказался немного получше Горностая. Онъ принадлежалъ къ числу лошадей, о которыхъ говорятъ охотники, что «онѣ сѣкутъ и рубятъ, и въ полонъ берутъ», т. е. на ходу вывертываютъ и выкидываютъ передними ногами направо и налѣво, а впередъ мало подвигаются. Купцы среднихъ лѣтъ подлюбливаютъ такихъ лошадей; побѣжка ихъ напоминаетъ ухорскую походку бойкаго полового; онѣ хороши въ одиночку, для гулянья послѣ обѣда: выступая фертомъ и скрутивъ шею, усердно везутъ онѣ аляповатыя дрожки, нагруженныя наѣвшимся до онѣмѣнья кучеромъ, при-

давленнымъ купцомъ, страдающимъ изжогой, и рыхлой купчихой въ голубомъ шолковомъ салопѣ и лиловомъ платкѣ на головѣ. Я отказался и отъ Сокола. Ситниковъ показалъ мнѣ еще нѣсколько лошадей... Одна наконецъ, сѣрый въ яблокахъ жеребецъ воейковской породы, мнѣ понравилась. Я не могъ удержаться, и съ удовольствіемъ потрепалъ ее по холкѣ. Ситниковъ тотчасъ прикинулся равнодушнымъ.

— А что̀ онъ, ѣдетъ хорошо? спросилъ я. (О рысакѣ не говорятъ: бѣжитъ.)

— Ѣдетъ, спокойно отвѣтилъ барышникъ.

— Нельзя-ли посмотрѣть.

— Отчего-же, можно-съ. Эй, Кузя, Догоняя въ дрожки заложить.

Кузя, наѣздникъ, мастеръ своего дѣла, проѣхалъ раза три мимо насъ по улицѣ. Хорошо бѣжитъ лошадь. не сбивается, задомъ не подбрасываетъ, ногу выноситъ свободно, хвостъ отдѣляетъ и «держитъ» рѣдкомахъ.

— А что̀ вы за него просите?

Ситниковъ заломилъ цѣну небывалую. Мы начали торговаться тутъ-же на улицѣ, какъ вдругъ изъ-за угла съ громомъ вылетѣла мастерски-подобранная ямская тройка, и лихо остановилась передъ воротами Ситникова до-

ма. На охотницкой, щегольской телѣжкѣ сидѣлъ князь Н.; возлѣ него торчалъ Хлопаковъ. Баклага правилъ лошадьми... и какъ правилъ! сквозь сережку-бы проѣхалъ, разбойникъ! Гнѣдыя пристяжныя, маленькія, живыя, черноглазыя, черноногія, такъ и горятъ такъ, и поджимаются; свисни только — пропали! Караковая коренная стоитъ себѣ, закинувъ шею, словно лебедь, грудь впередъ, ноги какъ стрѣлы; знай головой помахиваетъ, да гордо щурится... Хорошо! хоть-бы кому въ свѣтлый праздникъ прокатиться?

— Ваше сіятельство! милости просимъ! закричалъ Ситниковъ.

Князь соскочилъ съ телѣги. Хлопаковъ медленно слѣзъ съ другой стороны.

— Здравствуй, братъ... Есть лошади?

— Какъ не быть для вашего сіятельства! Пожалуйте, войдите... Петя, Павлина подай! да Похвальнаго чтобъ готовили. А съ вами, батюшка, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:— мы въ другое время покончимъ... Ѳомка, лавку его сіятельству.

Изъ особенной, мною сперва не замѣченной конюшни вывели Павлина. Могучій, темно-гнѣдой конь такъ и взвился всѣми ногами на воз-

духъ. Ситниковъ даже голову отвернулъ и зажмурился.

—У, рракаліонъ! провозгласилъ Хлопаковъ. Жэмса!

Князь засмѣялся.

Павлина остановили не безъ труда; онъ таки повозилъ конюха по двору; наконецъ, его прижали къ стѣнѣ. Онъ храпѣлъ, вздрагивалъ и поджимался, а Ситниковъ еще дразнилъ его, замахиваясь на него кнутомъ.

— Куда глядишь? вотъ я-те! у! говорилъ барышникъ съ ласковой угрозой, самъ неволь-но любуясь своимъ конемъ.

— Сколько? спросилъ князь.

— Для вашего сіятельства пять тысячъ.

— Три.

— Нельзя-я-съ, ваше сіятельство, помилуйте...

— Говорятъ, три, рракаліоонъ, подхватилъ Хлопаковъ.

Я не дождался конца сдѣлки и ушелъ. У крайняго угла улицы замѣтилъ я на воротахъ сѣроватаго домика приклеенный большой листъ бумаги. На верху былъ нарисованъ перомъ конь съ хвостомъ въ видѣ трубы и нескончаемой шеей, а подъ копытами коня стоялъ слѣ-

дующія слова, написанныя старинным̀ъ почер-
ком̀ъ:

«Здѣсь продаются разныхъ мастей лошади,
«приведенныя на Лебедянскую ярмарку съ из-
«вѣстнаго степнаго завода Анастасья Иваныча
«Чернобая, Тамбовскаго помѣщика. Лошади
«сіи отличныхъ статей, выѣзжены въ совер-
«шенствѣ и кроткаго нрава. Господа покупа-
«тели благоволятъ спросить самого Анастасея
«Иваныча: буде-же Анастасей Иванычъ въ от-
«сутствіи, то спросить кучера Назара Кубы-
«шкина. Господа покупатели, милости про-
симъ почтить старичка!»

Я остановился. Дай, думаю, посмотрю ло-
шадей извѣстнаго степнаго заводчика г–на Чернобая.

Я хотѣлъ было войдти въ калитку, но, про-
тивъ обыкновенія, нашелъ ее запертой. Я по-
стучался.

— Кто тамъ?... Покупатель? пропищалъ женскій голосъ.

— Покупатель.

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ.

Калитка растворилась. Я увидалъ бабу лѣтъ пятидесяти, простоволосую, въ сапогахъ и въ тулупѣ на-распашку.

— Извольте, кормилецъ, войдти, а я сейчасъ пойду Анастасею Иванычу доложу... Назаръ, а, Назаръ!

— Чего? прошамшилъ изъ конюшни голосъ семидесятилѣтняго старца.

—Лошадокъ приготовь: покупатель пришелъ.

Старуха побѣжала въ домъ.

— Покупатель, покупатель, проворчалъ ей въ отвѣтъ Назаръ. Я имъ еще не всѣмъ хвосты подмылъ.

— О, Аркадія! подумалъ я.

— Здравствуй, батюшка, милости просимъ, медленно раздался за моей спиной сочный и пріятный голосъ. Я оглянулся: передо мною, въ синей долгополой шинели, стоялъ старикъ средняго роста, съ бѣлыми волосами, любезной улыбкой и прекрасными голубыми глазами.

—Лошадокъ тебѣ? Изволь, батюшка изволь... Да не хочешь-ли ко мнѣ сперва чайку зайдти напиться?

Я отказался и поблагодарилъ.

— Ну, какъ тебѣ угодно. Ты меня, батюшка, извини: вѣдь, я по старинѣ. (Г-нъ Чернобай говорилъ, не спѣша, и на о). — У меня все по простотѣ, знаешь... Назаръ, а Назаръ,—прибавилъ онъ протяжно и не возвышая голоса.

Назаръ, сморщенный старичишка съ ястребинымъ носикомъ и клиновидной бородкой, показался на порогѣ конюшни.

— Какихъ тебѣ, батюшка, лошадей требуется? продолжалъ г–нъ Чернобай.

— Не слишкомъ дорогихъ, ѣзжалыхъ, въ кибитку.

— Изволь... и такія есть, изволь... Назаръ, Назаръ, покажи барину сѣренькаго меренька, знаешь, что съ краю–то стоитъ, да гнѣдую съ лысиной, а не то—другую гнѣдую, что отъ Красотки, знаешь?

Назаръ вернулся въ конюшню.

— Да ты на недоузкахъ такъ ихъ и выведи, закричалъ ему вслѣдъ г–нъ Чернобай.— У меня, батюшка, продолжалъ онъ, ясно и кротко глядя мнѣ въ лицо: — не то, что у барышниковъ,— чтобъ имъ пусто было! У нихъ тамъ имбири разные пойдутъ, соль, барда *, Богъ съ ними со всѣмъ!... А у меня, изволишь видѣть, все на ладони, безъ хитростей.

Вывели лошадей. Не понравились онѣ мнѣ.

— Ну, поставь ихъ съ Богомъ на мѣсто, проговорилъ Анастасей Иванычъ. — Другихъ намъ покажи.

* Отъ барды и соли лошадь скоро тучнѣетъ.

Показали другихъ. Я наконецъ выбралъ одну, подешевле. Начали мы торговатся. Г–нъ Чернобай не горячился, говорилъ такъ разсудительно, съ такою важностью, что я не могъ не «почтить старичка»: далъ задатокъ.

— Ну, теперь, примолвилъ Анастасей Иванычъ: — позволь мнѣ, по старому обычаю, тебѣ лошадку изъ полы въ полу передать... Будешь за нее меня благодарить... вѣдь, свѣженькая! словно орѣшекъ...нетронутая...степнячо–окъ! Во всякую упряжь ходитъ.

Онъ перекрестился, положилъ полу своей шинели себѣ на руку, взялъ недоуздокъ и передалъ мнѣ лошадь,

— Владѣй съ Богомъ теперь... А чайку́ все не хочешь?

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю: мнѣ домой пора.

— Какъ угодно.... А мой кучерокъ теперь за тобой лошадку поведетъ?

— Да, теперь, если позволите.

— Изволь, голубчикъ, изволь... Василій, а Василій, ступай съ бариномъ; лошадку сведи и деньги получи. Ну, прощай, батюшка съ Богомъ.

— Прощайте, Анастасей Иванычъ.

Привели мнѣ лошадь на домъ. На другой же день она оказалась запаленой и хромой. Вздумалъ я было ее заложить: пятится моя лошадь назадъ, а ударить ее кнутомъ, зартачится, побрыкаетъ, да и ляжетъ. Я тотчасъ отправился къ г–ну Чернобаю. Спрашиваю:

— Дома?

— Дома.

— Что̀–жь это вы, говорю: — вѣдь, вы мнѣ запаленную лошадь продали.

— Запаленную?... Сохрани Богъ!

— Да она еще и хромая притомъ и съ норовомъ.

— Хромая? Не знаю; видно твой кучерокъ ее какъ нибудь попортилъ... а я, какъ передъ Богомъ...

— Вы, по-настоящему, Анастасей Иванычъ, ее назадъ взять должны.

— Нѣтъ, батюшка, не прогнѣвайся: ужь коли со двора долой, — кончено. Прежде–бы изволилъ смотрѣть.

Я понялъ въ чемъ дѣло, покорился своей участи, разсмѣялся и ушелъ. Къ–счастью, я за урокъ не слишкомъ дорого заплатилъ.

Дня черезъ два я уѣхалъ, а черезъ недѣлю опять завернулъ въ Лебедянь на возврат-

номъ пути. Въ кофейной я нашелъ почти тѣже лица и опять засталъ князя Н. за бильярдомъ. Но въ судьбѣ господина Хлопакова уже успѣла произойдти обычная перемѣна. Бѣлокурый офицерчикъ смѣнилъ его въ милостяхъ князя. Бѣдный отставной поручикъ попытался еще разъ при мнѣ пустить въ ходъ свое словечко, — авось, дескать, понравится по прежнему, — но князь не только не улыбнулся, даже нахмурился и пожалъ плечомъ. Господинъ Хлопаковъ потупился, съёжился, пробрался въ уголокъ и началъ въ тихомолочку набивать себѣ трубочку...

XV.

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА

И

ЕЯ ПЛЕМЯННИКЪ.

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА

и

ЕЯ ПЛЕМЯННИКЪ.

Дайте мнѣ руку, любезный читатель, и поѣдемте вмѣстѣ со мной. Погода прекрасная; кротко синѣетъ майское небо; гладкіе молодые листья ракитъ блестятъ, словно вымытые; широкая, ровная дарога вся покрыта той мелкой травой съ красноватымъ стебелькомъ, которую такъ охотно щиплютъ овцы; направо и налѣво, по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ, тихо зыблется зеленая рожь; жидкими пятнами скользятъ по ней тѣни небольшихъ тучекъ. Въ отдаленьи темнѣютъ лѣса, сверкаютъ пруды, желтѣютъ деревни; жаворонки сотнями поднимаются, поютъ, падаютъ стремглавъ, вытянувъ шейки, торчатъ на глыбочкахъ; грачи на дорогѣ останавливаются, глядятъ на васъ, приникаютъ

съ свѣтлыми окнами... Мы у Татьяны Борисовны. Да вотъ и она сама отворяетъ форточку и киваетъ намъ головой... Здравствуйте, матушка!

Татьяна Борисовна женщина лѣтъ пятидесяти, съ большими сѣрыми глазами на выкатѣ, нѣсколько тупымъ носомъ румяными щеками и двойнымъ подбородкомъ. Лицо ея дышитъ привѣтомъ и лаской. Она когда-то была за-мужемъ, но скоро овдовѣла. Татьяна Борисовна весьма замѣчательная женщина. Живетъ она безвыѣздно въ своемъ маленькомъ помѣстьи, съ сосѣдями мало знается, принимаетъ и любитъ однихъ молодыхъ людей. Родилась она отъ весьма бѣдныхъ помѣщиковъ и не получила никакого воспитанія, т. е. не говоритъ по французски; въ Москвѣ даже никогда не бывала,—и, не смотря на всѣ эти недостатки, такъ просто и хорошо себя держитъ, такъ свободно чувствуетъ и мыслитъ, такъ мало заражена обыкновенными недугами мелкопомѣстной барыни, что, поистинѣ, невозможно ей не удивляться... И въ самомъ дѣлѣ: женщина круглый годъ живетъ въ деревнѣ, въ глуши—и не сплетничаетъ, не пищитъ, не присѣдаетъ, не волнуется, не давится, не дрожитъ отъ любопытства... чудеса! Хо-

дитъ она обыкновенно въ сѣромъ тафтяномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ съ висячими лиловыми лентами; любитъ покушать, но безъ излишества; варенье, сушенье и соленье предоставляетъ клюшницѣ. — Чѣмъ же она занимается цѣлый день? спрòсите вы... Читаетъ? — Нѣтъ, не читаетъ; да и правду сказать, книги не для нее печатаются... Если нѣтъ у ней гостя, сидитъ-себѣ моя Татьяна Борисовна подъ окномъ и чулокъ вяжетъ — зимой; лѣтомъ въ садъ ходитъ, цвѣты сажаетъ и поливаетъ, съ котятами играетъ по цѣлымъ часамъ, голубей кормитъ... Хозяйствомъ она мало занимается. Но если заѣдитъ къ ней гость, молодой какой-нибудь сосѣдъ, котораго она жалуетъ—Татьяна Борисовна вся оживится; усадитъ его, напоитъ чаемъ, слушаетъ его разсказы, смѣется, изрѣдка его по щекѣ потреплетъ, но сама говоритъ мало; въ бѣдѣ, въ горѣ утѣшитъ, добрый совѣтъ, подастъ, и сколько людей повѣрили ей свои домашнія, задушевныя тайны, плакали у ней на рукахъ. Бывало, сядетъ она противъ гостя обопрется тихонько на локоть и съ такимъ участіемъ смотритъ ему въ глаза, такъ дружелюбно улыбается, что гостю невольно въ голову прійдетъ мысль: какая-же ты славная

женщина, Татьяна Борисовна! Дай-ка я тебѣ разскажу, что уменя на сердцѣ. Въ ея небольшихъ, уютныхъ комнаткахъ хорошо, тепло человѣку; у ней всегда въ домѣ прекрасная погода, если можно такъ выразиться. Удивительная женщина Татьяна Борисовна, а никто ей не удивляется: ея здравый смыслъ, твердость и свобода, горячее участіе въ чужихъ бѣдахъ и радостяхъ, словомъ, всѣ ея достоинства точно родились въ ней, никакихъ трудовъ и хлопотъ ей не стоили... Ее иначе и вообразить невозможно, стало быть и не за что ее благодарить. Особенно любитъ она глядѣть на игры и шалости молодежи; сложитъ руки подъ грудью, закинетъ голову, прищуритъ глаза и сидитъ, улыбаясь, да вдругъ вздохнетъ и скажетъ: ахъ, вы, дѣтки мои, дѣтки!.. Такъ, бывало, и хочется подойдти къ ней, взять ее за руку и сказать:—послушайте, Татьяна Борисовна, вы себѣ цѣны не знаете, вѣдь, вы при всей вашей простотѣ и неучености необыкновенное существо!—Одно имя ея звучитъ чѣмъ-то знакомымъ, привѣтнымъ, охотно произносится, возбуждаетъ дружелюбную улыбку. Сколько разъ мнѣ, на-примѣръ, случалось спросить у встрѣчнаго мужика:—какъ, братецъ, проѣхать, положимъ, въ Грачевку?—

«А вы, батюшка, ступайте сперва на Вязовое, а оттолѣ на Татьяну Борисовну, а отъ Татьяны Борисовны всякъ вамъ укажетъ». И при имени Татьяны Борисовны мужикъ какъ-то особенно головой тряхнетъ. Прислугу она держитъ небольшую, по состоянью. Домомъ, прачешной, кладовой и кухней завѣдываетъ у нея клюшница Агаѳья, бывшая ея няня добрѣйшее слезливое и беззубое существо; двѣ здоровые дѣвки, съ крѣпкими сизыми щеками, въ родѣ антоновскихъ яблокъ, состоятъ подъ ея начальствомъ. Должность камердинера, дворецкаго и буфетчика занимаетъ семидесятилѣтній слуга Поликарпъ, чудакъ необыкновенный, человѣкъ начитанный, отставной скрыпачь и поклонникъ Віотти, личный врагъ Наполеона или, какъ онъ говоритъ, Бонапартишки, и страстный охотникъ до соловьевъ. Онъ ихъ всегда держитъ пять или шесть у себя въ комнатѣ; ранней весной по цѣлымъ днямъ сидитъ возлѣ клѣтокъ, выжидая перваго «рокотанья», и, дождавшись, закроетъ лицо руками, застонетъ: «охъ жалко, жалко!»—и въ три-ручья зарыдаетъ. Къ Поликарпу на подмогу приставленъ его-же внукъ, Вася, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, кудрявый и быстроглазый;

Поликарпъ любитъ его безъ памяти, и ворчитъ на него съ утра до вечера. Онъ-же занимается и его воспитаніемъ.—«Вася», говоритъ, «скажи: Бонапартишка разбойникъ». — А что дашь, тятя?—«Что дамъ?... ничего я тебѣ не дамъ... Вѣдь ты кто? Русскій ты?» — Я амчанинъ, тятя: въ Амченскѣ * родился.—«О, глупая голова! да Амченскъ-то гдѣ?»—А я почемъ знаю?—«Въ Россіи Амченскъ, глупый».—Такъ что-жь, что въ Россіи?—«Какъ что? Бонапартишку-то его свѣтлѣйшество покойный князь Михайло Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій, съ Божіею помощью, изъ Россійскихъ предѣловъ выгнать изволилъ. По эвтому случаю и пѣсня сочинена: Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки...Понимаешь, отечество освободилъ твое».—А мнѣ что за дѣло?—« Ахъ, ты глупый мальчикъ, глупый! Вѣдь, если-бы свѣтлѣйшій князь Михайло Илларіоновичъ не выгналъ Бонапартишки, вѣдь, тебя-бы теперь какой-нибудь мусье палкой по маковкѣ колотилъ. Подошелъ-бы, этакъ, къ тебѣ, ска-

---

* Въ простонародьи городъ Мценскъ называется Амченскомъ, а жители Амчанами. Амчане ребята бойкіе; недаромъ у насъ недругу сулятъ: «Амчанина на дворъ».

залъ-бы: команъ ву порте ву? — да и стукъ, стукъ». —А я-бы его въ пузо кулакомъ. —«А онъ-бы тебѣ: бонжуръ, бонжуръ, вене иси,—да за хохолъ, за хохолъ.»—А я-бы его по ногамъ, по ногамъ, по цыбулястымъ-то.—«Оно точно, ноги у нихъ цыбулястыя... Ну, а какъ онъ-бы руки тебѣ сталъ вязать?» — А я-бы не дался; Михея кучера на помощь-бы позвалъ.—«А что̀ Вася, вѣдь, французу съ Михеемъ не сладить?» — Гдѣ сладить! Михей-то во-какъ здоровъ. —«Ну, и что̀-жь-бы его?» — Мы-бы его по спинѣ, да по спинѣ. — «А онъ-бы пардонъ закричалъ: пардонъ, пардонъ, севуплей». — А мы-бы ему: нѣтъ тебѣ севуплея, французъ ты этакой!...—«Молодецъ, Вася!... Ну, такъ кричи-же: разбойникъ Бонапартишка!» — А ты мнѣ сахару дай: — «Экой!»...

Съ помѣщицами Татьяна Борисовна мало водится; онѣ неохотно къ ней ѣздятъ, и она не умѣетъ ихъ занимать, засыпаетъ подъ шумокъ ихъ рѣчей, вздрагиваетъ, силится раскрыть глаза и снова засыпаетъ. Татьяна Борисовна вообще не любитъ женщинъ. У одного изъ ея пріятелей, хорошаго и смирнаго молодаго человѣка, была сестра, старая дѣвица лѣтъ тридцати восьми съ половиной, существо

добрѣйшее, но исковерканое, натянутое и восторженное. Братъ ей часто расказывалъ о своей сосѣдкѣ. Въ одно прекрасное утро, моя старая дѣвица, не говоря худаго слова, велѣла осѣдлать себѣ лошадь, и отправилась къ Татьянѣ Борисовнѣ. Въ длинномъ своемъ платьѣ, со шляпой на головѣ, зеленымъ вуалемъ и распущенными кудрями вошла она въ переднюю и, минуя оторопѣлаго Васю, принявшаго ее за русалку, вбѣжала въ гостиную. Татьяна Борисовна испугалась, хотѣла было приподняться, да ноги подкосились. — «Татьяна Борисовна», заговорила умоляющимъ голосомъ гостья: — «извините мою смѣлость; я сестра вашего пріятеля Алексѣя Николаевича К***, и столько наслышалась отъ него объ васъ, что рѣшилась познакомиться съ вами». — «Много чести, пробормотала изумленная хозяйка. Гостья сбросила съ себя шляпу, тряхнула кудрями, усѣлась подлѣ Татьяны Борисовны, взяла ее за руку...—«Итакъ, вотъ она», начала она голосомъ задумчивымъ и тронутымъ:— «вотъ это доброе, ясное, благородное, святое существо! Вотъ она, эта простая и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокая женщина! Какъ я рада, какъ я рада! Какъ мы будемъ любить другъ друга!

Я отдохну наконецъ... Я ее себѣ именно такою воображала», прибавила она шопотомъ, упираясь глазами въ глаза Татьяны Борисовны.— «Не правда-ли, вы не сердитесь на меня, добрая моя, хорошая моя?»—«Помилуйте, я очень рада... Не хотите-ли вы чаю?» — Гостяя снисходительно улыбнулась,—«Wie wahr, wie unreflectirt», прошептала она, словно про себя. «Позвольте обнять васъ, моя милая!»

Старая дѣвица высидѣла у Татьяны Борисовны три часа, не умолкая ни на мгновенье. Она старалась растолковать новой своей знакомой собственное ея значенье. Тотчасъ послѣ ухода нежданной гостьи, бѣдная помѣщица отправилась въ баню, напилась липоваго чаю и легла въ постель. Но на другой-же день старая дѣвица вернулась, просидѣла четыре часа и удалилась съ обѣщаньемъ посѣщать Татьяну Борисовну ежедневно. Она, изволите видѣть, вздумала окончательно развить, довоспитать такую, какъ она выражалась, богатую природу, и, вѣроятно, уходила-бы ее наконецъ совершенно, если-бы, во-первыхъ, недѣли черезъ двѣ не разочаровалась «вполнѣ» на счетъ пріятельницы своего брата; а во-вторыхъ, если бы не влюбилась въ молодаго проѣзжаго сту-

дента, съ которымъ тотчасъ-же вступила въ дѣятельную и жаркую переписку, Въ посланіяхъ своихъ она, какъ водится, благословляла его на святую и прекрасную жизнь, приносила «всю себя» въ жертву, требовала одного имени сестры, вдавалась въ описанія природы, упоминала о Гете, Шиллерѣ, Беттинѣ и нѣмецкой философіи,—и довела наконецъ бѣднаго юношу до мрачнаго отчаянія. Но молодость взяла свое: въ одно прекрасное утро проснулся онъ съ такой остервенѣлой ненавистью къ своей «сестрѣ и лучшему другу», что едва, сгоряча, не прибилъ своего камердинера, и долгое время потомъ чуть не кусался при малѣйшемъ намекѣ на возвышенную и безкорыстную любовь... Но съ тѣхъ поръ Татьяна Борисовна стала еще болѣе прежняго избѣгать сближенія съ своими сосѣдками.

Увы! ничто не прочно на землѣ. Все, что я вамъ разсказалъ о житьѣ-бытьѣ моей доброй помѣщицы—дѣло прошедшее; тишина, господствовавшая въ ея домѣ, нарушена на вѣки. У ней теперь, вотъ ужь болѣе года, живетъ племянникъ, художникъ изъ Петербурга. Вотъ какъ это случилось.

Лѣтъ восемь тому назадъ, проживалъ у Татья-

ны Борисовны мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, круглая сирота, сынъ ея покойнаго брата, Андрюша. У Андрюши были большіе, свѣтлые, влажные глаза, маленькій ротикъ, правильный носъ и прекрасный возвышенный лобъ. Онъ говорилъ тихимъ и сладкимъ голосомъ, держалъ себя опрятно и чинно, ласкался и прислуживался къ гостямъ, съ сиротливой чувствительностію цаловалъ ручку у тетушки. Бывало, не успѣете вы показаться, — глядь, ужь онъ несетъ вамъ кресла. Шалостей за нимъ не водилось никакихъ: не стукнетъ, бывало; сидитъ себѣ въ уголку за книжечкой, и такъ скромно, и смирно, даже къ спинкѣ стула не прислоняется; гость войдетъ, — мой Андрюша приподнимается, прилично улыбнется и покраснѣетъ; гость выйдетъ,—онъ сядетъ опять, достанетъ изъ кармашика щеточку съ зеркальцомъ и волосики себѣ причешетъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ почувствовалъ онъ охоту къ рисованью. Попадался-ли ему клочокъ бумаги, онъ тотчасъ выпрашивалъ у Агафьи ключницы ножницы, тщательно выкраивалъ изъ бумажки правильный четвероугольникъ, проводилъ кругомъ каемочку и принимался за работу: нарисуетъ глазъ съ огромнымъ зрачкомъ, или греческій

носъ, или домъ съ трубой и дымомъ въ видѣ винта, собаку «en face», похожую на скамью, деревцо съ двумя голубками и подпишетъ: «рисовалъ Андрей Бѣловзоровъ, такого-то числа, такого-то года, село Малыя Брыки». Съ особеннымъ усердіемъ трудился онъ недѣли за двѣ до имянинъ Татьяны Борисовны; являлся первый съ поздравленіемъ и подносилъ свитокъ, повязанный розовой ленточкой. Татьяна Борисовна цаловала племянника въ лобъ и распутывала узелокъ: свитокъ раскрывался и представлялъ любопытному взору зрителя круглый, бойко оттушованный храмъ съ колоннами и алтаремъ по серединѣ; на алтарѣ пылало сердце и лежалъ вѣнокъ, а вверху, на извилистой бандеролѣ, четкими буквами стояло: «Тетушкѣ и благодѣтельницѣ Татьянѣ Борисовнѣ Богдановой отъ почтительнаго и любящаго племянника, въ знакъ глубочайшей привязанности.» Татьяна Борисовна снова его цаловала и дарила ему цѣлковый. Большой однако привязанности она къ нему не чувствовала: подобострастіе Андрюши ей не совсѣмъ нравилось. Между тѣмъ Андрюша подросталъ; Татьяна Борисовна начинала безпокоиться о его будущ-

ности: — неожиданный случай вывелъ ее изъ затрудненія...

А именно: однажды, лѣтъ восемь тому назадъ, заѣхалъ къ ней нѣкто г. Беневоленскій Петръ Михайлычъ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ. Г. Беневоленскій нѣкогда состоялъ на службѣ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ и прилежно посѣщалъ Татьяну Борисовну; потомъ переѣхалъ въ Петербургъ, вступилъ въ министерство, достигъ довольно важнаго мѣста, и въ одну изъ частыхъ своихъ поѣздокъ по казенной надобности, вспомнилъ о своей старинной знакомой и завернулъ къ ней, съ намѣреніемъ отдохнуть дня два отъ заботъ служебныхъ «на лонѣ сельской тишины». Татьяна Борисовна приняла его съ обыкновеннымъ своимъ радушіемъ, и г. Беневоленскій... Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ продолженію разсказа, позвольте, любезный читатель, познакомить васъ съ этимъ новымъ лицомъ.

Г. Беневоленскій былъ человѣкъ толстоватый, средняго росту, мягкій на видъ, съ коротенькими ножками и пухленькими ручками; носилъ онъ просторный и чрезвычайно опрятный фракъ, высокій и широкій галстухъ, бѣлое, какъ снѣгъ, бѣлье, золотую цѣпочку на шол-

ковомъ жилетѣ, перстень съ камнемъ на указательномъ пальцѣ и бѣлокурый парикъ; говорилъ убѣдительно и кротко, выступалъ безъ шуму, пріятно улыбался, пріятно поводилъ глазами, пріятно погружалъ подбородокъ въ галстухъ: вообще, пріятный былъ человѣкъ. Сердцемъ его тоже Господь надѣлилъ добрѣйшимъ: плакалъ онъ и восторгался легко; сверхъ того пылалъ безкорыстной страстью къ искусству, и ужь подлинно безкорыстной, потому что именно въ искусствѣ г. Беневоленскій, коли правду сказать, рѣшительно ничего не смыслилъ. Даже удивительно, откуда, въ силу какихъ таинственныхъ и непонятныхъ законовъ, взялась у него эта страсть? Кажется, человѣкъ онъ былъ положительный, даже дюжинный... впрочемъ, у насъ на Руси такихъ людей довольно много.

Любовь къ художеству и художникамъ придаетъ этимъ людямъ приторность неизъяснимую; знаться съ ними, съ ними разговаривать — мучительно: настоящія дубины, вымазанныя медомъ. Они, на-примѣръ, никогда не называютъ Рафаэля — Рафаэлемъ, Корреджіо — Корреджіемъ: «божественный Санціо, неподражаемый де Аллегрисъ», говорятъ они, и говорятъ

непремѣнно на о. Всякій доморощеный, самолюбивый, перехитренный и посредственный талантъ величаютъ геніемъ или, правильнѣе, хэніемъ; синее небо Италіи, южный лимонъ, душистые пары береговъ Бренты не сходятъ у нихъ съ языка. «Эхъ, Ваня, Ваня», или: «эхъ, Саша, Саша», съ чувствомъ говорятъ они другъ другу, «на югъ–бы намъ, на югъ... вѣдь, мы съ тобою греки душою, древніе греки!» Наблюдать ихъ можно на выставкахъ, передъ иными произведеніями иныхъ россійскихъ живописцевъ. (Должно замѣтить, что по большой части всѣ эти господа патріоты страшные.) То отступятъ они шага на два и закинутъ голову, то снова придвинутся къ картинѣ; глазки ихъ покрываются маслянистою влагой... «Фу, ты, Боже мой», говорятъ они наконецъ разбитымъ отъ волненія голосомъ: «души–то, души–то что! эка, сердца–то, сердца! эка души–то напустилъ! тьма души!... А задумано–то какъ! мастерски задумано!» — А что у нихъ самихъ въ гостиныхъ за картины! Что за художники ходятъ къ нимъ по вечерамъ, пьютъ у нихъ чай, слушаютъ ихъ разговоры! Какіе они имъ подносятъ перспективные виды собственныхъ комнатъ съ щеткой на правомъ пла-

нѣ, грядкой сору на вылощенномъ полу, жолтымъ самоваромъ на столѣ возлѣ окна и самимъ хозяиномъ въ халатѣ и ермолкѣ, съ яркимъ бликомъ свѣта на щекѣ! Что за длинноволосые питомцы музъ, съ лихорадочно-презрительной улыбкой, ихъ посѣщаютъ! Что за блѣдно-зеленыя барышни взвизгиваютъ у нихъ за фортепьянами! Ибо у насъ уже такъ на Руси заведено: одному искусству человѣкъ предаваться не можетъ—подавай ему всѣ. И потому нисколько не удивительно, что эти господа любители также оказываютъ сильное покровительство русской литературѣ, особенно драматической... «Джакобы Санназары» писаны для нихъ: тысячи разъ изображенная борьба не признаннаго таланта съ людьми, съ цѣлымъ міромъ потрясаетъ ихъ до дна души...

На другой-же день послѣ пріѣзда г. Беневоленскаго, Татьяна Борисовна, за чаемъ, велѣла племяннику показать гостю свои рисунки. «А онъ у васъ рисуетъ?» не безъ удивленія произнесъ г. Беневоленскій и съ участіемъ обратился къ Андрюшѣ. «Какъ-же, рисуетъ», сказала Татьяна Борисовна. «Такой охотникъ! и, вѣдь, одинъ, безъ учителя». — «Ахъ, покажите, покажите», подхватилъ г. Беневоленскій.

Андрюша, краснѣя и улыбаясь, поднесъ гостю свою тетрадку. Г. Беневоленскій началъ, съ видомъ знатока, ее перелистывать. «Хорошо, молодой человѣкъ», промолвилъ онъ наконецъ: «хорошо, очень хорошо». И онъ погладилъ Андрюшу по головкѣ. Андрюша на лету поцаловалъ его руку. «Скажите, какой талантъ! Поздравляю васъ, Татьяна Борисовна, поздравляю». — «Да что̀, Петръ Михайлычъ, здѣсь учителя не могу ему сыскать. Изъ города — дорогъ; у сосѣдей у Артамоновыхъ есть живописецъ и, говорятъ, отличный, да барыня ему запрещаетъ чужимъ людямъ уроки давать. Говоритъ, вкусъ себѣ испортитъ». — «Гмъ», произнесъ г. Беневоленскій, задумался и поглядѣлъ изъ подлобья на Андрюшу. «Ну, мы объ этомъ потолкуемъ», прибавилъ онъ вдругъ и потеръ себѣ руки. Въ тотъ-же день онъ попросилъ у Татьяны Борисовны позволенія поговорить съ ней наединѣ. Они заперлись. Черезъ полчаса кликнули Андрюшу. Андрюша вошелъ. Г. Беневоленскій стоялъ у окна съ легкой краской на лицѣ и сіяющими глазами. Татьяна Борисовна сидѣла въ углу и утирала слезы. «Ну, Андрюша», заговорила она наконецъ: — «благодари Петра Михайлыча:

онъ беретъ тебя на свое попеченіе, увозитъ тебя въ Петербургъ.» Андрюша такъ и замеръ на мѣстѣ. «Вы мнѣ скажите откровенно», началъ г. Беневоленскій голосомъ, исполненнымъ достоинства и снисходительности:—«желаете-ли вы быть художникомъ, молодой человѣкъ? Чувствуете-ли вы, такъ сказать, призваніе къ искусству?» — «Я желаю быть художникомъ, Петръ Михайлычъ», трепетно подтвердилъ Андрюша. — «Въ такомъ случаѣ я очень радъ. Вамъ, конечно», продолжалъ г. Беневоленскій: — «тяжко будетъ разстаться съ вашей почтенной тетушкой, вы должны чувствовать къ ней живѣйшую благодарность». — «Я обожаю мою тетушку», прервалъ его Андрюша и моргалъ глазами. «Конечно, конечно, это весьма понятно и дѣлаетъ вамъ много чести; но зато, вообразите, какую радость современемъ... ваши успѣхи»... «Обними меня, Андрюша», пробормотала добрая помѣщица. Андрюша бросился ей на шею. «Ну, а теперь поблагодари своего благодѣтеля...» Андрюша обнялъ животъ г. Беневоленскаго, поднялся на цыпочки, и досталъ-таки его руку, которую благодѣтель, правда, принималъ, но не слишкомъ спѣшилъ принять...Надо-жь потѣшить, удовлетво-

рить ребенка, ну, и себя немножко побаловать. Дня черезъ два г. Беневоленскій уѣхалъ и увезъ своего новаго питомца.

Въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ разлуки Андрюша писалъ довольно часто, прилагалъ иногда къ письмамъ рисунки. Г. Беневоленскій изрѣдка прибавлялъ также нѣсколько словъ отъ себя, большей частью одобрительныхъ; потомъ письма рѣже стали, рѣже, наконецъ совсѣмъ прекратились. Цѣлый годъ безмолвствовалъ племянникъ; Татьяна Борисовна начинала уже безпокоиться, какъ вдругъ получила записочку слѣдующаго содержанія:

«Любезная тетушка!

«Четвертаго дня, Петра Михайловича, моего покровителя, не стало. — Жестокій ударъ паралича лишилъ меня сей послѣдней опоры. Конечно, мнѣ уже теперь двадцатый годъ пошелъ; въ теченіи семи лѣтъ я сдѣлалъ значительные успѣхи; я сильно надѣюсь на свой талантъ и могу посредствомъ его жить; я не унываю, но все-таки, если можете пришлите мнѣ, на первый случай, 250 рублей ассигнаціями. Цалую ваши ручки и остаюсь и т. д.»

Татьяна Борисовна отправила къ племяннику 250 рублей. Черезъ два мѣсяца онъ потребовалъ еще; она собрала послѣднее и выслала еще. Не прошло шести недѣль послѣ вторичной присылки, онъ попросилъ въ третій разъ, будто на краски для портрета, заказаннаго ему княгиней Тертерешеневой. Татьяна Борисовна отказала. Въ такомъ случаѣ, написалъ онъ ей, я намѣренъ пріѣхать къ вамъ въ деревню для поправленія моего здоровья. И дѣйствительно, въ маѣ мѣсяцѣ того-же года, Андрюша вернулся въ Малыя Брыки.

Татьяна Борисовна сначала его не узнала. По письму его, она ждала человѣка болѣзненнаго и худого, а увидѣла малаго плечистаго, толстаго, съ лицомъ широкимъ и краснымъ, съ курчавыми и жирными волосами. Тоненькій и блѣдненькій Андрюша превратился въ дюжаго Андрея Ивановича Бѣловзорова. Не одна наружность въ немъ измѣнилась. Щепетильную застѣнчивость, осторожность и опрятность прежнихъ лѣтъ замѣнило небрежное молодечество, неряшество нестерпимое; онъ на-ходу качался вправо и влѣво, бросался въ кресла, обрушался на столъ, разваливался, зѣвалъ во все горло; съ теткой, съ людь-

ми обращался дерзко. Я, дескать, художникъ, вольный казакъ! Знай нашихъ! Бывало, по цѣлымъ днямъ кисти въ руки не беретъ; найдетъ на него такъ называемое вдохновенье — ломается, словно съ похмѣлья, тяжело, неловко, шумно; грубой краской разгорятся щоки, глаза посоловѣли; пустится толковать о своемъ талантѣ, о своихъ успѣхахъ, о томъ, какъ онъ развивается, идетъ впередъ... На дѣлѣ-же оказалось, что способностей его чуть-чуть хватало на сносные портретики. Невѣжда онъ былъ круглый, ничего не читалъ, да и на что̀ художнику читать? Природа, свобода, поэзія — вотъ его стихіи. Знай потряхивай кудрями да заливайся соловьемъ, да затягивайся жуковымъ въ засосъ! Хороша русская удаль, да немногимъ она къ лицу; а бездарные Полежаевы второй руки невыносимы. — Зажился нашъ Андрей Иванычъ у тетушки: даровой хлѣбъ видно по вкусу пришелся. На гостей нагонялъ онъ тоску смертельную. Сядетъ, бывало, за фортепьяны (у Татьяны Борисовны и фортепьяны водились) и начнетъ однимъ пальцемъ отыскивать «Тройку удалую»; аккорды беретъ, стучитъ по клавишамъ; по цѣлымъ часамъ мучительно завываетъ романсы Варла-

мова: «У–единенная сосна», или: «Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи», а у самого глаза заплыли жиромъ и щоки лоснятся, какъ барабанъ... А то вдругъ грянетъ: «Уймитесь, волненія страсти»... Татьяна Борисовна такъ и вздрогнетъ.

— Удивительное дѣло, замѣтила она мнѣ однажды: — какія нынче все пѣсни сочиняютъ, отчаянныя какія–то; въ мое время иначе сочиняли: и печальныя пѣсни были, а все пріятно было слушать... На–примѣръ:

Прійди, прійди ко мнѣ на лугъ,
Гдѣ жду тебя напрасно;
Прійди, прійди ко мнѣ на лугъ,
Гдѣ слезы лью всечасно...
Увы, прійдешь ко мнѣ на лугъ,
Но будетъ поздно, милый другъ!

Татьяна Борисовна лукаво улыбнулась.

— «Я стра–аждy, я стра–аждy», завылъ въ сосѣдней комнатѣ племянникъ.

— Полно тебѣ, Андрюша.

— «Душа изнываетъ въ разлу–укѣ», продолжалъ неугомонный пѣвецъ.

Татьяна Борисовна покачала головой.

— Охъ, ужь эти мнѣ художники!...

Съ того времени прошелъ годъ. Бѣловзоровъ до сихъ поръ живетъ у тетушки и все собирается въ Петербургъ. Онъ въ деревнѣ сталъ поперегъ себя толще. Тетка — кто-бы могъ это подумать — въ немъ души не чаетъ, а окрестныя дѣвицы въ него влюбляются....

Много прежнихъ знакомыхъ перестало ѣздить къ Татьянѣ Борисовнѣ.

XVI.

СМЕРТЬ.

СМЕРТЬ.

У меня есть сосѣдъ, молодой хозяинъ и молодой охотникъ. Въ одно прекрасное іюльское утро, заѣхалъ я къ нему верхомъ съ предложеніемъ отправится вмѣстѣ на тетеревовъ. Онъ согласился; «только», говоритъ, «поѣдемте по моимъ мелочамъ, къ Зушѣ; я кстати посмотрю Чаплыгино, вы знаете, мой дубовый лѣсъ; у меня его рубятъ».—«Поѣдемте».—Онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, надѣлъ зеленый сюртучокъ съ бронзовыми пуговицами, изображавшими кабаньи головы, вышитый гарусомъ ягташъ, серебряную флягу, накинулъ на плечо новенькое французское ружье, не безъ удовольствія повертѣлся передъ зеркаломъ, и кликнулъ свою собаку Эсперансъ, подаренную ему кузиной,

старой дѣвицей съ отличнымъ сердцемъ, но безъ волосъ. Мы отправились. Мой сосѣдъ взялъ съ собою десятскаго Архипа, толстаго и приземистаго мужика съ четвероугольнымъ лицомъ и допотопно развитыми скулами, — да недавно нанятого управителя изъ остъ-зейскихъ губерній, юношу лѣтъ девятнадцати, худого, бѣлокураго, подслѣповатаго, со свислыми плечами и длинной шеей, г-на Готлиба фонъ-деръ-Кока. Мой сосѣдъ самъ недавно вступилъ во владѣніе имѣніемъ. Оно досталось ему въ наслѣдство отъ тетки, статской совѣтницы Кардонъ-Катаевой, необыкновенно-толстой женщины, которая, даже лежа въ постели, продолжительно и жалобно кряхтѣла. — Мы въѣхали въ «мелочá». — «Вы меня здѣсь подождите на полянкѣ», примолвилъ Ардаліонъ Михайлычъ (мой сосѣдъ), обратившись къ своимъ спутникамъ. Нѣмецъ поклонился, слѣзъ съ лошади, досталъ изъ кармана книжку, начинается романъ Іоганны Шопенгауеръ, и присѣлъ подъ кустикъ; Архипъ остался на солнцѣ и въ теченіи часа не шевельнулся. Мы покружили по кустамъ и не нашли ни одного выводка. Ардаліонъ Михайлычъ объявилъ, что онъ намѣренъ отправиться въ лѣсъ. Мнѣ само-

му въ тотъ день что-то не вѣрилось въ успѣхъ охоты: я тоже поплелся вслѣдъ за нимъ. Мы вернулись на полянку. Нѣмецъ замѣтилъ страницу, всталъ, положилъ книгу въ карманъ, и сѣлъ, не безъ труда, на свою куцую, бракованную кобылу, которая визжала и подбрыкивала отъ малѣйшаго прикосновенія; Архипъ встрепенулся, задергалъ разомъ обоими поводьями, заболталъ ногами и сдвинулъ наконецъ съ мѣста свою ошеломленную и придавленную лошаденку. Мы поѣхали.

Лѣсъ Ардаліона Михайлыча съ дѣтства былъ мнѣ знакомъ. Вмѣстѣ съ моимъ французскимъ гувернеромъ M-r Désiré Fleury, добрѣйшимъ человѣкомъ (который, впрочемъ, чуть было на всегда не испортилъ моего здоровья, заставляя меня по вечерамъ пить лѣкарство Леруа), часто хаживалъ я въ Чаплыгино. Весь этотъ лѣсъ состоялъ изъ какихъ нибудь двухъ или трехъ сотъ огромныхъ дубовъ и ясеней. Ихъ статные, могучіе стволы великолѣпно чернѣли на золотисто-прозрачной зелени орѣшниковъ и рябинъ; поднимаясь выше, стройно рисовались на ясной дазури, и тамъ уже раскидывали шатромъ свои широкіе, узловатые сучья; ястреба, кобчики, пустельги со свистомъ носились

подъ неподвижными верхушками; пестрые дятлы крѣпко стучали по толстой корѣ; звучный напѣвъ чернаго дрозда внезапно раздавался въ густой листвѣ вслѣдъ за переливчатымъ крикомъ иволги; внизу, въ кустахъ, чирикали и пѣли малиновки, чижи и пѣночки; зяблики проворно бѣгали по дорожкамъ; бѣлякъ прокрадывался вдоль опушки, осторожно «костыляя»; краснобурая бѣлка рѣзво прыгала отъ дерева къ дереву, и вдругъ садилась, поднявши хвостъ надъ головой. Въ травѣ, около высокихъ муравейниковъ, подъ легкой тѣнью вырѣзныхъ, красивыхъ листьевъ папоротника цвѣли фіалки и ландыши, росли сыроѣшки, волвянки, груздди, дубовики, красные мухоморы; на лужайкахъ, между широкими кустами алѣла земляника... А что въ лѣсу за тѣнь! Въ самый жаръ, въ полдень—ночь настоящая: тишина, запахъ, свѣжесть... Весело проводилъ я время въ Чаплыгинѣ, и отъ того, признаюсь, не безъ грустнаго чувства въѣхалъ я теперь въ слишкомъ знакомый мнѣ лѣсъ. Губительная, безснѣжная зима 40-года не пощадила старыхъ моихъ друзей, дубовъ и ясеней; засохшіе, обнаженные, кой-гдѣ покрытые чахоточной зеленью, печально высились они надъ молодой рощей,

которая «смѣнила ихъ не замѣнивъ» *. Иные, еще обросшіе листами внизу, словно съ упрекомъ и отчаяніемъ поднимали къ верху свои безжизненныя, обломанныя вѣтви; у другихъ изъ листвы, еще довольно густой, хотя необильной, неизбыточной, по прежнему, торчали толстые, сухіе, мертвые сучья; съ иныхъ уже кора долой спадала; иные наконецъ вовсе повалились и гнили, словно трупы, на землѣ. Кто-бы могъ это предвидѣть — тѣни, въ Чаплыгинѣ тѣни нигдѣ нельзя было найдти! Что̀, думалъ я, глядя на умирающія деревья: чай, стыдно и горько вамъ?... Вспомнился мнѣ Кольцовъ:

Гдѣ-жь дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
Гдѣ-жь теперь твоя
Мочь зеленая?...

---

* Въ 40-мъ году, при жесточайшихъ морозахъ, до самаго конца декабря не выпало снѣгу; зеленя всѣ вымерзли, и много прекрасныхъ дубовыхъ лѣсовъ погубила эта безжалостная зима. Замѣнить ихъ трудно; производительная сила земли видимо скудѣетъ: на «заказанныхъ» (съ образами обойденныхъ) пустыряхъ, вмѣсто прежнихъ благородныхъ деревьевъ, сами-собою выростаютъ березы да осины; а иначе разводить рощи у насъ, не умѣютъ.

— Какъ-же это, Ардаліонъ Михайлычъ, началъ я:—отчего-жь эти деревья на другой-же годъ не срубили? Вѣдь, за нихъ теперь противъ прежняго десятой доли не дадутъ.

Онъ только плечами пожалъ.

— Спросили-бы тетушку,—а купцы приходили, деньги приносили, приставали.

— Mein Gott! Mein Gott! восклицалъ на каждомъ шагу фонъ-деръ-Кокъ: — Што са шалость! што са шалость!

— Какая шалость! съ улыбкой замѣтилъ мой сосѣдъ.

— То исть, какъ шалко, я скасать хотѣлалъ (Извѣстно, что всѣ нѣмцы, одолѣвшіе наконецъ нашу букву «люди», удивительно на нее напираютъ).

Особенно возбуждали его сожалѣніе лежавшіе на землѣ дубы, — и дѣйствительно: иной бы мельникъ дорого за нихъ заплатилъ. Зато десятскій Архипъ сохранялъ спокойствіе невозмутимое и не горевалъ нисколько; напротивъ, онъ даже не безъ удовольствія черезъ нихъ перескакивалъ и кнутикомъ по нимъ постегивалъ.

Мы пробирались на мѣсто порубки, какъ вдругъ, въ слѣдъ за шумомъ упавшаго дерева,

раздался крикъ и говоръ, и черезъ нѣсколько мгновеній намъ на-встрѣчу изъ чащи выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрепанный.

— Что такое? куда ты бѣжишь? спросилъ его Ардаліонъ Михайлычъ.

Онъ тотчасъ остановился.

— Ахъ, батюшка, Ардаліонъ Михайлычъ, бѣда!

— Что такое?

— Максима, батюшка, деревомъ пришибло?

— Какимъ это образомъ?...Подрядчика Максима?

— Подрядчика, батюшка. Стали мы ясень рубить, а онъ стоитъ да смотритъ... Стоялъ, стоялъ, да и пойди за водой къ колодцу: слышь, пить захотѣлось. Какъ вдругъ ясень затрещитъ, да прямо на него. Мы кричимъ ему: бѣги, бѣги бѣги... Ему-бы въ сторону броситься, а онъ возьми да прямо и побѣги... заробѣлъ знать. Ясень-то его верхними сучьями и накрылъ. И отчего такъ скоро повалился, — Господь его знаетъ... Развѣ сердцевинка гнила была.

— Ну, и убило Максима?

— Убило, батюшка.

— До смерти?

— Нѣтъ, батюшка, еще живъ, — да что̀: ноги и руки ему перешибло. Я вотъ за Селиверстычемъ бѣжалъ, за лѣкаремъ.

Ардаліонъ Михайлычъ приказалъ десятскому скакать въ деревню за Селиверстычемъ, а самъ крупной рысью поѣхалъ впередъ, на ссѣчки... Я за нимъ.

Мы нашли бѣднаго Максима на землѣ. Человѣкъ десять мужиковъ стояло около него. Мы слѣзли съ лошадей. Онъ почти не стоналъ, изрѣдка раскрывалъ и расширялъ глаза, словно съ удивленіемъ глядѣлъ кругомъ и покусывалъ посинѣвшія губы... Подбородокъ у него дрожалъ, волосы прилипли ко лбу, грудь поднималась неровно: онъ умиралъ. Легкая тѣнь молодой липы тихо скользила по его лицу.

Мы нагнулись къ нему. Онъ узналъ Ардаліона Михайлыча.

— Батюшка, заговорилъ онъ едва внятно:— за попомъ... послать...прикажите...Господь... меня наказалъ... ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вотъ... ребятъ–то не распустилъ.

Онъ молчалъ. Дыханье ему спирало.

— Да деньги мои... женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ... вотъ Онисимъ знаетъ... кому я... что долженъ...

— Мы за лѣкаремъ послали, Максимъ, заговорилъ мой сосѣдъ: — можетъ быть ты еще и не умрешь.

Онъ раскрылъ было глаза, и съ усиліемъ поднялъ брови и вѣки.

— Нѣтъ, умру. Вотъ... вотъ подступаетъ, вотъ она, вотъ... Простите мнѣ, ребята, коли въ чемъ...

— Богъ тебя проститъ, Максимъ Андреичъ, глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ, и шапки сняли: — прости ты насъ.

Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головой, тоскливо выпятилъ грудь и опустился опять.

— «Нельзя-же ему однако тутъ умирать, воскликнулъ Ардаліонъ Михайлычъ: — ребята давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесемте его въ больницу.

Человѣка два бросились къ телѣгѣ.

— Я у Ефима... Сычовскаго... залепеталъ умирающій: — лошадь вчера купилъ... задатокъ далъ... такъ лошадь-то моя... женѣ ее... тоже...

Стали его класть на рогожку... онъ затре-

петалъ весь, какъ застрѣленная птица, и выпрямился...

— Умеръ, пробормотали мужики.

Мы молча сѣли на лошадей и отъѣхали.

Смерть бѣднаго Максима заставила меня призадуматься. Удивительно умираетъ русскій мужикъ! Состоянье его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни тупостью: онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ, холодно и просто.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у другого моего сосѣда въ деревнѣ мужикъ въ овинѣ обгорѣлъ. (Онъ такъ-бы и остался въ овинѣ, да заѣзжій мѣщанинъ его полуживого вытащилъ: окунулся въ кадку съ водой, да съ разбѣга и вышибъ дверь подъ пылавшимъ навѣсомъ). Я зашелъ къ нему въ избу. Темно въ избѣ, душно, дымно. Спрашиваю, гдѣ больной? — «А вонъ, батюшка, на лежанкѣ», отвѣчаетъ мнѣ, на-распѣвъ, подгорюнившаяся баба. Подхожу—лежитъ мужикъ, тулупомъ покрылся, дышетъ тяжко. «Что̀? какъ ты себя чувствуешь?» Завозился больной на печи, подняться хочетъ, а весь въ ранахъ, при смерти. «Лежи, лежи, лежи... Ну, что? какъ?» — «Вѣстимо плохо», говоритъ. — «Больно тебѣ?» —

Молчитъ.—«Не нужно-ли чего?»—Молчитъ.—«Не прислать-ли тебѣ чаю, что̀-ли?»—«Не надо».—Я отошелъ отъ него, присѣлъ на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса,—гробовое молчаніе въ избѣ. Въ углу, за столомъ подъ образами, прячется дѣвочка лѣтъ пяти, хлѣбъ ѣстъ. Мать изрѣдка грозится на нее. Въ сѣняхъ ходятъ, стучатъ, разговариваютъ; братнина жена капусту рубитъ. — «А, Аксинья!» проговорилъ наконецъ больной. — «Чего?»— «Квасу дай.» — Подала ему Аксинья квасу. Опять молчанье. Спрашиваю шопотомъ: — причастили его? —«Причастили».—Ну, стало быть, и все въ порядкѣ: ждетъ смерти, да и только. Я не вытерпѣлъ, и вышелъ...

А то, помнится, завернулъ я однажды въ больницу села Красногорья, къ знакомому мнѣ фельдшеру Капитону, страстному охотнику.

Больница эта состояла изъ бывшаго господскаго флигеля; устроила ее сама помѣщица, то-есть, велѣла прибить надъ дверью голубую доску съ надписью бѣлыми буквами: «Красногорская больница», и сама вручила Капитону красивый альбомъ для записыванія именъ больныхъ. На первомъ листкѣ этого альбома одинъ изъ лизоблюдовъ и прислужниковъ благодѣ-

тельной помѣщицы начерталъ слѣдующіе стишки:

«Dans ces beaux lieux, où règne l'allégresse,
«Ce temple fut ouvert par la Beauté;
«De vos seigneurs admirez la tendresse.
«Bons habtants de Krasnogoriè!»

а другой господинъ внизу приписалъ:

«Et moi aussi J'aime la nature!»

Jean Kobylianikoff.

Фельдшеръ купилъ на свои деньги шесть кроватей и пустился, благословясь, лѣчить народъ Божій. Кромѣ его, при больницѣ состояло два человѣка: подверженный сумасшествію рѣщикъ Павелъ и сухорукая баба Меликитриса, занимавшая должность кухарки. Они оба приготовляли лѣкарства, сушили и настаивали травы; они-же укрощали горячечныхъ больныхъ. Сумасшедшій рѣщикъ былъ на видъ угрюмъ и скупъ на слова; по ночамъ пѣлъ пѣсню «о прикрасной Венерѣ», и къ каждому проѣзжему подходилъ съ просьбой позволить ему жениться на какой-то дѣвкѣ Маланьѣ, давно уже умершей. Сухорукая баба била его, и заставляла стеречь индюшекъ. —Вотъ, сижу я однажды у фельдшера Капитона. Начали мы было разговаривать о послѣдней нашей охотѣ, какъ

вдругъ на дворъ въѣхала телѣга, запряженная необыкновенно-толстой сивой лошадью, какія только бываютъ у мельниковъ. Въ телѣгѣ сидѣлъ плотный мужикъ въ новомъ армякѣ, съ разноцвѣтной бородой.—«А, Василій Дмитричъ, закричалъ изъ окна Капитонъ: «милости просимъ...Любовшинскій мельникъ», шепнулъ онъ мнѣ. Мужикъ, покряхтывая, слѣзъ съ телѣги, вошелъ въ фельдшерову комнату, поискалъ глазами образа и перекрестился. — «Ну, что̀, Василій Дмитричъ, что̀ новенькаго?... Да вы должно быть не здоровы: лицо у васъ нехорошо».—«Да, Капитонъ Тимоѳеичъ, не ладно что̀-то.»—«Что̀ съ вами?»—«Да вотъ что̀, Капитонъ Тимоѳеичъ, недавно купилъ я въ городѣ жернова; ну, привезъ ихъ домой, да какъ сталъ ихъ съ телѣги-то выкладывать, понатужился знать, что̀-ли, въ черевѣ-то у меня такъ и йокнуло, словно оборвалось что̀... да вотъ съ тѣхъ поръ все и не здоровится. Сегодня даже больно неладно».—«Гмъ», промолвилъ Капитонъ и понюхалъ табаку: «значитъ, грыжа. А давно съ вами это приключилось?»—«Да десятый денекъ пошелъ».—«Десятый?»(Фельдшеръ потянулъ въ себя сквозь зубы воздухъ и головой покачалъ.) «Позволь-ка себя пощупать».—

«Ну, Василій Дмитричъ», проговорилъ онъ наконецъ: «жаль мнѣ тебя сердечнаго, а, вѣдь, дѣло-то твое неладно; ты боленъ не на шутку, оставайся-ка здѣсь у меня; я съ своей стороны все стараніе приложу, а впрочемъ ни за что не ручаюсь».—«Будто такъ худо?»пробормоталъ изумленый мельникъ. — «Да, Василій Дмитричъ, худо; пришли-бы вы ко мнѣ деньками двумя пораньше,—и ничего-бы, какъ рукой-бы снялъ; а теперь у васъ воспаленіе, вотъ что; того и гляди, антоновъ-огонь сдѣлается».—«Да быть не можетъ, Капитонъ Тимоѳеичъ».—«Ужь я вамъ говорю».—«Да какъ-же это?» — (Фельдшеръ плечами пожалъ.) — «И умирать мнѣ изъ-за этакой дряни?»—«Этого я не говорю... а только оставайтесь здѣсь». Мужикъ подумалъ, подумалъ, посмотрѣлъ на полъ потомъ на насъ взглянулъ, почесалъ въ затылкѣ, да за шапку. «Куда-же вы, Василій Дмитричъ?»—«Куда? вѣстимо куда,— домой, коли такъ плохо. Распорядиться слѣдуетъ, коли такъ.»—«Да вы себѣ бѣды надѣлаете, Василій Дмитричъ; помилуйте, я и такъ удивляюсь, какъ вы доѣхали: останьтесь«.—«Нѣтъ, братъ, Капитонъ Тимоѳеичъ, ужь умирать, такъ дома умирать; а то что-жь я здѣсь умру,—

у меня дома и Господь знаетъ что приключится». — Еще неизвѣстно, Василій Дмитричъ, какъ дѣло-то пойдетъ... Конечно опасно; очень опасно, спору нѣтъ... да отъ того-то и слѣдуетъ вамъ остаться«. (Мужикъ головой покачалъ.) — «Нѣтъ, Капитонъ Тимоѳеичъ, не останусь... а лѣкарствицо развѣ пропишите».— «Лѣкарство одно не поможетъ», — «Не останусь, говорятъ». — Ну, какъ хочешь... чуръ потомъ не пенять.».

Фельдшеръ вырвалъ страничку изъ альбома и, прописавъ рецептъ, посовѣтывалъ что еще дѣлать. Мужикъ взялъ бумажку, далъ Капитону полтинникъ, вышелъ изъ комнаты и сѣлъ на телѣгу. «Ну, прощайте, Капитонъ Тимоѳеичъ, не поминайте лихомъ, да сиротокъ не забывайте, коли что»... — «Эй, останься, Василій!» — Мужикъ только головой тряхнулъ, ударилъ возжей по лошади и съѣхалъ со двора. Я вышелъ на улицу и поглядѣлъ ему въ слѣдъ. Дорога была грязная и ухабистая; мельникъ ѣхалъ осторожно, не торопясь, ловко правилъ лошадью и со встрѣчными раскланивался... На четвертый день онъ умеръ.

Вообще, удивительно умираютъ Русскіе люди. Много покойниковъ приходитъ мнѣ теперь

на память. Вспоминаю я тебя, старинный мой пріятель, недоучившійся студентъ Авенировъ Сорокоумовъ, прекрасный, благороднѣйшій человѣкъ! Вижу снова твое чахоточное, зеленоватое лицо, твои жидкіе русые волосики, твою кроткую улыбку, твой восторженный взглядъ, твои длинные члены; слышу твой слабый, ласковый голосъ. Жилъ ты у великороссійскаго помѣщика Гура Крупяникова, училъ его дѣтей Фофу и Зёзю русской грамотѣ, географіи и исторіи, терпѣливо сносилъ тяжелыя шутки самого Гура, грубыя любезности дворецкаго, пошлыя шалости злыхъ мальчишекъ; не безъ горькой улыбки, но и безъ ропота исполнялъ прихотливыя требованія скучающей барыни; зато, бывало, какъ ты отдыхалъ, какъ ты блаженствовалъ вечеромъ, послѣ ужина, когда, отдѣлавшись наконецъ отъ всѣхъ обязанностей и занятій, ты садился передъ окномъ, задумчиво закуривалъ трубку, или съ жадностію перелистывалъ изуродованный и засаленный номеръ толстаго журнала, занесенный изъ города землемѣромъ, такимъ-же бездомнымъ горемыкой, какъ ты! Какъ нравились тебѣ тогда всякіе стихи и всякія повѣсти, какъ легко навертывались слезы на твои глаза, съ какимъ

удовольствіемъ ты смѣялся, какою искреннею любовію къ людямъ, какимъ благороднымъ сочувствіемъ ко всему доброму и прекрасному проникалась твоя младенчески чистая душа! Должно сказать правду: не отличался ты излишнимъ остроуміемъ; природа не одарила тебя ни памятью, ни прилежаніемъ; въ университетѣ считался ты однимъ изъ самыхъ плохихъ студентовъ; на лекціяхъ — ты спалъ, на экзаменахъ—молчалъ торжественно; но у кого сіяли радостью глаза, у кого захватывало дыханіе отъ успѣха, отъ удачи товарища?—У Авенира... Кто слѣпо вѣровалъ въ высокое призваніе друзей своихъ, кто превозносилъ ихъ съ гордостью, защищалъ ихъ съ ожесточеніемъ? Кто не зналъ ни зависти, ни самолюбія, кто безкорыстно жертвовалъ собою, кто охотно подчинялся людямъ не стоившимъ подметокъ его?... Все ты, все ты, нашъ добрый Авенировъ! Помню: съ сокрушеннымъ сердцемъ разставался ты съ товарищами, уѣзжая на «кондицію»; злыя предчувствія тебя мучили, и точно: въ деревнѣ плохо тебѣ пришлось; въ деревнѣ тебѣ некого было благоговѣйно выслушивать, некому удивляться, некого любить... И степняки, и образованные помѣщики обходились съ то-

бой, какъ съ учителемъ: одни — грубо, другіе—небрежно. Притомъ-же ты и фигурой не бралъ; робѣлъ, краснѣлъ, потѣлъ, заикался... Даже здоровья твоего не поправилъ сельскій воздухъ: истаялъ ты какъ свѣчка, бѣднякъ! Правда: комнатка твоя выходила въ садъ; черемухи, яблони, липы сыпали тебѣ на столъ, на чернильницу, на книги свои легкіе цвѣтки; на стѣнѣ висѣла голубая шолковая подушечка для часовъ, подаренная тебѣ въ прощальный часъ добренькой, чувствительной нѣмочкой, гувернанткой съ бѣлокурыми кудрями и синими глазками; иногда заѣзжалъ къ тебѣ старый другъ изъ Москвы и приводилъ тебя въ восторгъ чужими или даже своими стихами; но одиночество, но невыносимое рабство учительскаго званія, невозможность освобожденія, но безконечныя осени и зимы, но болѣзнь неотступная... Бѣдный, бѣдный Авениръ!

Я посѣтилъ Сорокоумова не за долго до его смерти. Онъ уже почти ходить не могъ. Помѣщикъ Гуръ Крупяниковъ не выгонялъ его изъ дому, но жалованье пересталъ ему выдавать и другого учителя нанялъ Зёзѣ... Фофу отдали въ кадетскій корпусъ. Авениръ сидѣлъ возлѣ окна въ старыхъ вольтеровскихъ креслахъ.

Погода была чудесная. Свѣтлое осеннее небо весело синѣло надъ темною-бурою грядой обнаженныхъ липъ; кой-гдѣ шевелились и лепетали на нихъ послѣдніе, ярко-золотые листья. Прохваченная морозомъ земля потѣла и оттаивала на солнцѣ; его косые, румяные лучи били вскользь по блѣдной травѣ; въ воздухѣ чудился легкій трескъ; ясно и внятно звучали въ саду голоса работниковъ. На Авенирѣ былъ ветхій бухарскій халатъ; зеленый шейный платокъ бросалъ мертвенный оттѣнокъ на его страшно исхудавшее лицо. Онъ весьма мнѣ обрадовался, протянулъ руку, заговорилъ и закашлялся. Я далъ ему успокоиться, подсѣлъ къ нему... На колѣняхъ у Авенира лежала тетрадка стихотвореній Кольцова, тщательно переписанныхъ; онъ съ улыбкой постучалъ по ней рукой, «Вотъ поэ́тъ», пролепеталъ онъ, съ усиліемъ сдерживая кашель, и пустился было декламировать едва слышнымъ голосомъ:

«Аль у сокола
Крылья связаны?
Аль пути ему
Всѣ заказаны?»

Я остановилъ его: лѣкарь запретилъ ему разговаривать. Я зналъ, чѣмъ ему угодить. Со-

рокоумовъ никогда, какъ говорится, не «слѣдилъ» за наукой, но любопытствовалъ знать, что, дескать, до чего дошли теперь великіе умы? Бывало, поймаетъ товарища гдѣ нибудь въ углу и начнетъ его разспрашивать: слушаетъ, удивляется, вѣритъ ему на слово, и ужъ такъ потомъ за нимъ и повторяетъ. Особенно нѣмецкая философія его сильно занимала.—Я началъ толковать ему о Гегелѣ (дѣла давно минувшихъ дней, какъ видите). Авениръ качалъ утвердительно головой, поднималъ брови, улыбался, шепталъ: «понимаю, понимаю!... а! хорошо, хорошо!»... Дѣтская любознательность умирающаго, безпріютнаго и заброшеннаго бѣдняка, признаюсь, до слезъ меня трогала. Должно замѣтить, что Авениръ, въ противность всѣмъ чахоточнымъ, нисколько не обманывалъ себя насчетъ своей болѣзни... и что-жь? — онъ не вздыхалъ, не сокрушался, даже ни разу не намекнулъ на свое положеніе...

Собравшись съ силами, заговорилъ онъ о Москвѣ, о товарищахъ, о Пушкинѣ, о театрѣ, о русской литературѣ; вспоминалъ наши пирушки, жаркія пренія нашего кружка, съ сожалѣніемъ произнесъ имена двухъ, трехъ умершихъ пріятелей...

— Помнишь Дашу? прибавилъ онъ наконецъ:—вотъ золотая была душа! вотъ было сердце! и какъ она меня любила!...Что̀ съ ней теперь? — Чай, изсохла, исчахла, бѣдняжка?

Я не посмѣлъ разочаровать больнаго, — и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему было знать, что Даша его теперь поперегъ себя толще, водится съ купцами—братьями Кондачковыми, бѣлится и румянится, пищитъ и бранится.

Однако, подумалъ я глядя на его изнеможенное лицо, нельзя–ли его вытащить отсюда? Можетъ быть еще есть возможность его вылѣчить... Но Авенировъ не далъ мнѣ докончить мое предположеніе.

— Нѣтъ, братъ, спасибо, промолвилъ онъ:— все равно, гдѣ умереть. Я, вѣдь, до зимы не доживу... Къ–чему понапрасну людей безпокоить. Я къ здѣшнему дому привыкъ. Правда, господа–то здѣшніе...

— Злые, что̀–ли? подхватилъ я.

— Нѣтъ, не злые: деревяшки какія-то. А впрочемъ, я не могу на нихъ пожаловаться. Сосѣди есть: у помѣщика Касаткина дочь, образованная, любезная, добрѣйшая дѣвица... негордая...

Сорокоумовъ опять раскашлялся.

— Все-бы ничего, продолжалъ онъ, отдохнувши:—кабы трубочку выкурить позволили... А ужь я такъ не умру, выкурю трубочку! прибавилъ онъ, лукаво подмигнувъ глазомъ. — Слава Богу, пожилъ довольно; съ хорошими людьми знался...

— Да ты-бы хоть къ роднымъ написалъ, перебилъ я его.

— Что къ роднымъ писать? Помочь они мнѣ не помогутъ; умру — узнаютъ. Да что объ этомъ говоритъ... Разскажи-ка мнѣ лучше, что ты за границей видѣлъ:

Я началъ разсказывать. Онъ такъ и впился въ меня. Къ вечеру я уѣхалъ, а дней черезъ десять получилъ слѣдующее письмо отъ г. Крупяникова

«Симъ честь имѣю извѣстить васъ, милостивый государь мой, что пріятель вашъ, у меня въ домѣ проживавшій студентъ, г. Авениръ Сорокоумовъ, четвертаго дня въ два часа по полудни скончался, и сегодня на мой счетъ въ приходской моей церкви похороненъ. Просилъ онъ меня переслать къ вамъ приложенныя при семъ книги и тетради. Денегъ у него оказалось 22 рубли съ полтиной, которые, вмѣстѣ

съ прочими его вещами, доставятся, по принадлежности, родственникамъ. Скончался вашъ другъ въ совершенной памяти и можно сказать съ таковою-же безчувственностію, не изъявляя никакихъ знаковъ сожалѣнія, даже когда мы цѣлымъ семействомъ съ нимъ прощались. Супруга моя, Клеопатра Александровна, вамъ кланяется. Смерть вашего пріятеля не могла не подѣйствовать на ея нервы; что̀-же до меня касается, то я, слава Богу, здоровъ и честь имѣю пребыть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Г. Крупяниковъ».

Много другихъ еще примѣровъ въ голову приходитъ, — да всего не перескажешь. Ограничусь однимъ.

Старушка помѣщица при мнѣ умирала. Священникъ сталъ читать надъ ней отходную, да вдругъ замѣтилъ, что больная-то дѣйствительно отходитъ и поскорѣе подалъ ей крестъ. Помѣщица съ неудовольствіемъ отодвинулась. «Куда спѣшишь, батюшка», проговорила она коснѣющимъ языкомъ: «успѣешь...» Она приложилась, засунула было руку подъ подушку

и,—испустила послѣдній вздохъ. Подъ подушкой лежалъ цѣлковый: она хотѣла заплатить священнику за свою собственную отходную...

Да, удивительно умираютъ Русскіе люди!

XVII.

ПѢВЦЫ.

ПѢВЦЫ.

Небольшое сельцо Колотовка, принадлежавшее нѣкогда помѣщицѣ, за лихой и бойкій нравъ прозванной въ околоткѣ Стрыганихой (настоящее имя ея осталось неизвѣстнымъ), а нынѣ состоящее за какимъ-то петербургскимъ нѣмцемъ, лежитъ на скатѣ голаго холма, съ верху до низу разсѣченнаго страшнымъ оврагомъ, который, зіяя какъ бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой серединѣ улицы, и пуще рѣки,—черезъ рѣку можно по крайней мѣрѣ навести мостъ, — раздѣляетъ обѣ стороны бѣдной деревушки. Нѣсколько тощихъ ракитъ боязливо спускаются по пещанымъ его бокамъ; на самомъ днѣ, сухомъ и желтомъ, какъ мѣдь, лежатъ огромныя плиты глиниста-

го камня. Невеселый видъ, нечего сказать,—а между тѣмъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ хорошо извѣстна дорога въ Колотовку: они ѣздятъ туда охотно и часто.

У самой головы оврага, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той точки, гдѣ онъ начинается узкой трещиной, стоитъ небольшая четвероугольная избушка, стоитъ одна, отдѣльно отъ другихъ. Она крыта соломой, съ трубой; одно окно, словно зоркій глазъ, обращено къ оврагу и въ зимнія вечера, освѣщенное извнутри, далеко виднѣется въ тускломъ туманѣ мороза, и не одному проѣзжему мужичку мерцаетъ путеводной звѣздою. Надъ дверью избушки прибита голубая дощечка: эта избушка — кабакъ, прозванный « Притыннымъ» *. Въ этомъ кабакѣ вино продается, вѣроятно, недешевле положенной цѣны, но посѣщается онъ гораздо прилежнѣе, чѣмъ всѣ окрестныя заведенія такого-же рода. Причиной этому цаловальникъ Николай Иванычъ.

Николай Иванычъ — нѣкогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь-же нео-

---

* Притыннымъ называется всякое мѣсто, куда охотно сходятся, всякое пріютное мѣсто.

бычайно толстый, уже посѣдѣвшій мужчина съ заплывшимъ лицомъ, хитро-добродушными глазками и жирнымъ лбомъ, перетянутымъ морщинами, словно нитками,—уже болѣе двадцати лѣтъ проживаетъ въ Колотовкѣ. Николай Иванычъ человѣкъ расторопный и смѣтливый, какъ бо̀льшая часть цаловальниковъ; не отличаясь ни особенной любезностью, ни говорливостью, онъ обладаетъ даромъ привлекать и удерживать у себя гостей, которымъ какъ-то весело сидѣть передъ его стойкой, подъ спокойнымъ и привѣтливымъ, хотя зоркимъ взглядомъ флегматическаго хозяина. У него много здраваго смысла; ему хорошо знакомъ и помѣщичій бытъ, и крестьянскій, и мѣщанскій; въ трудныхъ случаяхъ онъ могъ-бы подать неглупый совѣтъ, но, какъ человѣкъ осторожный и эгоистъ, онъ предпочитаетъ оставаться въ сторонѣ, и развѣ только отдаленными, словно безъ всякаго намѣренія произнесенными намеками наводитъ своихъ посѣтителей — и то любимыхъ имъ посѣтителей — на путь истины. Онъ знаетъ толкъ во всемъ, что важно или занимательно для русскаго человѣка: въ лошадяхъ и въ скотинѣ, въ лѣсѣ, въ кирпичахъ, посудѣ, въ красномъ товарѣ и

въ кожевенномъ, въ пѣсняхъ и въ пляскахъ. Когда у него нѣтъ посѣщенія, онъ обыкновенно сидитъ, какъ мѣшокъ, на землѣ передъ дверью своей избы, подвернувъ подъ себя свои тонкія ножки, и перекидывается ласковыми словцами со всѣми прохожими. Много видалъ онъ на своемъ вѣку, пережилъ не одинъ десятокъ мелкихъ дворянъ, заѣзжавшихъ къ нему за «очищеннымъ», знаетъ все, что дѣлается на сто верстъ кругомъ, и никогда не пробалтывается, не показываетъ даже виду, что ему и то извѣстно, чего не подозрѣваетъ самый проницательный становой. Знай-себѣ помалчиваетъ, да посмѣивается, да стаканчиками пошевеливаетъ. Его сосѣди уважаютъ; штатскій генералъ Щерепетенко, первый по чину владѣлецъ въ уѣздѣ, всякій разъ снисходительно ему кланяется, когда проѣзжаетъ мимо его домика. Николай Иванычъ человѣкъ со вліяніемъ: онъ извѣстнаго конокрада заставилъ возвратить лошадь, которую тотъ свелъ со двора у одного изъ его знакомыхъ, — образумилъ мужиковъ сосѣдней деревни, не хотѣвшихъ принять новаго управляющаго и т. д. Впрочемъ, не должно думать, чтобы онъ это дѣлалъ изъ любви къ справедливости, изъ усердія къ

ближнимъ—нѣтъ! онъ просто старается предупредить все то, что можетъ какъ нибудь нарушить его спокойствіе. Николай Иванычъ женатъ, и дѣти у него есть. Жена его, бойкая востроносая и быстроглазая мѣщанка, въ послѣднее время тоже нѣсколько отяжелѣла тѣломъ, подобно своему мужу. Онъ во всемъ на нее полагается, и деньги у ней подъ ключемъ. Пьяницы-крикуны ее боятся; она ихъ не любитъ: выгоды отъ нихъ мало, а шуму много; молчаливые, угрюмые ей скорѣе по сердцу. Дѣти Николая Иваныча еще малы; первыя всѣ перемерли, но оставшіяся пошли въ родителей: весело глядѣть на умныя личики этихъ здоровыхъ дѣтей.

Былъ невыносимо жаркій іюльскій день, когда я, медленно передвигая ноги, вмѣстѣ съ моей собакой подымался вдоль Колотовскаго оврага въ направленіи Притыннаго Кабачка. Солнце разгорѣлось на небѣ, какъ-бы свирѣпѣя, парило и пекло неотступно; воздухъ былъ весь пропитанъ душной пылью. Покрытые лоскомъ грачи и вороны, разинувъ носы, жалобно глядѣли на проходящихъ, словно прося ихъ участья; одни воробьи не горевали и, распуша перушки, еще яростнѣе прежняго чирикали и

дрались по заборамъ, дружно взлетали съ пыльной дороги, сѣрыми тучками носились надъ зелеными конопляниками.—Жажда меня мучила. Воды не было близко; въ Колотовкѣ, какъ и во многихъ другихъ степныхъ деревняхъ, мужики, за неимѣньемъ ключей и колодцевъ, пьютъ какую-то жидкую грязцу изъ пруда... Но кто-же назоветъ это отвратительное пойло водою? Я хотѣлъ спросить у Николая Иваныча стаканъ пива или квасу.

Признаться сказать, ни въ какое время года Колотовка не представляетъ отраднаго зрѣлища; но особенно грустное чувство возбуждаетъ она, когда іюльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляетъ и бурыя, полуразметанныя крыши домовъ, и этотъ глубокій оврагъ, и вызженный, запыленный выгонъ, по которому безнадежно скитаются худыя, длинноногія курицы, и сѣрый осиновый срубъ съ дырами вмѣсто оконъ, остатокъ прежняго барскаго дома, кругомъ заросшій крапивой, бурьяномъ и полынью, и покрытый гусинымъ пухомъ, черный, словно раскаленый прудъ, съ каймой изъ полу-высохшей грязи и сбитой на бокъ плотиной, возлѣ которой, на мелко истоптанной, пепеловид-

ней землѣ, овцы, едва дыша и чихая отъ жара, печально тѣснятся другъ къ дружкѣ и съ унылымъ терпѣньемъ наклоняютъ головы, какъ можно ниже, какъ-будто выжидая,—когда-жь пройдетъ наконецъ этотъ невыносимый зной. — Усталыми шагами приближался я къ жилищу Николая Иваныча, возбуждая, какъ водится, въ ребятишкахъ изумленіе, доходившее до напряженно-безмысленнаго созерцанія, въ собакахъ — негодованіе, выражавшееся лаемъ, до того хриплымъ и злобнымъ, что, казалось, у нихъ отрывалась вся внутренность, и онѣ сами потомъ кашляли и задыхались, — какъ вдругъ на порогѣ кабачка показался мужчина высокаго роста, безъ шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанной голубымъ кушачкомъ. На видъ онъ казался дворовымъ; густые сѣдые волосы въ безпорядкѣ вздымались надъ сухимъ и сморщеннымъ его лицомъ. Онъ звалъ кого-то, торопливо дѣйствуя руками, которыя очевидно размахивались гораздо далѣе, чѣмъ онъ самъ желалъ. Замѣтно было, что онъ уже успѣлъ выпить.

— Иди, иди-же! залепеталъ онъ, съ усиліемъ поднимая густыя брови: — иди, Моргачъ, иди! Экой ты, братецъ, ползешь, право

слово. Это не хорошо, братецъ. Тутъ ждутъ тебя, а ты вотъ ползешь... Иди.

— Ну, иду, иду, раздался дребезжащій голосъ, и изъ-за избы на-право показался человѣкъ низенькій, толстый и хромой. На немъ была довольно опрятная, суконная чуйка, вдѣтая на одинъ рукавъ; высокая, остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выраженіе лукавое и насмѣшливое. Его маленькіе, жолтые глазки такъ и бѣгали, съ топкихъ губъ не сходила сдержанная напряженная улыбка, а носъ, острый и длинный, нахально выдвигался впередъ какъ руль.—Иду, любезный,—продолжалъ онъ, ковыляя въ направленіи питейнаго заведенья: — зачѣмъ ты меня зовешь?... Кто меня ждетъ?

— Зачѣмъ я тебя зову,—сказалъ съ укоризной человѣкъ во фризовой шинели. — Экой ты, Моргачъ, чудно̀й, братецъ; тебя зовутъ въ кабакъ, а ты еще спрашиваешь, зачѣмъ? А ждутъ тебя все люди добрые: Турокъ-Яшка, да Дикій Баринъ, да рядчикъ съ Жиздры. Яшка-то съ рядчикомъ объ закладъ побились: осьмуху пива поставили — кто кого одолѣетъ, лучше споетъ, то-есть... понимаешь?

— Яшка пѣть будетъ? съ живостью проговорилъ человѣкъ, прозванный Моргачемъ.—И ты не врешь, Обалдуй?

— Я не вру, съ достоинствомъ отвѣчалъ Обалдуй: — а ты брешешь. Стало быть будетъ пѣть, коли объ закладъ побился, божья коровка ты этакая, плутъ ты этакой, Моргачъ.

— Ну, пойдемъ, простота, возразилъ Моргачъ.

— Ну, поцалуй-же меня, по крайней мѣрѣ, душа ты моя, залепеталъ Обалдуй, широко раскрывъ объятія.

— Вишь Езопъ изнѣженный, презрительно отвѣтилъ Моргачъ, отталкивая его локтемъ, и оба, нагнувшись, вошли въ низенькую дверь.

Слышанный мною разговоръ сильно возбудилъ мое любопытство. Уже не разъ доходили до меня слухи объ Яшкѣ-Туркѣ, какъ объ лучшемъ пѣвцѣ въ околоткѣ, и вдругъ мнѣ представился случай услышать его въ состяніи съ другимъ мастеромъ. Я удвоилъ шаги и вошелъ въ заведеніе.

Вѣроятно не многіе изъ моихъ читателей имѣли случай заглядывать въ деревенскіе кабаки; но нашъ братъ, охотникъ, куда не заходитъ! Устройство ихъ чрезвычайно просто.

Они состоятъ обыкновенно изъ темныхъ сѣней и бѣлой избы, раздѣленной на двое перегородкой, за которую никто изъ посѣтителей не имѣетъ права заходить. Въ этой перегородкѣ, надъ широкимъ дубовымъ столомъ, продѣлано большое, продольное отверстіе. На этомъ столѣ или стойкѣ продается вино. Запечатанные штофы разной величины рядкомъ стоятъ на полкахъ, прямо противъ отверстія. Въ передней части избы, предоставленной посѣтителямъ, находятся лавки, двѣ, три пустыя бочки, угловой столъ. Деревенскіе кабаки большей частью довольно темны, и почти никогда не увидите вы на ихъ бревенчатыхъ стѣнахъ какихъ нибудь ярко раскрашенныхъ лубочныхъ картинъ, безъ которыхъ рѣдкая изба обходится.

Когда я вошелъ въ Притынный Кабачокъ, въ немъ уже собралось довольно многочисленное общество,

За стойкой, какъ водится, почти во всю ширину отверстія, стоялъ Николай Иванычъ, въ пестрой ситцевой рубахѣ, и, съ лѣнивой усмѣшкой на пухлыхъ щекахъ, наливалъ своей полной и бѣлой рукой два стакана вина вошедшимъ пріятелямъ, Моргачу и Обалдую; а за нимъ въ углу, возлѣ окна, виднѣлась его вос-

троглазая жена. По серединѣ комнаты стоялъ Яшка-Турокъ, худой и стройный человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, одѣтый въ долгополый нанковый кафтанъ голубого цвѣта. Онъ смотрѣлъ удалымъ фабричнымъ малымъ и, казалось, не могъ похвастаться отличнымъ здоровьемъ. Его впалыя щеки, большіе, безпокойные сѣрые глаза, прямой носъ съ тонкими, подвижными ноздрями, бѣлый покатый лобъ съ закинутыми назадъ свѣтло-русыми кудрями, крупныя, но красивыя, выразительныя губы— все его лицо изобличало человѣка впечатлительнаго и страстнаго. Онъ былъ въ большомъ волненьи: мигалъ глазами, неровно дышалъ, руки его дрожали какъ въ лихорадкѣ, — да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая такъ знакома всѣмъ людямъ, говорящимъ или поющимъ передъ собраніемъ. Подлѣ него стоялъ мужчина лѣтъ сорока, широкоплечій, широкоскулый, съ низкимъ лбомъ, узкими татарскими глазами, короткимъ и плоскимъ носомъ, четвероугольнымъ подбородкомъ и черными, блестящими волосами, жосткими какъ щетина. Выраженіе его смуглаго съ свинцовымъ отливомъ лица, особенно его блѣдныхъ губъ можно было-бы

назвать почти свирѣпымъ, еслибъ онъ не было такъ спокойно-задумчивъ. Онъ почти не шевелился, и только медленно поглядывалъ кругомъ, какъ быкъ изъ подъ ярма. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то поношенный сюртукъ съ мѣдными, гладкими пуговицами; старый черный шолковый платокъ окутывалъ его огромную шею. Звали его Дикимъ Бариномъ. Прямо противъ него, на лавкѣ подъ образами, сидѣлъ соперникъ Яшки — рядчикъ изъ Жиздры: это былъ невысокаго роста, плотный мужчина лѣтъ тридцати, рябой и курчавый, съ тупымъ вздернутымъ носомъ, живыми карими глазками и жидкой бородой. Онъ бойко поглядывалъ кругомъ, подсунувъ подъ себя руки, безпечно болталъ и постукивалъ ногами, обутыми въ щегольскіе сапоги съ оторочкой. На немъ былъ новый, тонкій армякъ изъ сѣраго сукна съ плисовымъ воротникомъ, отъ котораго рѣзко отдѣлялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокругъ горла.—Въ противуположномъ углу, на право отъ двери, сидѣлъ за столомъ какой-то мужичокъ въ сѣроватой, изношенной свитѣ, съ огромной дырой на плечѣ.—Солнечный свѣтъ, струился жидкимъ желтоватымъ потокомъ сквозь запыленныя стекла двухъ небольшихъ окошекъ

и, казалось, не могъ побѣдить обычной темноты комнаты; всѣ предметы были освѣщены скупо, словно пятнами. Зато въ ней было почти прохладно, и чувство духоты и зноя, словно бремя свалилось у меня съ плечь, какъ только я переступилъ порогъ.

Мой приходъ — я это могъ замѣтить — сначала нѣсколько смутилъ гостей Николая Иваныча; но, увидѣвъ, что онъ поклонился мнѣ, какъ знакомому человѣку, они успокоились и уже болѣе не обращали на меня вниманія. Я спросилъ себѣ пива и сѣлъ въ уголокъ, возлѣ мужичка въ изорванной свитѣ.

— Ну, что-жь! возопилъ вдругъ Обалдуй, выпивъ духомъ стаканъ вина и сопровождая свое восклицаніе тѣми странными размахиваніями рукъ, безъ которыхъ онъ, по видимому, не произносилъ ни одного слова. — Чего еще ждать? Начинать такъ начинать. А? Яша?...

— Начинать, начинать, одобрительно подхватилъ Николай Иванычъ.

— Начнемъ, пожалуй, хлоднокровно и съ самоувѣренной улыбочкой примолвилъ рядчикъ: — я готовъ.

— И я готовъ, съ волненіемъ произнесъ Яковъ.

— Ну, начинайте, ребятки, начинайте, пропищалъ Моргачъ.

Но, несмотря на единодушно изъявленное желаніе, никто не начиналъ; рядчикъ даже не приподнялся съ лавки, — всѣ словно ждали чего-то.

— Начинай! угрюмо и рѣзко проговорилъ Дикій Баринъ.

Яковъ вздрогнулъ. Рядчикъ всталъ, осунулъ кушакъ и откашлялся.

— А кому начать? спросилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ у Дикаго Барина, который все продолжалъ стоять неподвижно по серединѣ комнаты, широко разставивъ толстыя ноги и почти по локоть засунувъ могучія руки въ карманы шароваръ.

— Тебѣ, тебѣ, рядчикъ, залепеталъ Обалдуй: — тебѣ, братецъ.

Дикій Баринъ посмотрѣлъ на него изъ подлобья. Обалдуй слабо пискнулъ, замялся, глянулъ куда-то въ потолокъ, повелъ плечами и умолкъ.

— Жеребій кинуть, съ разстановкой произнесъ Дикій Баринъ: да осьмуху на стойку.

Николай Иванычъ нагнулся, досталъ, крякхтя, съ полу осьмуху и поставилъ ее на столъ.

Дикій Баринъ глянулъ на Якова и промолвилъ: «Ну!»

Яковъ зарылся у себя въ карманахъ, досталъ грошъ и намѣтилъ его зубомъ. Рядчикъ вынулъ изъ-подъ полы кафтана новый кожаный кошелекъ, не торопясь распуталъ шнурокъ и, насыпавъ множество мелочи на руку, выбралъ новенькій грошъ. Обалдуй подставилъ свой затасканный картузъ съ обломаннымъ и отставшимъ козырькомъ; Яковъ кинулъ въ него свой грошъ, рядчикъ — свой.

— Тебѣ выбирать, проговорилъ Дикій Баринъ, обратившись къ Моргачу.

Моргачъ самодовольно усмѣхнулся, взялъ картузъ въ обѣ руки и началъ его встряхивать.

Мгновенно воцарилась глубокая тишина; гроши слабо звякали, ударяясь другъ о друга. Я внимательно поглядѣлъ кругомъ—всѣ лица выражали напряженное ожиданіе; самъ Дикій Баринъ прищурился; мой сосѣдъ, мужичокъ въ изорванной свиткѣ, и тотъ даже съ любопытствомъ вытянулъ шею. Моргачъ запустилъ руку въ картузъ и досталъ рядчиковъ грошъ:—всѣ вздохнули. Яковъ покраснѣлъ, а рядчикъ провелъ рукой по волосамъ.

— Вѣдь, я-же говорилъ, что тебѣ, воскликнулъ Обалдуй: — я, вѣдь, говорилъ.

— Ну, ну, не «цыркай» *! презрительно замѣтилъ Дикій Баринъ. — Начинай, продолжалъ онъ, качнувъ головой на рядчика.

— Какую-же мнѣ пѣсню пѣть? спросилъ рядчикъ, приходя въ волненье.

— Какую хочешь, отвѣчалъ Маргачъ. — Какую вздумается, ту и пой.

— Конечно, какую хочешь, прибавилъ Николай Иванычъ, медленно складывая руки на груди. — Въ этомъ тебѣ указу нѣту. Пой какую хочешь, да только пой хорошо; а мы ужь потомъ рѣшимъ по совѣсти.

— Разумѣется, по совѣсти, подхватилъ Обалдуй и полизалъ край пустого стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько, заговорилъ рядчикъ, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

— Ну, ну, не прохлаждайся — начинай! рѣшилъ Дикій Баринъ и потупился.

Рядчикъ подумалъ немного, встряхнулъ головой и выступилъ впередъ. — Яковъ впился въ него глазами...

---

* Цыркаютъ ястреба, когда они чего нибудь испугаются.

Но прежде чѣмъ я приступлю къ описанію самого состязанія, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. Жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ была уже мнѣ извѣстна, когда я встрѣтился съ ними въ Притынномъ Кабачкѣ; о другихъ я собралъ свѣдѣнія въ послѣдствіи.

Начнемъ съ Обалдуя. Настоящее имя этого человѣка было Евграфъ Ивановъ; но никто во всемъ околоткѣ не звалъ его иначе, какъ Обалдуемъ, и онъ самъ величалъ себя тѣмъ-же прозвищемъ: такъ хорошо оно къ нему пристало. И дѣйствительно, оно какъ нельзя лучше шло къ его незначительнымъ, вѣчно встревоженнымъ чертамъ. Это былъ загулявшій, холостой дворовый человѣкъ, отъ котораго собственные господа давнымъ давно отступились и который, не имѣя никакой должности, не получая ни гроша жалованья, находилъ однако средство каждый день покутить на чужой счетъ. У него было множество знакомыхъ, которые поили его виномъ и чаемъ, сами не зная зачѣмъ, потому что онъ не только не былъ въ обществѣ забавенъ, но даже, напротивъ, надоѣдалъ всѣмъ своей безсмысленной болтовней, несносной навязчивостью, лихорадочными тѣлодвиженіями и без-

престаннымъ неестественнымъ хохотомъ. Онъ не умѣлъ ни пѣть, ни плясать; отроду не сказалъ не только умнаго, даже путнаго слова; все «лотошилъ» да вралъ что ни попало — прямой Обалдуй! И между тѣмъ ни одной попойки на сорокъ верстъ кругомъ не обходилось безъ того, чтобы его долговязая фигура не вертѣлась тутъ-же между гостями, — такъ ужь къ нему привыкли и переносили его присутствіе, какъ неизбѣжное зло. Правда, обходились съ нимъ презрительно, но укрощать его нелѣпые порывы умѣлъ одинъ Дикій Баринъ.

Моргачъ нисколько не походилъ на Обалдуя. Къ нему тоже шло названье Моргача, хотя онъ глазами не моргалъ болѣе другихъ людей; извѣстное дѣло: русскій народъ на прозвища мастеръ. Не смотря на мое старанье вывѣдать пообстоятельнѣе прошедшее этого человѣка, въ жизни его остались для меня — и, вѣроятно, для многихъ другихъ — темныя пятна, мѣста, какъ выражаются книжники, покрытыя глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Я узналъ только, что онъ нѣкогда былъ кучеромъ у старой, бездѣтной барыни, бѣжалъ со ввѣренной ему тройкой лошадей, пропадалъ цѣлый годъ и, должно быть, убѣдившись на дѣлѣ въ невы-

годахъ и бѣдствіяхъ бродячей жизни, вернулся самъ, но уже хромой, бросился въ ноги своей госпожѣ и, въ теченьи нѣсколькихъ лѣтъ, примѣрнымъ поведеньемъ загладивъ свое преступленье, понемногу вошелъ къ ней въ милость, заслужилъ наконецъ ея полную довѣренность, попалъ въ прикащики, а по смерти барыни, неизвѣстно какимъ образомъ, оказался отпущеннымъ на волю, приписался въ мѣщане, началъ снимать у сосѣдей бакши, разбогатѣлъ, и живетъ теперь припѣваючи. Это человѣкъ опытный, себѣ-на-умѣ, не злой и не добрый, а болѣе расчетливый; это тертый калачъ, который знаетъ людей и умѣетъ ими пользоваться. Онъ остороженъ и въ тоже время предпріимчивъ, какъ лисица; болтливъ, какъ старая женщина, и никогда не проговаривается, а всякаго другого заставитъ высказаться; впрочемъ, не прикидывается простачкомъ, какъ это дѣлаютъ иные хитрецы того же десятка, да ему и трудно было-бы притворяться: я никогда не видывалъ болѣе проницательныхъ и умныхъ глазъ, какъ его крошечныя, лукавыя «глядѣлки» *. Онѣ никогда

* Орловцы называютъ глаза глядѣлками, такъ-же какъ ротъ ѣдаломъ.

не смотрятъ просто — все высматриваютъ да подсматриваютъ. Моргачъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ обдумываетъ какое нибудь, по видимому, простое предпріятіе, а то вдругъ рѣшится на отчаянно смѣлое дѣло; кажется тутъ ему и голову сломить... смотришь — все удалось, все какъ по маслу пошло. Онъ счастливъ и вѣритъ въ свое счастье, вѣритъ примѣтамъ. Онъ вообще очень суевѣренъ. Его не любятъ, потому что ему самому ни до кого дѣла нѣтъ, но уважаютъ. Все его семейство состоитъ изъ одного сынишки, въ которомъ онъ души не чаетъ, и который, воспитанный такимъ отцомъ, вѣроятно, пойдетъ далеко. «А Моргачонокъ въ отца вышелъ», уже и теперь говорятъ о немъ въ полъ–голоса старики, сидя на завалинкахъ, и толкуя межъ собой въ лѣтніе вечера; и всѣ понимаютъ, что это значитъ, и уже не прибавляютъ ни слова.

Объ Яковѣ-Туркѣ и рядчикѣ нечего долго распространяться. Яковъ прозванный Туркомъ, потому что дѣйствительно происходилъ отъ плѣнной Турчанки, былъ по душѣ художникъ во всѣхъ смыслахъ этого слова, а по званію — черпальщикъ на бумажной фабрикѣ у купца; что–же касается до рядчика, судьба котораго,

признаюсь, мнѣ осталось неизвѣстной, то онъ показался мнѣ изворотливымъ и бойкимъ городскимъ мѣщаниномъ. Но о Дикомъ Баринѣ стоитъ поговорить нѣсколько поподробнѣе.

Первое впечатлѣніе, которое прозводилъ на васъ видъ этого человѣка, было чувство какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Сложенъ онъ былъ неуклюже, «сбитнемъ», какъ говорятъ у насъ, но отъ него такъ и несло несокрушимымъ здоровьемъ, и — странное дѣло — его медвѣжеватая фигура не была лишена какой-то своеобразной граціи, происходившей, можетъ быть, отъ совершенно спокойной увѣренности въ собственномъ могуществѣ. Трудно было рѣшить съ перваго разу, къ какому сословію принадлежалъ этотъ Геркулесъ; онъ не походилъ ни на двороваго, ни на мѣщанина, ни на обѣднявшаго подъячаго въ отставкѣ, ни на мелкопомѣстнаго раззорившагося дворянина—псаря и драчуна: онъ былъ ужь точно самъ по себѣ. Никто не зналъ, откуда онъ свалился къ намъ въ уѣздъ; поговаривали, что происходилъ отъ однодворцевъ и состоялъ будто гдѣ-то прежде на службѣ, но ничего положительнаго объ этомъ не знали; да и отъ кого было и узнавать, — не отъ него

же самаго: не было человѣка болѣе молчаливаго и угрюмаго. Также никто не могъ положительно сказать, чѣмъ онъ живетъ; онъ ни какимъ ремесломъ не занимался, ни къ кому не ѣздилъ, не знался почти ни съ кѣмъ, а деньги у него водились; правда, не большія, но водились. Велъ онъ себя не то что скромно, — въ немъ вообще не было нечего скромнаго, — но тихо; онъ жилъ, словно никого вокругъ себя не замѣчалъ и рѣшительно ни въ комъ не нуждался. Дикій Баринъ (такъ его прозвали; настоящее-же его имя было Перевлѣсовъ) пользовался огромнымъ вліяньемъ во всемъ округѣ; ему повиновались тотчасъ и съ охотой, хотя онъ не только не имѣлъ никакого права приказывать кому-бы то ни было, но даже самъ не изъявлялъ малѣйшаго притязанія на послушаніе людей, съ которыми случайно сталкивался. Онъ говорилъ — ему покорялись; сила всегда свое возьметъ. Онъ почти не пилъ вина, не знался съ женщинами и страстно любилъ пѣніе. Въ этомъ человѣкѣ было много загадочнаго; казалось, какіе-то громадныя силы угрюмо покоились въ немъ, какъ-бы зная, что разъ поднявшись, что сорвавшись разъ на волю, онѣ должны разрушить

и себя и все до чего ни коснутся; и я жестоко ошибаюсь, если въ жизни этого человѣка не случилось уже подобнаго взрыва, если онъ, наученный опытомъ и едва спасшись отъ гибели, неумолимо не держитъ теперь самого себя въ ежовыхъ рукавицахъ. Особенно поражала меня въ немъ смѣсь какой-то врожденной, природной свирѣпости и такого-же врожденнаго благородства, смѣсь, которой я не встрѣчалъ ни въ комъ-другомъ.

Итакъ рядчикъ выступилъ впередъ, закрылъ до половины глаза и запѣлъ высочайшимъ фальцетомъ. Голосъ у него былъ довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько сиплый; онъ игралъ и вилялъ этимъ голосомъ, какъ юлой, безпрестанно заливалея и переливался съ верху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особеннымъ стараньемъ, умолкалъ, и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смѣлы, иногда довольно забавны: знатоку они-бы много доставили удовольствія, нѣмецъ пришелъбы отъ нихъ въ негодованіе. Это былъ русскій tenore di grazia, ténor lèger. Пѣлъ онъ веселую,

плясовую пѣсню, слова которой, сколько я могъ уловить сквозь безконечныя украшенія, прибавленныя согласныя и восклицанія, были слѣдующія:

Распашу я, молода–молоденька,
Землицы маленько:
Я посѣю, молода–молоденька,
Цвѣтика аленька.

Онъ пѣлъ; всѣ слушали его съ большимъ вниманьемъ. Онъ видимо чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ людьми свѣдущими, и потому, какъ говорится, просто лѣзъ изъ кожи. Дѣйствительно, въ нашихъ краяхъ знаютъ толкъ въ пѣніи, и не даромъ село Сергіевское, на большой Орловской дорогѣ, славится во всей Россіи своимъ особенно пріятнымъ и согласнымъ напѣвомъ. Долго рядчикъ пѣлъ, не возбуждая слишкомъ сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ: ему недоставало поддержки, хора; наконецъ, при одномъ особенно удачномъ переходѣ, заставившемъ улыбнуться самого Дикаго Барина, Обалдуй не выдержалъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. Всѣ встрепенулись. Обалдуй съ Моргачемъ начали въ полголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать: «лихо!...Забирай, шельмецъ!...Забирай, вытягивай, аспидъ!

Вытягивай еще! Накалывай еще, собака ты эдакая, пёсъ!... Погуби Иродъ твою душу!» и пр. Николай Иванычъ изъ–за стойки одобрительно закачалъ головой направо и налѣво. Обалдуй наконецъ затопалъ, засѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ,—а у Якова глаза такъ и разгорѣлись какъ уголья, и онъ весь дрожалъ, какъ листъ, и безпорядочно улыбался. Одинъ Дикій Баринъ не измѣнился въ лицѣ и по прежнему не двигался съ мѣсто; но взглядъ его, устремленный на рядчика, нѣсколько смягчился, хотя выраженіе губъ оставалось презрительнымъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился, и ужь такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ защелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что, когда, наконецъ, утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, перекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній, замирающій возгласъ, — общій, слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Обалдуй бросился ему на шею, и началъ душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирномъ лицѣ Николая Иваныча выступила краска, и онъ словно помолодѣлъ; Яковъ, какъ сумасшедшій, закри-

чалъ: «молодецъ, молодецъ!» — Даже мой сосѣдъ, мужикъ въ изорванной свитѣ не вытерпѣлъ и, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ: «А–га! хорошо, чортъ побери — хорошо!» и съ рѣшительностью плюнулъ въ сторону.

— Ну, братъ, потѣшилъ! кричалъ Обалдуй, не выпуская изнеможеннаго рядчика изъ своихъ объятій; —потѣшилъ, нечего сказать! Выигралъ, братъ, выигралъ! Поздравляю — осьмуха твоя! Яшкѣ до тебя далеко... Ужь я тебѣ говорю, далеко... А ты мнѣ вѣрь. (И онъ снова прижалъ рядчика къ своей груди).

— Да пусти–же его, пусти, неотвязная... съ досадой заговорилъ Моргачъ: — дай ему присѣсть на лавку–то; вишь, онъ усталъ... Экой ты фофанъ, братецъ, право, фофанъ!... Что̀ присталъ, словно банный листъ.

— Ну, что̀–жь, пусть садится, а я за его здоровье выпью, сказалъ Обалдуй, и подошелъ къ стойкѣ. — На твой счетъ, братъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ рядчику.

Тотъ кивнулъ головой, сѣлъ на лавку, досталъ изъ шапки полотенце, и началъ утирать лицо; а Обалдуй съ торопливой жадностью выпилъ стаканъ и, по привычкѣ горькихъ пья-

ницъ, крякая, принялъ грустно-озабоченный видъ.

— Хорошо поешь, братъ, хорошо,—ласково замѣтилъ Николай Иванычъ. — А теперь за тобой очередь, Яша: смотри, не сробѣй. Посмотримъ кто кого, посмотримъ... А хорошо поетъ рядчикъ, ей Богу, хорошо.

— Очинна хорошо, замѣтила Николая Иваныча жена и съ улыбкой поглядѣла на Якова.

— Хорошо-га! повторилъ въ полголоса мой сосѣдъ.

— А, заворотень-полѣха *! завопилъ вдругъ Обалдуй и, подойдя къ мужичку съ дырой на плечѣ, уставилъ на него пальцемъ, запрыгалъ и залился дребезжащимъ хохотомъ. — Полѣха! полѣха! Га, бадѣ паняй **, заворотень!... Зачѣмъ пожаловалъ, заворотень? кричалъ онъсквозь смѣхъ.

Бѣдный мужикъ смутился, и уже собрался

---

* Полѣхами называются обитатели южнаго полѣсья, длиной лѣсной полосы, начинающейся на границѣ Болховскаго и Жиздринскаго уѣздовъ. Они отличаются многими особенностями въ образѣ жизни, нравахъ и языкѣ. Заворотнями же ихъ зовутъ за подозрительный и тугой нравъ.

** Полѣхи прибавляютъ почти къ каждому слову восклицанія: «га!» и «бѣда». — «Паняй» вмѣсто погоняй.

было встать да уйдти поскорѣй, какъ вдругъ раздался мѣдный голосъ Дикаго Барина:

— Да что-жь это за несносное животное такое? произнесъ онъ, скрыпнувъ зубами.

— Я ничего, забормоталъ Обалдуй: — я ничего... я такъ...

— Ну, хорошо, молчать-же! возразилъ Дикій Баринъ. — Яковъ, начинай!

Яковъ взялся рукой за горло.

— Что, братъ, того... что-то... Гмъ... Не знаю, право, что-то того...

— Ну, полно, не робѣй. Стыдись!... чего вертишься?... Пой, какъ Богъ тебѣ велитъ.

И Дикій Баринъ потупился, выжидая.

Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Всѣ такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго на лицѣ, сквозь обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступило невольное, легкое безпокойство. Онъ прислонился къ стѣнѣ, и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда-же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо — оно было блѣдно, какъ у мертваго; глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ... Первый звукъ его голоса былъ слабъ

и неровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Иваныча такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащій какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаньемъ, за вторымъ—третій, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. — «Не одна во полѣ дороженька пролегала» пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь

росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣвало упоеніе: онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе — онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды, вечеромъ во время отлива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянью зари, и только изрѣдка медленно распиряла свои длинныя крылья на-встрѣчу знакомому морю, на-встрѣчу низкому, багровому солнцу: я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, но видимо поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участьемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную, даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанныя рыданья внезапно

поразили меня... я оглянулся — жена цаловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго. Николай Иванычъ потупился; Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой; и по желѣзному лицу Дикаго Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился... Не знаю, чѣмъ-бы разрѣшилось всеобщее томленье, еслибъ Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ — словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; всѣ какъ будто ждали: не будетъ ли онъ еще пѣть, но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаньемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидалъ, что побѣда была его...

— Яша, проговорилъ Дикій Баринъ, положилъ ему руку на плечо и — смолкъ.

Мы всѣ стояли какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и подошелъ къ Якову. — «Ты...

твоя... ты выигралъ», произнесъ онъ наконецъ съ трудомъ, и бросился вонъ изъ комнаты.

Его быстрое, рѣшительное движеніе какъ будто нарушило очарованье: всѣ вдругъ заговорили шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнулъ къ-верху, залепеталъ, замахалъ руками, какъ мельница крыльями; Моргачъ, ковыляя, подошелъ къ Якову и сталъ съ нимъ цаловаться; Николай Иванычъ приподнялся и торжественно объявилъ, что прибавляетъ отъ себя еще осьмуху пива; Дикій Баринъ посмѣивался какимъ-то добрымъ смѣхомъ, котораго я никакъ не ожидалъ встрѣтить на его лицѣ; сѣрый мужичокъ то и дѣло твердилъ въ своемъ уголку, утирая обѣими рукавами глаза, щеки, носъ и бороду: «а хорошо, ей Богу хорошо, ну вотъ, будь я собачій сынъ, хорошо!» а жена Николая Иваныча, вся раскраснѣвшаяся, быстро встала и удалилась. Яковъ наслаждался своей побѣдой, какъ дитя: все его лицо преобразилось; особенно его глаза такъ и засіяли счастьемъ. — Его потащили къ стойкѣ; онъ подозвалъ къ ней расплакавшагося сѣраго мужичка, послалъ цаловальникова сынишку за рядчикомъ, котораго однако тотъ не сыскалъ, и начался пиръ. — «Ты еще намъ споешь,

ты до вечера намъ пѣть будешь», твердилъ Обалдуй, высоко поднимая руки.

Я еще разъ взглянулъ на Якова и вышелъ. Я не хотѣлъ остаться — я боялся испортить свое впечатлѣніе. Но зной былъ нестерпимъ по прежнему. Онъ какъ будто висѣлъ надъ самой землей густымъ тяжелымъ слоемъ; на темно-синемъ небѣ, казалось, крутились какіе-то мелкіе, свѣтлые огоньки сквозь тончайшую, почти черную пыль. Все молчало; было что-то безнадежное, придавленное въ этомъ глубокомъ молчаніи обезсиленной природы. Я добрался до сѣновала и легъ на только-что скошенную, но уже почти высохшую траву. Долго я не могъ задремать; долго звучалъ у меня въ ушахъ неотразимый голосъ Якова... наконецъ, жара и усталость взяли однакожь свое, и я заснулъ мертвымъ сномъ. Когда я проснулся,—все уже потемнѣло; вокругъ разбросанная трава сильно пахла и чуть-чуть отсырѣла; сквозь тонкія жерди полураскрытой крыши слабо мигали блѣдныя звѣздочки. Я вышелъ. Заря уже давно погасла, и едва бѣлѣлъ на небосклонѣ ея послѣдній слѣдъ; но въ недавно раскаленномъ воздухѣ сквозь ночную свѣжесть чувствовалась еще теплота, и грудь все еще жаждала холод-

наго дуновенья. Вѣтра не было, не было и тучь; небо стояло кругомъ все чистое и произрачно темное, тихо мерцая безчисленными, но чуть видными звѣздами. По деревнѣ мелькали огоньки; изъ недалекаго, ярко освѣщеннаго кабака несся нестройный, смутный гамъ, среди котораго, мнѣ казалось, я узнавалъ голосъ Якова. Ярый смѣхъ, по временамъ, поднимался оттуда взрывомъ. Я подошелъ къ окошку и приложился лицомъ къ стеклу. Я увидѣлъ невеселую, хотя пеструю и живую картину: все было пьяно — все, начиная съ Якова. Съ обнаженной грудью сидѣлъ онъ на лавкѣ и, напѣвая осиплымъ голосомъ какую-то плясовую, уличную пѣсню, лѣниво перебиралъ и щипалъ струны гитары. Мокрые волосы ключьями висѣли надъ его страшно-поблѣднѣвшимъ лицомъ. По серединѣ кабака, Обалдуй, совершенно «развинченный» и безъ кафтана, выплясывалъ въ перепрыжку передъ мужичкомъ въ сѣровато-мъ армякѣ; мужичокъ, въ свою очередь, съ трудомъ топоталъ и шаркалъ ослабѣвшими ногами и, безсмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду, изрѣдка помахивалъ одной рукой, какъ-бы желая сказать: «куда ни шло!» Ничего не могло быть смѣшнѣй его лица; какъ

онъ ни вздергивалъ къ верху свои брови, отяжелѣвшія вѣки не хотѣли подняться, а такъ и лежали на едва замѣтныхъ, посоловѣлыхъ, но сладчайшихъ глазкахъ. Онъ находился въ томъ миломъ состояніи окончательно подгуляв-шаго человѣка, когда всякій прохожій, заглянувъ ему въ лицо, непремѣнно скажетъ: «хорошъ, братъ, хорошъ!» Моргачъ, весь красный, какъ ракъ, и широко раздувъ ноздри, язвительно посмѣивался изъ угла; одинъ Николай Иванычъ, какъ и слѣдуетъ истинному цаловальнику, сохранялъ свое неизмѣнное хладнокровіе. Въ комнату набралось много новыхъ лицъ; но Дикаго Барина я въ ней не видалъ.

Я отвернулся, и быстрыми шагами сталъ спускаться съ холма, на которомъ лежитъ Колотовка. У подошвы этого холма разстилается широкая равнина; затопленная мглистыми волнами вечерняго тумана, она казалась еще необъятнѣй и какъ будто сливалась съ потемнѣвшимъ небомъ. Я сходилъ большими шагами по дорогѣ вдоль оврага, какъ вдругъ гдѣ-то далеко въ равнинѣ раздался звонкій голосъ мальчика. — «Антропка! Антропка-а-а...» кричалъ онъ съ упорнымъ и слезливымъ отчаяніемъ, долго, долго вытягивая послѣднія слогъ.

Онъ умолкалъ на нѣсколько мгновеній и снова принимался кричать. Голосъ его звонко разносился въ неподвижномъ, чутко-дремлющемъ воздухѣ. Тридцать разъ, покрайней мѣрѣ, прокричалъ, онъ имя Антропки, какъ вдругъ, съ противоположнаго конца поляны, словно съ другаго свѣта, принесся едва слышный отвѣтъ:

— Чего-о-о-о-о?

Голосъ мальчика тотчасъ съ радостнымъ озлобленіемъ закричалъ:

— Иди сюда, чортъ, лѣши-і-і-ій!

— Зачѣ-ѣ-ѣ-ѣмъ? отвѣтилъ тотъ, спустя долгое время.

— А за тѣмъ, что тебя тятя высѣчь хочи-и-ит-ъ,—поспѣшно прокричалъ первый голосъ.

Второй голосъ болѣе не откликнулся, и мальчикъ снова принялся взывать къ Антропкѣ. Возгласы его, болѣе и болѣе рѣдкіе и слабые долетали еще до моего слуха, когда уже стало совсѣмъ темно, и я обгибалъ край лѣса, окружающаго мою деревеньку и лежащаго въ четырехъ верстахъ отъ Колотовки...

«Антропка-а-а!» все еще чудилось въ воздухѣ, наполненномъ тѣнями ночи.

XVIII.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ КАРАТАЕВЪ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ КАРАТАЕВЪ.

Лѣтъ пять тому назадъ, осенью, на дорогѣ изъ Москвы въ Тулу, пришлось мнѣ просидѣть почти цѣлый день въ почтовомъ домѣ, за недостаткомъ лошадей. Я возвращался съ охоты, и имѣлъ неосторожность отправить свою тройку впередъ. Смотритель, человѣкъ уже старый, угрюмый, съ волосами, нависшими надъ самымъ носомъ, съ маленькими заспанными глазами, на всѣ мои жалобы и просьбы отвѣчалъ отрывистымъ ворчаньемъ, въ сердцахъ хлопалъ дверью, какъ-будто самъ проклиналъ свою должность, и, выходя на крыльцо, бранилъ ямщиковъ, которые медленно брели по грязи съ пудовыми дугами на рукахъ, или сидѣли на лавкѣ, позѣвывая и почесываясь,

и не обращали особеннаго вниманія на гнѣвныя восклицанія своего начальника. Я раза три уже принимался пить чай, нѣсколько разъ напрасно пытался заснуть, прочелъ всѣ надписи на окнахъ и на стѣнахъ: скука меня томила страшная. Съ холоднымъ и безнадежнымъ отчаяніемъ глядѣлъ я на приподнятыя оглобли своего тарантаса, какъ вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ, и небольшая телѣга, запряженная тройкой измученныхъ лошадей, остановилась передъ крыльцомъ. Пріѣзжій соскочилъ съ телѣги и съ крикомъ: «живѣе лошадей!» вошелъ въ комнату. Пока онъ, съ обычнымъ, страннымъ изумленіемъ, выслушивалъ отвѣтъ смотрителя, что лошадей-де нѣту, я успѣлъ, со всѣмъ жаднымъ любопытствомъ скучающаго человѣка, окинуть взоромъ съ ногъ до головы моего новаго товарища. На видъ ему было лѣтъ подъ тридцать. Оспа оставила неизгладимыя слѣды на его лицѣ, сухомъ и желтоватомъ, съ непріятнымъ мѣднымъ отблескомъ; изсиня-черные, длинные волосы лежали сзади кольцами на воротникѣ, спереди закручивались въ ухорскіе виски; небольшіе опухшіе глазки глядѣли, — и только; на верхней губѣ торчало нѣсколько волосковъ. Одѣтъ онъ былъ забубен-

нымъ помѣщикомъ, посѣтителемъ конныхъ ярмарокъ, въ пестрый, довольно засаленный архалукъ, полинявшій шелковый галстукъ лиловаго цвѣта, жилетъ съ мѣдными пуговками и сѣрые панталоны, съ огромными раструбами, изъ-подъ которыхъ едва выглядывали кончики нечищенныхъ сапогъ. Отъ него сильно несло табакомъ и водкой; на красныхъ и толстыхъ его пальцахъ, почти закрытыхъ рукавами архалука, виднѣлись серебряныя и тульскія кольца. Такія фигуры встрѣчаются на Руси не дюжинами, а сотнями; знакомство съ ними, надобно правду сказать, не доставляетъ никакого удовольствія; но, несмотря на предубѣжденіе, съ которымъ я глядѣлъ на пріѣзжаго, я не могъ не замѣтить безпечно добраго и страстнаго выраженья его лица.

— Вотъ и они ждутъ здѣсь болѣе часу-съ, промолвилъ смотритель, указывая на меня.

Болѣе часу! — злодѣй смѣялся надо мной!

— Да имъ, можетъ быть, не такъ нужно, отвѣчалъ пріѣзжій.

— Ужь этого-съ, мы не можемъ знать-съ, угрюмо сказалъ смотритель.

— Такъ неужели нельзя никакъ? Нѣтъ лошадей рѣшительно?

— Нельзя-съ. Ни одной лошади не имѣется.

— Ну, такъ велите-же мнѣ самоваръ поставить. Подождемъ, дѣлать нечего.

Пріѣзжій сѣлъ на лавку, бросилъ картузъ на столъ и провелъ рукой по волосамъ.

— А вы ужь пили чай? спросилъ онъ меня.

— Пилъ.

— А еще разъ для компаніи не угодно?

Я согласился. — Толстый рыжій самоваръ въ четвертый разъ появился на столѣ. Я досталъ бутылку рому. Я не ошибся, принявъ моего собесѣдника за мелкопомѣстнаго дворянина. Звали его Петромъ Петровичемъ Карагаевымъ.

Мы разговорились. Не прошло и получаса съ его пріѣзда, какъ ужь онъ съ самой добродушной откровенностью разсказывалъ мнѣ свою жизнь.

— Теперь я ѣду въ Москву, говорилъ онъ мнѣ, допивая четвертый стаканъ. — Въ деревнѣ мнѣ ужь теперь нечего дѣлать.

— Отъ-чего-же нечего?

— Да такъ-таки нечего. Хозяйство разстроилось, мужиковъ поразорилъ, признаться; подошли годы плохіе: неурожаи, разныя, знаете, несчастія... Да впрочемъ, прибa-

вилъ онъ, уныло взглянувъ въ сторону: — какой я хозяинъ!

— Почему-же?

— Да нѣтъ, перебилъ онъ меня: — такіе-ли бываютъ хозяева! Вотъ видите-ли, продолжалъ онъ, скрутивъ голову на бокъ и прилежно насасывая трубку: — вы, такъ, глядя на меня, можете подумать, что я и того... а, вѣдь, я, долженъ вамъ признаться, воспитанье получилъ средственное; достатковъ не было. Вы меня извините, я человѣкъ откровенный, да и наконецъ...

Онъ не договорилъ своей рѣчи и махнулъ рукой. Я началъ увѣрять его, что онъ ошибается, что я очень радъ нашей встрѣчѣ и пр., а потомъ замѣтилъ, что для управленія имѣньемъ, кажется, не нужно слишкомъ сильнаго образованія

— Согласенъ, отвѣчалъ онъ: — я съ вами согласенъ. Да все-же нужно такое, особенное расположеніе. Иной Богъ знаетъ что дѣлаетъ, и ничего! а я... Позвольте узнать, вы сами изъ Питера, или изъ Москвы?

— Я изъ Петербурга.

Онъ пустилъ ноздрями долгую струю дыма.

— А я въ Москву ѣду служить.

— Куда-же вы намѣрены опредѣлиться?

— А не знаю; какъ тамъ прійдется. Признаться вамъ, боюсь я службы: какъ разъ подъ отвѣтственность попадешь. Жилъ все въ деревнѣ; привыкъ, знаете... да ужь дѣлать нечего... нужда! Охъ, ужь эта мнѣ нужда!

— За то вы будете жить въ столицѣ.

— Въ столицѣ... ну, я не знаю, что тамъ въ столицѣ хорошаго. Посмотримъ, можетъ быть, оно и хорошо... А ужь лучше деревни, кажется, и быть ничего не можетъ.

— Да развѣ вамъ уже невозможно болѣе жить въ деревнѣ?

Онъ вздохнулъ.

— Невозможно. Она ужь теперь, почитай, что и не моя.

— А что?

— Да тамъ добрый человѣкъ — сосѣдъ завелся... вексель...

Бѣдный Петръ Петровичъ провелъ рукой по лицу, подымалъ и тряхнулъ головою.

— Ну, да ужь что!... Да признаться, прибавилъ онъ послѣ небольшаго молчанья: — мнѣ не на кого пенять — самъ виноватъ. Любилъ покуражиться... Люблю, чортъ возьми, покуражится!

— Вы весело жили въ деревнѣ? спросилъ я его.

— У меня, сударь, отвѣчалъ онъ съ растановкой и глядя мнѣ прямо въ глаза: — было двѣнадцать смычковъ гончихъ, такихъ гончихъ, какихъ, скажу вамъ, немного. (Онъ это послѣднее слово произнесъ на распѣвъ). Русака какъ разъ замотаютъ, а ужь на краснаго звѣря— змѣи, просто аспиды. И борзыми похвастаться я могъ. Теперь-же дѣло прошлое, лгать не для чего. Охотился я и съ ружьемъ. Была у меня собака Контесска; стойка необыкновенная, верхнимъ чутьемъ все брала. Бывало подойду къ болоту, скажу: шаршъ! какъ искать не станетъ, такъ хоть съ дюжиной собакъ пройди,— шалишь, ничего не найдешь! а какъ станетъ— просто рада умереть на мѣстѣ!... И въ комнатѣ такая вѣжливая. Дашь ей хлѣбъ изъ лѣвой руки да скажешь: Жидъ ѣлъ, — вѣдь, не возметъ, а дашь изъ правой, да скажешь: барышня кушала, — тотчасъ возметъ и съѣстъ. Былъ у меня и щенокъ отъ нея, ат-личный щенокъ, и въ Москву везти хотѣлъ, да пріятель выпросилъ вмѣстѣ съ ружьемъ; говоритъ: въ Москвѣ тебѣ, братъ, будетъ не до того; тамъ ужь пойдетъ совсѣмъ, братъ, другое. Я и от-

далъ ему щенка, да ужь и ружье, ужь оно все тамъ, знаете, осталось.

— Да вы и въ Москвѣ могли-бы охотиться.

— Нѣтъ ужь, къ-чему? Не съумѣлъ удержаться, такъ и терпи теперь. А вотъ лучше позвольте узнать, что жизнь въ Москвѣ — дорога?

— Нѣтъ, не слишкомъ.

— Не слишкомъ?... А скажите, пожалуйста, вѣдь, цыгане въ Москвѣ живутъ?

— Какіе цыгане?

— А вотъ, что по ярмаркамъ ѣздятъ?

— Да, въ Москвѣ...

— Ну, это хорошо. Люблю цыганъ, чортъ возьми, люблю!..

И глаза Петра Петровича сверкнули удалой веселостью. Но вдругъ онъ завертѣлся на лавкѣ, потомъ задумался, потупилъ голову и протянулъ ко мнѣ пустой стаканъ.

— Дайте-ка мнѣ вашего рому, проговорилъ онъ.

— Да чай весь вышелъ.

— Ничего, такъ, безъ чая... Эхъ!

Каратаевъ положилъ голову на руки и оперся руками на столъ. Я молча глядѣлъ на него, и ожидалъ уже тѣхъ чувствительныхъ

восклицаній, пожалуй, даже тѣхъ слезъ, на которыя такъ щедръ подгулявшій человѣкъ, но когда онъ поднялъ голову, меня, признаюсь, поразило глубоко-грустное выраженіе его лица.

— Что̀ съ вами?

— Ничего-съ... старину вспомнилъ. Такой анекдотъ-съ... Разсказалъ-бы вамъ, да мнѣ совѣстно васъ безпокоить...

— Помилуйте!

— Да, продолжалъ онъ со вздохомъ: — бываютъ случаи...хотя, на-примѣръ, и со мной. Вотъ, если хотите, я вамъ разскажу. Впрочемъ, не знаю...

— Разсказывайте, любезный Петръ Петровичъ.

— Пожалуй, хоша оно того... Вотъ, видите-ли, началъ онъ: — Но я, право, не знаю.

— Ну, полноте, любезный Петръ Петровичъ.

— Ну, пожалуй. Такъ вотъ что со мной, такъ сказать, случилось. Жилъ я-съ въ деревнѣ... вдругъ, приглянись мнѣ дѣвушка, ахъ, да какая-же дѣвушка была... красавица, умница, а ужь добрая какая! Звали ее Матреной-съ. А дѣвка она была простая, т. е., вы

понимаете, крѣпостная, просто, холопка-съ. Да не моя дѣвка, а чужая; вотъ въ чемъ бѣда. Ну, вотъ я ее полюбилъ,—такой, право, анекдотъ-съ; ну, и она. Вотъ и стала Матрена меня просить: выкупи ее, дескать, отъ госпожи; да и я самъ уже объ эфтомъ подумывалъ... А госпожа-то у ней была богатая, старушенція страшная; жила отъ меня верстахъ въ пятнадцати. Ну, вотъ, въ одинъ, какъ говорится, прекрасный день, я и велѣлъ заложить себѣ дрожки тройкой, — въ корню ходилъ у меня иноходецъ, азіятецъ необыкновенный, за то и назывался Лампурдосъ, — одѣлся по лучше, и поѣхалъ къ Матрениной барынѣ. Пріѣзжаю: домъ большой, съ флигелями, съ садомъ... У повертка Матрена меня ждала, хотѣла было заговорить со мной, да только руку поцаловала и отошла въ сторону. Вотъ, вхожу я въ переднюю, спрашиваю:—дома?... А мнѣ высокой такой лакей говоритъ: какъ объ васъ доложить прикажете? Я говорю: доложи, дескать, братецъ, помѣщикъ Каратаевъ пріѣхалъ о дѣлѣ переговорить. Лакей ушелъ; я жду себѣ и думаю: что-то будетъ? чай, заломитъ, бестія, цѣну страшную, даромъ, что богата. Рублей пятьсотъ, пожалуй, запроситъ.

Вотъ, наконецъ, вернулся лакей, говоритъ: пожалуйте. Я вхожу за нимъ въ гостиную. Сидитъ на креслахъ маленькая, жолтенькая старушонка и глазами моргаетъ. — «Что̀ вамъ угодно?»—Я сперва, знаете-ли, почелъ за нужное объявить, что, дескать, радъ знакомству.— «Вы ошибаетесь, я не здѣшняя хозяйка, а ея родственница... Что̀ вамъ угодно?» — Я замѣтилъ ей тутъ-же, что мнѣ съ хозяйкой-то и нужно переговорить. — «Марья Ильинишна не принимаетъ сегодня: она не здорова... Что̀ вамъ угодно?»—Дѣлать нечего, подумалъ я про себя, объясню ей мое обстоятельство. Старуха меня выслушала. — «Матрена? какая Матрена?» — Матрена Ѳедоровна, Куликова дочь.—«Ѳедора Кулика дочь?... да какъ вы ее знаете?» —Случайнымъ манеромъ. — «Аизвѣстно ей ваше намѣреніе?»—Извѣстно.—Старуха замолчала.— «Да я ее негодную!...» — Я, признаюсь, удивился.—За что̀-же, помилуйте!... Я за нее готовъ внести сумму, только извольте назначить. — Старая хрычовка такъ и зашипѣла:— «Вотъ вздумали чѣмъ удивить: нужны намъ очень ваши деньги!... а вотъ я ее ужо, вотъ я ее... Дурь-то я изъ нее выбью». — Раскашлялась старуха со злости.—«Не хорошо ей у

насъ, что̀–ли?... Ахъ, она чертовка, прости, Господи, мое согрѣшенье!» Я, признаюсь, вспыхнулъ: — Зачто̀–же вы грозите бѣдной дѣвкѣ? чѣмъ она, то-есть, виновата?—Старуха перекрестилась: «Ахъ, ты, мой Господи, да развѣ я...»— Да, вѣдь, она не ваша!—«Ну, ужь про это Марья Ильинишна знаетъ, не ваше, батюшка, дѣло; а вотъ я ужо Матрешкѣ–то покажу, чья она холопка». — Я, признаюсь, чуть не бросился на проклятую старуху, да вспомнилъ о Матренѣ, и руки опустились. Заробѣлъ такъ, что пересказать невозможно; началъ упрашивать старуху: возьмите, дескать, что хотите. —«Да на что она вамъ?»—Понравилась, матушка; войдите въ мое положенье... Позвольте поцаловать у васъ ручку. И таки поцаловалъ у шельмы руку? — «Ну», прошамшила вѣдьма: «я скажу Марьѣ Ильинишнѣ, какъ она прикажетъ; а вы заѣзжайте дня черезъ два». — Я уѣхалъ домой въ большомъ безпокойствѣ. Начиналъ я догадываться, что дѣло неладно повелъ, напрасно далъ свое расположенье замѣтить, да хватился–то я поздно. Дня черезъ два отправился я къ барынѣ. Привели меня въ кабинетъ. Цвѣтовъ пропасть, убранство отличное, сама сидитъ въ такихъ мудреныхъ креслахъ и голову

назадъ завалила на подушку; и родственница прежняя тутъ сидитъ, да еще какая-то барышня бѣлобрысая, въ зеленомъ платьѣ, криворотая, компаньонка должно быть. Старуха загнусила: «прошу садиться». Я сѣлъ. Стала меня распрашивать о томъ, сколько мнѣ лѣтъ, да гдѣ я служилъ, да что намѣренъ дѣлать, и такъ все свысока, важно. Я отвѣчалъ подробно. Старуха взяла со стола платокъ, помахала, помахала на себя... «Мнѣ», говоритъ, «докладывала Катерина Карповна объ вашемъ намѣреніи; докладывала», говоритъ, «но я себѣ», говоритъ, «положила за правило: людей въ услуженіе не отпускать. Оно и неприлично, да и не годится въ порядочномъ домѣ: это не порядокъ. Я уже и распорядилась», говоритъ, «вамъ уже болѣе безпокоиться» говоритъ «нечего». — Какое безпокойство, помилуйте... А можетъ, вамъ Матрена Ѳедорова нужна? — «Нѣтъ», говоритъ, «не нужна». — Такъ отчего-же вы мнѣ ее уступить не хотите? — «Отъ-того, что мнѣ не угодно; не угодно, да и все тутъ. Я ужь», говоритъ, «распорядилась: — она въ степную деревню посылается». Меня какъ громомъ хлопнуло. Старуха сказала слова два по французски зе-

леной барышнѣ: та вышла. «Я», говоритъ, «женщина правилъ строгихъ; да и здоровье мое слабое; безпокойства переносить не могу. Вы еще молодой человѣкъ; а я ужь старая женщина, и въ правѣ вамъ давать совѣты. Не лучше-ли вамъ пристроиться, жениться, поискать хорошей партіи; богатыя невѣсты рѣдки, но дѣвицу бѣдную, за то хорошей нравственности найдти можно». Я, знаете, гляжу на старуху и ничего не понимаю, что она тамъ такое мелетъ; слышу, что толкуетъ о женитьбѣ, а у меня степная деревня все въ ушахъ звенитъ. Жениться!... какой чортъ...

Тутъ разскащикъ внезапно остановился и поглядѣлъ на меня.

— Вѣдь, вы не женаты?

— Нѣтъ.

— Ну, конечно, дѣло извѣстное. Я не вытерпѣлъ: — да помилуйте, матушка, что̀ вы за ахинею порете? Какая тутъ женитьба? я просто желаю узнать отъ васъ, уступаете вы вашу дѣвку Матрену, или нѣтъ? — Старуха заохола: — «ахъ, онъ меня обезпокоилъ! ахъ, велите ему уйдти! ахъ!»...Родственница къ ней подскочила и раскричалась на меня. А старуха все стонетъ: «чѣмъ это я заслужила?... Ста-

ло быть, я уже въ своемъ домѣ не госпожа? ахъ, ахъ!» Я схватилъ шляпу и, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ вонъ.

— Можетъ быть, продолжалъ раскащикъ:— вы осудите меня за то, что я такъ сильно привязался къ дѣвушкѣ изъ низкаго сословія; я и не намѣренъ себя, то-есть, оправдывать... такъ ужь оно пришлось!... Вѣрите-ли, ни днемъ, ни ночью покоя мнѣ не было... Мучусь! за что, думалъ я, погубилъ несчастную дѣвку! Какъ только, бывало, вспомню, что она въ зипунѣ гусей гоняетъ, да въ черномъ тѣлѣ, по барскому приказу, содержится, да староста, мужикъ въ дехтярныгъ сапогахъ, ее ругательски ругаетъ — холодный потъ такъ съ меня и закапаетъ. Ну, не вытерпѣлъ, провѣдалъ въ какую деревню ее сослали, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ туда. На другой день подъ вечеръ только пріѣхалъ. Видно отъ меня такого пассажа не ожидали и никакого на мой счетъ приказанія не дали. Я прямо къ старостѣ, будто сосѣдъ; вхожу на дворъ, гляжу: Матрена сидитъ на крылечкѣ и рукой подперлась. Она было вскрикнула, да я ей прогрозилъ и показалъ на задворье, въ поле. Вошелъ въ избу; со старостой покалякалъ, навралъ ему

чортову тьму, улучилъ минутку и вышелъ къ Матренѣ. Она, бѣдняжка, такъ у меня на шеѣ и повисла. Поблѣднѣла, похудѣла, моя голубушка. Я, знаете-ли, говорю ей: ничего, Матрена; ничего, не плачь, — а у самого слезы такъ и бѣгутъ и бѣгутъ... Ну, однакожъ, наконецъ, мнѣ стыдно стало; говорю ей: Матрена, слезами горю не пособить, а вотъ что: надобно дѣйствовать, какъ говорится, рѣшительно; надобно тебѣ бѣжать со мной; вотъ какъ надобно дѣйствовать. Матрена такъ и обмерла... «Какъ можно! да я пропаду, да они меня заѣдятъ совсѣмъ!» — Глупая ты, кто тебя сыщетъ?—«Сыщутъ, непремѣнно сыщутъ. Спасибо вамъ, Петръ Петровичъ; вѣкъ не забуду вашей ласки, но ужъ вы меня теперь предоставьте; ужь, видно, такова моя судьба». — Эхъ, Матрена, Матрена, а я тебя считалъ за дѣвку съ карахтеромъ. И точно, карахтеру у ней было много... душа была, золотая душа! — Что-жь тебѣ здѣсь оставаться? все равно; хуже не будетъ. Ну вотъ сказывай: старостихиныхъ кулаковъ отвѣдывала, а? — Матрена такъ и вспыхнула, и губы у ней задрожали. «Да изъ-за меня семьѣ моей житья не будетъ». — Ну ее, твою семью...

Сошлютъ ее что-ли? — «Сошлютъ; брата-то навѣрное сошлютъ».—А отца?—«Ну, отца не сошлютъ; онъ у насъ одинъ хорошій портной и есть». — Ну вотъ, видишь, а братъ твой отъ этого не пропадаетъ.—Повѣрите-ли, насилу уломалъ ее; вздумала еще толковать о томъ, что, дескать, вы за это отвѣчать будете... Да ужь это, говорю я, не твое дѣло... Однако, я таки ее увезъ не въ этотъ разъ, а въ другой: ночью, на телѣгѣ пріѣхалъ—и увезъ.

— Увезли?

— Увезъ... Ну вотъ, она и поселилась у меня. Домикъ у меня былъ небольшой; прислуги мало. Люди мои, безъ обиняковъ скажу, меня уважали; не выдали-бы ни за какія благополучія. Сталъ я поживать припѣваючи. Матренушка отдохнула, поправилась; вотъ я къ ней и привязался... Да и что̀ за дѣвка была! Откуда что бралось? и пѣть-то она умѣла, и плясать, и на гитарѣ играть... Сосѣдямъ я ее не показывалъ, чего добраго, разболтаютъ! А былъ у меня пріятель, другъ закадычный, Горностаевъ Пантелѣй — вы не изволите знать? Тотъ въ ней просто души не чаялъ; какъ у барыни руки у ней цаловалъ, право. И скажу вамъ, Горностаевъ не мнѣ че-

та: человѣкъ онъ образованный, всего Пушкина прочелъ; станетъ, бывало, съ Матреной да со мной разговаривать, такъ мы и уши развѣсимъ. Писать ее выучилъ, такой чудакъ! А ужь какъ я одѣвалъ ее, — просто лучше губернаторши: сшилъ ей шубку изъ малиноваго бархата съ мѣховой опушкой... Ужь какъ эта шубка на ней сидѣла! Шубку-то эту московская мадамъ шила по новому манеру, съ перехватомъ. И ужь какая чудная эта Матрена была! Бывало, задумается да и сидитъ по часамъ, на полъ глядитъ, бровью не шевельнетъ; и я тоже сижу, да на нее смотрю, да насмотрѣться не могу, словно никогда не видалъ.... Она улыбнется, а у меня сердце такъ и дрогнетъ, словно кто пощекотитъ. А то, вдругъ примется смѣяться, шутить, плясать; обниметъ меня такъ жарко, такъ крѣпко, что голова кругомъ пойдетъ. Съ утра до вечера, бывало, только и думаю: чѣмъ-бы мнѣ ее порадовать? И вѣрите-ли, вѣдь, только для того ее дарилъ, чтобы посмотрѣть, какъ она, душа моя, обрадуется, вся покраснѣетъ отъ радости, какъ станетъ мой подарокъ примѣрять, какъ ко мнѣ въ обновкѣ подойдетъ и поцалуетъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ отецъ ея

Куликъ пронюхалъ дѣло; пришелъ старикъ поглядѣть на насъ, да какъ заплачетъ... Такимъ-то мы образомъ мѣсяцовъ пять прожили; а я-бы не прочь и весь вѣкъ съ ней такъ прожить, да судьба моя такая окаянная!

Петръ Петровичъ остановился.

— Что-жь такое сдѣлалось? спросилъ я его съ участьемъ.

Онъ махнулъ рукой.

— Все къ чорту пошло. Я-же ее и погубилъ. Матренушка у меня смерть любила кататься въ санкахъ, и сама, бывало, правитъ; надѣнетъ свою шубку, шитыя рукавицы торжковскія, да только покрикиваетъ. Катались-то мы всегда вечеромъ, чтобы, знаете, кого нибудь не встрѣтить. Вотъ какъ-то разъ выбрался день такой, знаете, славный; морозно, ясно, вѣтра нѣту... мы и поѣхали. Матрена взяла возжи. Вотъ я и смотрю, куда это она ѣдетъ? Неужели въ Кукуевку, въ деревню своей барыни? Точно въ Кукуевку. Я ей и говорю: сумасшедшая, куда ты ѣдешь? Она глянула ко мнѣ черезъ плечо, да усмѣхнулася. Дай, дескать, покуражится. А! подумалъ я: — была не была!... Мимо господскаго дома прокатиться вѣдь хорошо, вѣдь

хорошо, скажите сами? Вотъ мы и ѣдемъ. Иноходецъ мой такъ и плыветъ, пристяжныя совершенно, скажу вамъ, завихрились, — вотъ ужь и Кукуевскую церковь видно; глядь, ползетъ по дорогѣ старый зеленый возокъ и лакей на запяткахъ торчитъ... Барыня, барыня ѣдетъ! Я было струсилъ, а Матрена-то какъ ударитъ возжами по лошадямъ, да какъ помчится прямо на возокъ. Кучеръ, тотъ-то, вы понимаете, видитъ: летитъ на-встрѣчу—Алхимерэсъ какой-то, хотѣлъ, знаете, посторонить-ся, да круто взялъ, да въ сугробъ возокъ-то и опрокинулъ. Стекло разбилось — барыня кричитъ: ай, ай, ай! ай, ай, ай! компаньонка пищитъ: держи, держи! а мы, давай Богъ ноги, мимо. — Скачемъ мы, а я думаю: худо́ будетъ, напрасно я ей позволилъ ѣхать въ Кукуевку. Что̀-жь вы думаете? вѣдь, узнала барыня Матрену, и меня узнала, старая, да жалобу па меня и подай: бѣглая, дескать, моя дѣвка у дворянина Каратаева проживаетъ; да тутъ-же и благодарность, какъ слѣдуетъ, предъявила. Смотрю, ѣдетъ ко мнѣ исправникъ; а исправникъ-то былъ мнѣ человѣкъ знакомый, Степанъ Сергѣичъ Кузовкинъ, хорошій человѣкъ, то-есть, въ сущности человѣкъ не хо-

рошій. Вотъ, пріѣзжаетъ и говоритъ: такъ и такъ, Петръ Петровичъ, — какъ-же вы это такъ?... Отвѣтственность сильная и законы на этотъ счетъ ясные. Я ему говорю: ну, объ этомъ мы, разумѣется, съ вами поговоримъ, а вотъ, не хотите-ли перекусить съ дороги? Перекусить-то онъ согласился, но говоритъ: правосудіе требуетъ, Петръ Петровичъ, сами посудите. — Оно, конечно, правосудіе, говорю я: оно, конечно... а вотъ, я слышалъ, у васъ лошадка есть вороненькая, такъ не хотите-ли помѣняться на моего Лампурдоса?... А дѣвки Матрены Ѳедоровой у меня не имѣется. — Ну, говоритъ онъ: Петръ Петровичъ, дѣвка-то у васъ; мы, вѣдь, не въ Швейцаріи живемъ... а на Лампурдоса помѣняться лошадкой можно; можно, пожалуй, его и такъ взять. — Однако, на этотъ разъ я его кое-какъ спровадилъ. Но старая барыня завозилась пуще прежняго; десяти тысячь говоритъ, не пожалѣю. Видите-ли, ей, глядя на меня, вдругъ въ голову пришло женить меня на своей зеленой компаньонкѣ, — это я послѣ узналъ; оттого-то она такъ и разозлилась. Чего только эти барыни не придумаютъ!... Со скуки, должно быть. Плохо мнѣ пришлось; и денегъ-то я не жа-

лѣлъ, и Матрену-то пряталъ, — нѣтъ, затормошили меня, словно зайца на угонкахъ. Въ долги влѣзъ, здоровья лишился... Вотъ лежу, однажды ночью, у себя на постелѣ и думаю: Господи, Боже мой, за что терплю? Что-же мнѣ дѣлать, коли я ее разлюбить не могу?... Ну, не могу, да и только! — шасть ко мнѣ въ комнату Матрена. Я на это время спряталъ ее было у себя на хуторѣ, верстахъ въ двухъ отъ своего дома. Я испугался. Что? аль и тамъ тебя отрыли? — «Нѣтъ, Петръ Петровичъ», говоритъ она: «никто меня не безпокоитъ въ Бубновѣ; да долго-ли это продолжится? Сердце мое», говоритъ, «надрывается, Петръ Петровичъ; васъ мнѣ жаль, моего голубчика; вѣкъ не забуду ласки вашей, Петръ Петровичъ, а теперь пришла съ вами проститься».—Что ты, что ты, сумасшедшая?... Какъ проститься? какъ проститься? — «А такъ... пойду да себя и выдамъ». — Да я тебя, сумасшедшую, на чердакъ запру... или ты погубить меня вздумала? уморить меня желаешь, что-ли? — Молчитъ себѣ дѣвка, да глядитъ на полъ. — Ну, да говори-же, говори! — «Не хочу вамъ больше безпокойства причинять, Петръ Петровичъ». — Ну, поди, толкуй съ

ней!... — Да ты знаешь-ли, дура, ты знаешь-ли сума... сумасшедшая...

И Петръ Петровичъ горько зарыдалъ.

— Вѣдь, что̀ вы думаете ? продолжалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу и стараясь нахмурить брови, межь-тѣмъ, какъ слезы все еще бѣжали по его разгоряченнымъ щекамъ: — вѣдь, выдала себя дѣвка,—пошла да и выдала себя...

— Лошади готовы-съ! торжественно воскликнулъ смотритель, входя въ комнату.

Мы оба встали.

— Что̀-же сдѣлалось съ Матреной? спросилъ я.

Каратаевъ махнулъ рукой.

Спустя годъ, послѣ моей встрѣчи съ Каратаевымъ, случилось мнѣ заѣхать въ Москву. Разъ какъ-то, передъ обѣдомъ, зашелъ я въ кофейную, находящуюся за Охотнымъ-рядомъ— оригинальную, московскую кофейную. Въ бильйрдной, сквозь волны дыма, мелькали раскраснѣвшіяся лица, усы, хохлы, старомодныя венгерки и новѣйшіе святославки. Худые ста-

рички въ скромныхъ сюртукахъ читали русскія газеты. Прислуга рѣзво мелькала съ подносами, мягко ступая по зеленымъ коврикамъ. Купцы съ мучительнымъ напряженіемъ пили чай. Вдругъ изъ бильярдной вышелъ человѣкъ, нѣсколько растрепанный и не совсѣмъ твердый на ногахъ. Онъ положилъ руки въ карманы, опустилъ голову и безсмысленно посмотрѣлъ кругомъ.

— Ба, ба, ба! Петръ Петровичъ!... Какъ поживаете?

Петръ Петровичъ чуть не бросился ко мнѣ на шею, и потащилъ меня, слегка качаясь, въ маленькую особенную комнату.

— Вотъ здѣсь, говорилъ онъ, заботливо усаживая меня въ кресла: — здѣсь вамъ будетъ хорошо. Человѣкъ, пива! нѣтъ, то-есть шампанскаго! — Ну, признаюсь, не ожидалъ, не ожидалъ... Давно-ли? надолго-ли? Вотъ, привелъ Богъ, какъ говорится ; того...

— Да, помните....

— Какъ не помнить, какъ не помнить, торопливо перервалъ онъ меня: —дѣло прошлое... дѣло прошлое...

— Ну, что̀ вы здѣсь подѣлываете, любезный Петръ Петровичъ?

— Живу, какъ изволите видѣть. Здѣсь житье хорошее, народъ здѣсь радушный. Здѣсь я успокоился.

И онъ вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— Служите?

— Нѣтъ-съ, еще не служу, а думаю скоро опредѣлиться. Да что̀ служба?... Люди—вотъ, главное, съ какими я здѣсь людьми познакомился!...

Мальчикъ вошелъ съ бутылкой шампанскаго на черномъ подносѣ.

— Вотъ и это хорошій человѣкъ... Не правда-ли, Вася, ты хорошій человѣкъ? На твое здоровье!

Мальчикъ постоялъ, прилично тряхнулъ головкой, улыбнулся и вышелъ.

— Да, хорошіе здѣсь люди, продолжалъ Петръ Петровичъ:—съ чувствомъ, съ душой...

Хотите я васъ познакомлю? Такіе славные ребята... Они всѣ вамъ будутъ ради. Я скажу... Бобровъ умеръ, вотъ горе!

— Какой Бобровъ?

— Сергѣй Бобровъ. Славный былъ человѣкъ; призрѣлъ было меня, невѣжу, степняка. И Горностаевъ Пантелей умеръ. Всѣ умерли, всѣ!

— Вы все время въ Москвѣ прожили? Не съѣздили въ деревню?

— Въ деревню... мою деревню продали.

— Продали?

— Сукціона... Вотъ, напрасно вы не купили!

— Чѣмъ-же вы жить будете, Петръ Петровичъ?

— А, не умру съ голоду, Богъ дастъ! Денегъ не будетъ, — друзья будутъ. Да что̀ деньги? — прахъ! Золото — прахъ!

Онъ зажмурился, пошарилъ, рукой въ карманѣ и поднесъ ко мнѣ на лодони два пятиалтынныхъ и гривенникъ.

— Что̀ это? Вѣдь, прахъ? (И деньги полетѣли на полъ.) А вы лучше скажите мнѣ, читали-ли вы Полежаева?

— Читалъ.

— Видали-ли Мочалова въ Гамлетѣ?

Нѣтъ, не видалъ.

— Не видали, не видали... (И лицо Каратаева поблѣднѣло, глаза безпокойно забѣгали; онъ отвернулся: легкія судороги пробѣжали по его губамъ.) — Ахъ, Мочаловъ, Мочаловъ! «Окончить жизнь — уснуть», проговорилъ онъ глухимъ голосомъ:

Не болѣе! и знать, что этотъ сонъ
Окончитъ грусть и тысячи ударовъ,
Удѣлъ живыхъ.... Такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ!... Умереть.... уснуть....

— Уснуть, уснуть! пробормоталъ онъ нѣ-сколько разъ.

— Скажите, пожалуйста, началъ было я; но онъ продолжалъ съ жаромъ :

Кто снесъ–бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилье правъ, тирановъ притѣсненье,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда–бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ.... О, помяни
Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ?

И онъ уронилъ голову на столъ. Онъ началъ заикаться и завираться.

— «И черезъ мѣсяцъ!» произнесъ онъ съ новой силой:

Одинъ короткій, быстротечный мѣсяцъ!
И башмаковъ еще не износила,
Въ которыхъ шла, въ слезахъ,
За бѣднымъ прахомъ моего отца!
О, небо! Звѣрь, безъ разума, безъ слова,
Грустилъ–бы долѣе....

Онъ поднесъ было рюмку шампанскаго къ губамъ, но не выпилъ вина и продолжалъ:

Изъ–за Гекубы!
Что онъ Гекубѣ, что она ему,

Что плачетъ онъ объ ней?...
А я.... презрѣнный, малодушный рабъ, —
Я трусъ! Кто назоветъ меня негоднымъ?
Кто скажетъ мнѣ: ты лжешь?
А я обиды перенесъ-бы.... Да!
Я голубь мужествомъ: — во мнѣ нѣтъ жолчи,
И мнѣ обида не горька....

Каратаевъ уронилъ рюмку и схватилъ себя за голову. Мнѣ показалось, что я его понялъ.

—Ну, да что̀, проговорилъ онъ наконецъ:— кто старое помянетъ, тому глазъ́ вонъ... Не правда-ли? (И онъ засмѣялся.)—На ваше здоровье!

—Вы останетесь въ Москвѣ? спросилъ я его.

— Умру въ Москвѣ...

— Каратаевъ! раздалось въ сосѣдней комнатѣ. — Каратаевъ, гдѣ ты? поди сюда, любезный че-а-экъ!

— Меня зовутъ, проговорилъ онъ, тяжело поднимаясь съ мѣста. — Прощайте; зайдите ко мнѣ, если можете, я живу въ ***.

Но на другой-же день, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, я долженъ былъ выѣхать изъ Москвы, и не видался болѣе съ Петромъ Петровичемъ Каратаевымъ.

XIX.

СВИДАНІЕ.

СВИДАНІЕ.

Я сидѣлъ въ березовой рощѣ осенью, около половины сентября. Съ самаго утра перепадалъ мелкій дождикъ, смѣняемый по временамъ теплымъ солнечнымъ сіяніемъ; была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми бѣлыми облаками, то вдругъ мѣстами расчищалось на мгновенье, и тогда изъ-за раздвинутыхъ тучь показывалась лазурь, ясная и ласковая, какъ прекрасный, умный глазъ. Я сидѣлъ и глядѣлъ кругомъ и слушалъ. Листья чуть шумѣли надъ моей головой; по одному ихъ шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То былъ не веселый, смѣющійся трепетъ весны, не мягкое шушуканье, не долгій говоръ лѣта, не робкое и холодное

лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый вѣтеръ чуть-чуть тянулъ по верхушкамъ. Внутренность рощи, влажной отъ дождя, безпрестанно измѣнялась, смотря по тому, свѣтило-ли солнце или закрывалось облакомъ; она то озарялась вся, словно вдругъ въ ней все улыбнулось: тонкіе стволы не слишкомъ частыхъ березъ внезапно принимали нѣжный отблескъ бѣлаго шолка, лежавшіе на землѣ мелкіе листья вдругъ пестрѣли и загорались червоннымъ золотомъ, а красивые стебли высокихъ, кудрявыхъ папоротниковъ, уже окрашенныхъ въ свой осенній цвѣтъ, подобный цвѣту переспѣлаго винограда, такъ и сквозили, безконечно путаясь и пересѣкаясь передъ глазами; то вдругъ опять все кругомъ слегка синѣло: яркія краски мгновенно гасли, березы стояли всѣ бѣлыя, безъ блеску, бѣлыя какъ только-что выпавшій снѣгъ, до котораго еще не коснулся холодно играющій лучъ зимняго солнца, — и украдкой, лукаво, начиналъ сѣяться и шептать по лѣсу мельчайшій дождь. Листва на березахъ была еще почти вся зелена, хотя замѣтно поблѣднѣла: лишь кой-гдѣ стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно бы-

ло видѣть, какъ она ярко вспыхивала на солнцѣ, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрѣя, сквозь частую сѣтку тонкихъ вѣтокъ, только-что смытыхъ сверкающимъ дождемъ. Ни одной птицы не было слышно: всѣ пріютились и замолки; лишь изрѣдка звенѣлъ стальнымъ колокольчикомъ насмѣшливый голосокъ синицы. — Прежде чѣмъ я остановился въ этомъ березовомъ лѣску, я съ своей собакой прошелъ черезъ высокую осиновую рощу. Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево — осину — съ ея блѣдно-лиловымъ пнемъ и сѣро-зеленой, металлической листвой, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣеромъ раскидываетъ на воздухѣ; не люблю я вѣчное качанье ея круглыхъ неопрятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ; она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, она приходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца, и блеститъ, и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ жолтымъ багрянцемъ,—или, когда, въ ясный вѣтренный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ

небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленьемъ, какъ-будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться въ даль. Но вообще я не люблю этого дерева, и потому, не остановясь въ осиновой рощѣ для отдыха, добрался до березоваго лѣска, угнѣздился подъ однимъ деревцемъ, у котораго сучья начинались низко надъ землей и, слѣдовательно, могли защитить меня отъ дождя, и, полюбовавшись окрестнымъ видомъ, заснулъ тѣмъ безмятежнымъ и кроткимъ сномъ, который знакомъ однимъ охотникамъ.

Не могу сказать, сколько я времени проспалъ, но, когда я открылъ глаза — вся внутренность лѣса была наполнена солнцемъ, и во всѣ направленья, сквозь радостно шумѣвшую листву, сквозило и какъ-бы искрилось ярко-голубое небо; облака скрылись, разогнанныя взыгравшимъ вѣтромъ; погода разсчистилась, и въ воздухѣ чуствовалась та особенная, сухая свѣжесть, которая, наполняя сердце какимъ-то бодрымъ ощущеньемъ, почти всегда предсказываетъ мирный и ясный вечеръ послѣ ненастнаго дня. Я собрался было встать и снова попытать счастья, какъ вдругъ глаза мои остановились на неподвижномъ человѣческомъ обра-

зѣ. Я вглядѣлся: то была молодая крестьянская дѣвушка. Она сидѣла въ двадцати шагахъ отъ меня, задумчиво потупивъ голову и уронивъ обѣ руки на колѣни; на одной изъ нихъ, до половины раскрытой, лежалъ густой пучекъ полевыхъ цвѣтовъ, и при каждомъ ея дыханьи тихо скользилъ на клѣтчатую юбку. Чистая бѣлая рубаха, застёгнутая у горла и кистей, ложилась короткими, мягкими складками около ея стана; крупныя жолтыя бусы въ два ряда спускались съ шеи на грудь. — Она была очень недурна собою. Густые бѣлокурые волосы, преснаго пепельнаго цвѣта, расходились двумя, тщательно причесанными полукругами изъ-подъ узкой, алой повязки, надвинутой почти на самый лобъ, бѣлый какъ слоновая кость; остальная часть ея лица едва загорѣла тѣмъ золостымъ загаромъ, который принимаетъ одна тонкая кожа. Я не могъ видѣть ея глазъ — она ихъ не поднимала; но я ясно видѣлъ ея тонкія, высокія брови, ея длинныя рѣсницы; онѣ были влажны, и на одной изъ ея щёкъ блисталъ на солнцѣ высохшій слѣдъ слезы, остановившейся у самыхъ губъ, слегка поблѣднѣвшихъ. Вся ея головка была очень мила; даже немного толстый и круглый носъ ее не пор-

тилъ. Мнѣ особенно нравилось выраженіе ея лица: такъ оно было просто и кротко, такъ грустно и такъ полно дѣтскаго недоумѣнья передъ собственной грустью. Она видимо ждала кого-то; въ лѣсу что-то слабо хрустнуло:— она тотчасъ подняла голову и оглянулась; въ прозрачной тѣни быстро блеснули передо мной ея глаза, большіе, свѣтлые и пугливые, какъ у лани. Нѣсколько мгновеній прислушивалась она, не сводя широко рыскрытыхъ глазъ съ мѣста, гдѣ раздался слабый звукъ, вздохнула, повернула тихонько голову, еще ниже наклонилась, и принялась медленно перебирать цвѣты. Вѣки ея покраснѣли, горько шевельнулись губы, и новая слеза прокатилась изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, останавливаясь и лучисто сверкая на щекѣ. Такъ прошло довольно много времени; бѣдная дѣвушка не шевелилась, — лишь изрѣдка тоскливо поводила руками и слушала, все слушала... Снова что-то зашумѣло по лѣсу, — она встрепенулась. Шумъ не переставалъ, становился явственнѣй, приближался, послышались наконецъ рѣшительные, проворные шаги. Она выпрямилась и какъ-будто оробѣла,—ея внимательный взоръ задрожалъ, зажегся ожиданьемъ. Сквозь чащу

быстро замелькала фигура мужчины. Она вгля-дѣлась, вспыхнула вдругъ, радостно и счастливо улыбнулась, хотѣла было встать, и тотчасъ опять поникла вся, поблѣднѣла, смутилась, — и только тогда подняла трепещущій, почти молящій взглядъ на пришедшаго человѣка, когда тотъ остановился рядомъ съ ней.

Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него изъ своей засады. Признаюсь, онъ не произвелъ на меня пріятнаго впечатлѣнія. Это былъ, по всѣмъ признакамъ, избалованный камердинеръ молодаго богатаго барина. Его одежда изобличала притязаніе на вкусъ и щегольскую небрежность: на немъ было коротенькое пальто бронзоваго цвѣта, вѣроятно, съ барскаго плеча, застегнутый до верху, розовый галстучекъ съ лиловыми кончиками и бархатный, черный картузъ съ золотымъ галуномъ, надвинутый на самыя брови. Круглые воротнички его бѣлой рубашки немилосердо подпирали ему уши и рѣзали щеки, а накрахмаленные рукавчики закрывали всю руку вплоть до красныхъ и кривыхъ пальцевъ, украшенныхъ серебряными и золотыми кольцами съ незабудками изъ бирюзы. Лицо его, румяное, свѣжее и нахальное, принадлежало къ числу лицъ, которыя, сколь-

ко я могъ замѣтить, почти всегда возмущаютъ мужчинъ и, къ сожалѣнію, очень часто нравятся женщинамъ. Онъ видимо старался придать своимъ грубоватымъ чертамъ выраженіе презрительное и скучающее; безпрестанно щурилъ свои и безъ того крошечные, молочно-сѣрые глазки, морщился, опускалъ углы губъ, принужденно зѣвалъ и съ небрежной, хотя не совсѣмъ ловкой развязностью то̀ поправлялъ рукою рыжеватые, ухарски закрученные виски, то̀ щипалъ жолтые волосики, торчавшіе на толстой верхней губѣ, — словомъ, ломался нестерпимо. Началъ онъ ломаться какъ только увидалъ молодую крестьянку, его ожидавшую; медленно, развалистымъ шагомъ подошелъ онъ къ ней, постоялъ, подернулъ плечами, засунулъ обѣ руки въ карманы пальто и, едва удостоивъ бѣдную дѣвушку бѣглымъ и равнодушнымъ взглядомъ, опустился на землю.

— А что̀, началъ онъ, продолжая глядѣть куда-то въ сторону, качая ногою и зѣвая: — давно ты здѣсь?

Дѣвушка не могла тотчасъ ему отвѣчать.

— Давно-съ, Викторъ Александрычъ, проговорила она наконецъ едва слышнымъ голосомъ.

— А! (Онъ снялъ картузъ, величественно

провелъ рукою по густымъ, туго завитымъ волосамъ, начинавшимся почти у самыхъ бровей, и, съ достоинствомъ посмотрѣвъ кругомъ, бережно прикрылъ опять свою драгоцѣнную голову). А я было совсѣмъ и позабылъ. Притомъ, вишь, дождикъ! (Онъ опять зѣвнулъ). — Дѣла пропасть: за всѣмъ не усмотришь, а тотъ еще бранится. Мы завтра ѣдемъ...

—Завтра? произнесла дѣвушка, и устремила на него испуганный взоръ.

— Завтра... Ну, ну, ну, пожалуйста, подхватилъ онъ поспѣшно, и съ досадой, увидѣвъ, что она затрепетала вся и тихо наклонила голову: — пожалуйста, Акулина, не плачь. Ты знаешь я этого терпѣть не могу. (И онъ наморщилъ свой тупой носъ.) А то я сейчасъ уйду... Что̀ за глупости — хныкать!

— Ну, не буду, не буду, торопливо произнесла Акулина, съ усильемъ глотая слезы. — Такъ вы завтра ѣдете? прибавила она послѣ небольшаго молчанья: — когда-то Богъ приведетъ опять увидѣться съ вами, Викторъ Александрычъ?

— Увидимся, увидимся. Не въ будущемъ году — такъ послѣ. Баринъ-то, кажется, въ Петербургѣ на службу поступить желаетъ,

продолжалъ онъ, выговаривая слова небрежно и нѣсколько въ носъ; — а можетъ быть: и за границу уѣдемъ.

— Вы меня забудете, Викторъ Александрычъ, печально промолвила Акулина.

— Нѣтъ, отчего-же? Я тебя не забуду: только ты будь умна, не дурачься, слушайся отца... А я тебя не забуду — нѣ-ѣтъ. (И онъ спокойно потянулся и опять зѣвнулъ).

— Не забывайте меня, Викторъ Александрычъ, продолжала она умоляющимъ голосомъ. — Ужь, кажется, я на что васъ любила, все, кажется, для васъ... Вы говорите, отца мнѣ слушаться, Викторъ Александрычъ... Да какъ-же мнѣ отца-то слушаться...

— А что? (Онъ произнесъ эти два слова какъ-бы изъ желудка, лежа на спинѣ и подложивъ руки подъ голову).

— Да какъ-же, Викторъ Александрычъ,— вы сами знаете...

Она умолкла. Викторъ поигралъ стальной цѣпочкой своихъ часовъ.

— Ты, Акулина, дѣвка неглупая, заговорилъ онъ наконецъ: — потому вздору не говори. Я твоего-же добра желаю, понимаешь ты меня? Конечно, ты неглупа, не совсѣмъ му-

жичка, такъ сказать; и твоя мать тоже не всегда мужичкой была. Все-же ты безъ образованья,—стало быть, должна слушаться, когда тебѣ говорятъ.

— Да страшно, Викторъ Александрычъ.

— И-и, какой вздоръ, моя любезная: въ чемъ нашла страхъ! Что это у тебя, прибавилъ онъ пододвинувшись къ ней: — цвѣты?

— Цвѣты, уныло отвѣчала Акулина. Это я полевой рябинки нарвала, продолжала она, нѣсколько оживившись:—это для телятъ хорошо. А это вотъ череда — противъ золотухи. Вотъ поглядите-ка какой чудной цвѣтикъ; такого чуднаго цвѣтика я еще отродясь не видала. Вотъ незабудки, а вотъ маткина-душка... А вотъ это я для васъ, прибавила она, доставая изъ подъ жолтой рябинки небольшой пучокъ голубенькихъ васильковъ, перевязанныхъ тоненькой травкой: — хотите?

Викторъ лѣниво протянулъ руку, взялъ, небрежно понюхалъ цвѣты и началъ вертѣть ихъ въ пальцахъ, съ задумчивой важностью посматривая вверхъ. Акулина глядѣла на него... Въ ея грустномъ взорѣ было столько нѣжной преданности, благоговѣйной покорности и любви. Она и боялась-то его, и не смѣла плакать, и

прощалась съ нимъ, и любовалась имъ въ послѣдній разъ; а онъ лежалъ, развалясь, какъ султанъ, и съ великодушнымъ терпѣньемъ и снисходительностью сносилъ ея обожанье. Я, признаюсь, съ негодованьемъ разсматривалъ его красное лицо, на которомъ сквозь притворно-презрительное равнодушіе проглядывало удовлетворенное, пресыщенное самолюбіе. Акулина была такъ хороша въ это мгновеніе: — вся душа ея довѣрчиво, страстно раскрывалась передъ нимъ, тянулась ластилась къ нему, а онъ... онъ уронилъ васильки на траву, досталъ изъ боковаго кармана пальто круглое стеклышко въ бронзовой оправѣ и принялся втискивать его въ глазъ; но, какъ онъ ни старался удержать его нахмуренной бровью, приподнятой щекой и даже носомъ — стеклышко все вываливалось и падало ему въ руку.

— Что̀ это? спросила наконецъ изумленная Акулина.

— Лорнетъ, отвѣчалъ онъ съ важностью.

— Для чего?

— А чтобъ лучше видѣть.

— Покажьте-ка.

Викторъ поморщился, но далъ ей стеклышко.

— Не разбей смотри.

— Небось, не разобью. (Она робко поднесла его къ глазу.) Я ничего не вижу, невинно проговорила она.

— Да ты глазъ-то, глазъ-то зажмурь, возразилъ онъ голосомъ недовольнаго наставника. (Она зажмурила глазъ, передъ которымъ держала стеклышко.) Да не тотъ, не тотъ, глупая! Другой! воскликнулъ Викторъ и, не давши ей исправить свою ошибку, отнялъ у ней лорнетъ.

Акулина покраснѣла, чуть-чуть засмѣялась и отвернулась.

— Видно намъ негодится, промолвила она.

— Еще-бы!

Бѣдняжка помолчала и глубоко вздохнула.

— Ахъ, Викторъ Александрычъ, какъ тяжело намъ будетъ безъ васъ! сказала она вдругъ.

Викторъ вытеръ лорнетъ полой и положилъ его обратно въ карманъ.

— Да, да, заговорилъ онъ наконецъ:—тебѣ сначала будетъ тяжело, точно. (Онъ снисходительно потрепалъ ее по плечу; она тихонько достала съ своего плеча его руку и робко ее поцаловала.) — Ну, да, да, ты точно дѣвка добрая, продолжалъ онъ, самодовольно улыбнувшись: — но что-же дѣлать? Ты сама посуди: намъ съ бариномъ нельзя-же здѣсь

остаться; теперь скоро зима, а въ деревнѣ зимой — ты сама знаешь — просто скверность. То-ли дѣло въ Петербургѣ! Тамъ, просто, такія чудеса, какихъ ты, глупая, и во снѣ, просто, себѣ представить не можешь. Домà какіе, улицы, а обчество, образованье — просто удивленье!... (Акулина слушала его съ пожирающимъ вниманьемъ, слегка раскрывъ губы, какъ ребенокъ.) Впрочемъ, прибавилъ онъ, заворочавшись на землѣ: — къ-чему я тебѣ это все говорю? Вѣдь, ты этого понять не можешь.

— Отчего-же, Викторъ Александрычъ? Я поняла; я все поняла.

— Вишь, какая!

Акулина потупилась. — Прежде вы со мной не такъ говаривали, Викторъ Александрычъ, проговорила она, не поднимая глазъ.

— Прежде?... прежде! Вишь ты — прежде? замѣтилъ онъ, какъ-бы негодуя.

Они оба помолчали.

— Однако мнѣ пора идти, проговорилъ Викторъ, и уже оперся было на локоть.

— Подождите еще немножко, умоляющимъ голосомъ произнесла Акулина.

— Чего ждать?... Вѣдь, ужь я простился съ тобой.

— Подождите, повторила Акулина.

Викторъ опять улегся и принялся посвистывать. Акулина все не спускала съ него глазъ. Я могъ замѣтить, что она понемногу приходила въ волненье: ея губы подергивало, блѣдныя ея щоки слабо заалѣлись...

Викторъ Александрычъ, заговорила она наконецъ прерывающимся голосомъ: — вамъ грѣшно. Вамъ грѣшно, Викторъ Александрычъ: ей-Богу!

— Что̀ такое грѣшно? спросилъ онъ, нахмуривъ брови, и слегка приподнялъ и повернулъ къ ней голову.

— Грѣшно, Викторъ Александрычъ. Хоть-бы доброе словечко мнѣ сказали на прощанье; хоть-бы словечко мнѣ сказали, горемычной сиротинушкѣ...

— Да что̀ я тебѣ скажу?

— Я не знаю; вы это лучше знаете, Викторъ Александрычъ. Вотъ вы ѣдете, и хоть-бы словечко... Чѣмъ я заслужила?

— Какая-же ты странная! что̀-жь я могу?

— Хоть-бы словечко...

— Ну, зарядила одно и тоже, промолвилъ онъ съ досадой и всталъ.

— Не сердитесь, Викторъ Александрычъ,

поспѣшно прибавила она, едва сдерживая слезы.

— Я не сержусь, а только ты глупа... Чего ты хочешь? Вѣдь, я на тебѣ жениться не могу? вѣдь не могу? Ну, такъ чего-же ты хочешь? чего? (Онъ уткнулся лицомъ, какъ-бы ожидая отвѣта, и растопырилъ пальцы.)

— Я ничего... ничего не хочу, отвѣчала она, заикаясь и едва осмѣливаясь простирать къ нему трепещущія руки: — а такъ хоть-бы словечко, на прощаньи...

И слезы полились у ней ручьемъ.

— Ну, такъ и есть, пошла плакать, хладнокровно промолвилъ Викторъ, надвигая сзади картузъ на глаза.

— Я ничего не хочу, продолжала она, всхлипывая и закрывъ лицо обѣими руками: — но каково-же мнѣ теперь въ семьѣ, каково-же мнѣ,— и что̀-же со мной будетъ, что̀ станется со мной, горемычной? За немилаго выдадутъ сиротиночку... Бѣдная моя головушка!

— Припѣвай, припѣвай, въ полголоса пробормоталъ Викторъ, переминаясь на мѣстѣ.

— А онъ хоть-бы словечко, хоть-бы одно... Дескать, Акулина, дескать, я...

Внезапныя, надрывающія грудь рыданья не

дали ей докончить рѣчи — она повалилась лицомъ на траву и горько, горько заплакала... Все ее тѣло судорожно волновалось, затылокъ такъ и поднимался у ней... Долго сдержанное горе хлынуло наконецъ потокомъ. Викторъ постоялъ надъ ней, постоялъ, пожалъ плечами, повернулся и ушелъ большими шагами.

Прошло нѣсколько мгновеній... Она притихла, подняла голову, вскочила, оглянулась и всплеснула руками; хотѣла-было бѣжать за нимъ, но ноги у ней подкосились — она упала на колѣни... Я не выдержалъ и бросился къ ней; но едва успѣла она вглядѣться въ меня, какъ откуда взялись силы — она съ слабымъ крикомъ поднялась, и исчезла за деревьями, оставивъ разбросанныя цвѣты на землѣ.

Я постоялъ, поднялъ пучокъ васильковъ, и вышелъ изъ рощи, въ поле. Солнце стояло низко на блѣдно-ясномъ небѣ; лучи его тоже какъ будто поблекли и похолодѣли: они не сіяли, они разливались ровнымъ, почти водянистымъ свѣтомъ. До вечера оставалось не болѣе получаса, а заря едва, едва зажигалась. Порывистый вѣтеръ быстро мчался мнѣ на-встрѣчу черезъ жолтое, высохшее жневье; торопливо вздымаясь передъ нимъ, стремились мимо, че-

резъ дорогу, вдоль опушки, маленькіе, покоробленые листья; сторона рощи, обращенная стѣною въ поле, вся дрожала и сверкала мелкимъ сверканіемъ, четко, но не ярко; на красноватой травѣ, на былинкахъ, на соломенкахъ, всюду блестѣли и волновались безчисленныя нити осеннихъ паутинъ. Я остановился... Мнѣ стало грустно; сквозь невеселую, хотя свѣжую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страхъ недалекой зимы. Высоко надо мной, тяжело и рѣзко разсѣкая воздухъ крылами, пролетѣлъ осторожный воронъ, повернулъ голову, посмотрѣлъ на меня съ боку, взмылъ и, отрывисто каркая, скрылся за лѣсомъ; большое стадо голубей рѣзво пронеслось съ гумна и, внезапно закружившись столбомъ, хлопотливо разсѣлось по полю — признакъ осени! Кто-то проѣхалъ за обнаженнымъ холмомъ, громко стуча пустой телѣгой...

Я вернулся домой; но образъ бѣдной Акулины долго не выходилъ изъ моей головы, и васильки ея, давно увядшіе, до сихъ поръ хранятся у меня...

XX.

ГАМЛЕТЪ

ЩИГРОВСКАГО УѢЗДА.

ГАМЛЕТЪ

ЩИГРОВСКАГО УѢЗДА.

На одной изъ моихъ поѣздокъ получилъ я приглашеніе отобѣдать у богатаго помѣщика и охотника, Александра Михайлыча Г*** Его село находилось верстахъ въ пяти отъ небольшой деревеньки, гдѣ я на ту пору поселился. Я надѣлъ фракъ, безъ котораго не совѣтую никому выѣзжать даже на охоту, и отправился къ Александру Михайлычу. Обѣдъ былъ назначенъ къ шести часамъ; я пріѣхалъ въ пять, и засталъ уже великое множество дворянъ въ мундирахъ, въ партикулярныхъ платьяхъ и другихъ, менѣе опредѣлительныхъ одеждахъ. Хозяинъ встрѣтилъ меня ласково, но тотчасъ-же побѣжалъ въ офиціянтскую. Онъ ожидалъ важнаго сановника, и чувствовалъ нѣкоторое

волненіе, вовсе несообразное съ его независимымъ положеніемъ въ свѣтѣ и богатствомъ. Александръ Михайлычъ никогда женатымъ не былъ и не любилъ женщинъ; общество у него собиралось холостое. Онъ жилъ на большую ногу, увеличилъ и отдѣлалъ дѣдовскія хоромы великолѣпно, выписывалъ ежегодно изъ Москвы тысячь на пятнадцать вина, и вообще пользовался величайшимъ уваженіемъ. Александръ Михайлычъ давнымъ-давно вышелъ въ отставку и никакихъ почестей не добивался... Что-же заставляло его напрашиваться на посѣщеніе сановнаго гостя и волноваться съ самаго утра въ день торжественнаго обѣда? Это остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности, какъ говаривалъ одинъ мой знакомый стряпчій, когда его спрашивали: беретъ-ли онъ взятки съ доброхотныхъ дателей.

Разставшись съ хозяиномъ, я началъ расхаживать по комнатамъ. Почти всѣ гости были мнѣ совершенно незнакомы; человѣкъ двадцать уже сидѣло за карточными столами. Въ числѣ этихъ любителей преферанса было: два военныхъ съ благородными, но слегка изношенными лицами, нѣсколько статскихъ особъ, въ тѣсныхъ, высокихъ галстукахъ и съ висячими,

крашенными усами, какіе только бываютъ у людей рѣшительныхъ, но благонамѣренныхъ (эти благонамѣренные люди съ важностью подбирали карты и, не поворачивая головы, вскидывали съ боку глазами на подходившихъ); пять или шесть уѣздныхъ чиновниковъ съ круглыми брюшками, пухлыми и потными ручками и скромно неподвижными ножками (эти господа говорили мягкимъ голосомъ, кротко улыбались на всѣ стороны, держали свои игры у самой манишки и, козыряя, не стучали по столу, а, напротивъ, волнообразно роняли карты на зеленое сукно и, складывая взятки, производили легкій, весьма учтивый и приличный скрыпъ). Прочіе дворяне сидѣли на диванахъ, кучками стояли въ дверяхъ и подлѣ оконъ; одинъ, уже немолодой, но женоподобный по наружности помѣщикъ, стоялъ въ уголку, вздрагивалъ, краснѣлъ и съ замѣшательствомъ вертѣлъ у себя на желудкѣ печатью своихъ часовъ, хотя никто не обращалъ на него вниманія; иные господа, въ круглыхъ фракахъ и клѣтчатыхъ панталонахъ работы московскаго портнаго, вѣчно-цѣховаго мастера Ѳирса Клюхина, разсуждали необыкновенно развязно и бойко, свободно поворачивая

своими жирными и голыми затылками; молодой челкѣкъ лѣтъ двадцати, подслѣповатый и бѣлокурый, съ ногъ до головы одѣтый въ черную одежду, видимо робѣлъ, но язвительно улыбался...

Однако я начиналъ нѣсколько скучать, какъ вдругъ ко мнѣ присоединился нѣкто Войницынъ, недоучившійся молодой человѣкъ, проживавшій въ домѣ Александра Михайлыча, въ качествѣ... Мудрено сказать, въ какомъ именно качествѣ. Онъ стрѣлялъ отлично и умѣлъ дрессировать собакъ. Я его знаваалъ еще въ Москвѣ. Онъ принадлежалъ къ числу молодыхъ людей, которые, бывало, на всякомъ экзаменѣ «играли столбняка», то-есть, не отвѣчали ни слова на вопросы профессора. Этихъ господъ, для красоты слога, называли также бакенбардистами. (Дѣло давно минувшихъ дней, какъ изволите видѣть.) Вотъ какъ это дѣлалось: вызывали, на-примѣръ, Войницына—Войницынъ, который до того времени неподвижно и прямо сидѣлъ на своей лавкѣ, съ ногъ до головы обливаясь горячей испариной и медленно, но безсмысленно поводя кругомъ глазами, — вставалъ, торопливо застегивалъ свой вицмундиръ до верху, и пробирался бокомъ къ экза

менаторскому столу. — «Извольте взять билетъ», съ пріятностью говорилъ ему профессоръ. — Войницынъ протягивалъ руку и трепетно прикасался пальцами кучки билетовъ. — «Да не извольте выбирать», замѣчалъ дребезжащимъ голосомъ какой-нибудь посторонній, но раздражительный старичокъ, профессоръ изъ другаго факультета, внезапно возненавидѣвшій несчастнаго бакенбардиста. Войницынъ покорялся своей участи, бралъ билетъ, показывалъ номеръ и шелъ садиться къ окну, пока предшественникъ его отвѣчалъ на свой вопросъ. У окна Войницынъ не спускалъ глазъ съ билета, развѣ только для того, чтобы по прежнему медленно посмотрѣть кругомъ, а впрочемъ, не шевелился ни однимъ членомъ. Вотъ однако предшественникъ его кончилъ, говорятъ ему: «хорошо, ступайте», или даже: «хорошо-съ, очень хорошо-съ», смотря по его способностямъ. Вотъ вызываютъ Войницына, — Войницынъ встаетъ и твердымъ шагомъ приближается къ столу. — «Прочтите билетъ», говорятъ ему. Войницынъ подноситъ обѣими руками билетъ къ самому своему носу, медленно читаетъ и медленно опускаетъ руки. — Ну-съ, извольте отвѣчать», лѣниво произно-

ситъ тотъ-же профессоръ, закидывая туловище назадъ и скрещивая на груди руки. Воцаряется гробовое молчаніе.—«Что̀-же вы?»— Войницынъ молчитъ. Посторонняго старичка начинаетъ дергать. — «Да скажите-же что-нибудь». — Молчитъ мой Войницынъ, словно замеръ. Стриженный его затылокъ, круто и неподвижно торчитъ на-встрѣчу любопытнымъ взорамъ всѣхъ товарищей. У посторонняго старичка глаза готовы выскочить: онъ окончательно ненавидитъ Войницына. — «Однакожъ это странно», замѣчаетъ другой экзаменаторъ: — «что̀-жь вы, какъ нѣмой, стоите? ну, не знаете что̀-ли? такъ такъ и скажите».— «Позвольте другой билетъ взять», глухо произноситъ несчастный. Профессора̀ переглядываются. —«Ну, извольте», махнувъ рукой отвѣчаетъ главный экзаменаторъ. — Войницынъ снова беретъ билетъ, снова идетъ къ окну, снова возвращается къ столу и снова молчитъ, какъ убитый. Посторонній старичокъ въ состояніи съѣсть его живого. Наконецъ, его прогоняютъ и ставятъ ему ноль, — Вы думаете: теперь онъ, покрайней мѣрѣ, уйдетъ? какъ-бы не такъ! Онъ возвращается на свое мѣсто, такъ-же неподвижно сидитъ до конца экза-

мена, а уходя восклицаетъ: «ну, баня! экъ задача!» — И ходитъ онъ цѣлый тотъ день по Москвѣ, изрѣдка хватаясь за голову и горько проклиная свою безталанную участь. За книгу онъ, разумѣется, не берется, и на другое утро таже повторяется исторія.

Вотъ этотъ-то Войницынъ присосѣдился ко мнѣ. Мы съ нимъ поговорили о Москвѣ, объ охотѣ.

— Не хотите-ли, шепнулъ онъ мнѣ вдругъ: я познакомлю васъ съ первымъ здѣшнимъ острякомъ.?

— Сдѣлайте одолженіе.

Войницынъ подвелъ меня къ человѣку, маленькаго роста, съ высокимъ хохломъ и усами, въ коричневымъ фракѣ и пестромъ галстукѣ. Его жолчныя, подвижныя черты, дѣйствительно дышали умомъ и злостью. Бѣглая, ѣдкая улыбка безпрестанно кривила его губы; черные, прищуренныя глазки дерзко выглядывали изъ-подъ неровныхъ рѣсницъ. Подлѣ него стоялъ помѣщикъ, широкій, мягкій сладкій—настоящій сахаръ-медовичъ и—кривой. Онъ заранѣе смѣялся остротамъ маленькаго человѣка и словно таялъ отъ удовольствія. — Войницынъ представилъ меня остряку, кото-

раго звали Петромъ Петровичемъ Лупихинымъ. Мы познакомились, обмѣнялись первыми привѣтствіями.

— А позвольте представить вамъ моего лучшаго пріятеля, заговорилъ вдругъ Лупихинъ рѣзкимъ голосомъ, схвативъ сладкаго помѣщика за руку. — Да не упирайтесь-же, Кирила Селифанычъ, прибавилъ онъ: —васъ не укусятъ. Вотъ-съ, продолжалъ онъ, между тѣмъ, какъ смущенный Кирила Селифанычъ, такъ неловко раскланивался, какъ-будто у него отвалился животъ: — вотъ-съ, рекомендую-съ, превосходный дворянинъ. Пользовался отличнымъ здоровьемъ до пятидесяти-лѣтняго возраста, да вдругъ вздумалъ лѣчить себѣ глаза, въ-слѣдствіе чего и окривѣлъ. Съ тѣхъ поръ лѣчитъ своихъ крестьянъ съ таковымъ-же успѣхомъ... Ну, а они, разумѣется, съ таковою же преданностію...

— Вѣдь, эдакой, пробормоталъ Кирила Силифанычъ и засмѣялся.

— Договаривайте, другъ мой, эхъ, договаривайте, подхватилъ Лупихинъ. —Вѣдь, васъ, чего добраго, въ судьи могутъ избрать, и изберутъ, посмотрите. Ну, за васъ конечно, будутъ думать засѣдатели, положимъ, да, вѣдь, надоб-

но-жь на всякій случай, хоть чужую-то мысль умѣть выговорить. Неравно заѣдетъ губернаторъ — спроситъ: отъ чего судья заикается? Ну, положимъ, скажутъ: параличь приключился, такъ бросьте ему, скажетъ, кровь. А оно въ вашемъ положеніи, согласитесь сами, неприлично.

Сладкій помѣщикъ такъ и покатился.

— Вѣдь, вишь, смѣется, продолжалъ Луппхинъ, злобно глядя на колыхающійся животъ Кирилы Селифаныча.—И отъ чего ему не смѣяться? прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — сытъ, здоровъ, дѣтей нѣтъ, мужики не заложены — онъ-же ихъ лѣчитъ — жена съ придурью. (Кирила Селифанычъ немножко отвернулся въ сторону, будто не разслыхалъ, и все продолжалъ хохотать). Смѣюсь-же я, а у меня жена съ землемѣромъ убѣжала. (Онъ оскалился.) А вы этого не знали? Какже, какже! Такъ-таки взяла да и убѣжала, и письмо мнѣ оставила: любезный, дескать, Петръ Петровичъ, извини, увлеченная страстью, удаляюсь съ другомъ моего сердца... А землемѣръ, только тѣмъ и взялъ, что не стригъ ногтей да панталоны носилъ въ обтяжку. Вы удивляетесь? Вотъ, дескать, откровенный человѣкъ... И, Боже

мой! нашъ братъ степнякъ такъ правду матку и рѣжетъ. Однако отойдемте-ка въ сторону... Что̀ тамъ подлѣ будущаго судьи стоять-то...

Онъ взялъ меня подъ руку и мы отошли къ окну.

— Я слыву здѣсь за остряка, сказалъ онъ мнѣ въ теченіи разговора: — вы этому не вѣрьте. Я просто озлобленный человѣкъ и ругаюсь въ слухъ; отъ того я такъ и развязенъ. И зачѣмъ мнѣ церемониться, въ самомъ дѣлѣ? Я ничье мнѣніе въ грошъ не ставлю и ничего не добиваюсь; я золъ, — что-жь такое? Злому человѣку, покрайней мѣрѣ, ума не нужно. А какъ оно освѣжительно, вы не повѣрите... Ну вотъ, на-примѣръ, ну вотъ посмотрите на нашего хозяина! Ну изъ чего онъ бѣгаетъ, помилуйте,—то и дѣло на часы смотритъ, улыбается, потѣетъ, важный видъ принимаетъ, насъ съ голоду моритъ? Эка невидаль сановное лицо! Вотъ, вотъ, опять побѣжалъ—заковылялъ да-же, посмотрите.

И Лупихинъ визгливо засмѣялся.

— Одна бѣда, барынь нѣту, продолжалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: — холостой обѣдъ,—а то, вотъ гдѣ нашему брату пожива. Посмотрите, посмотрите, воскликнулъ онъ

вдругъ:—идетъ князь Козельскій—вонъ этотъ высокій мужчина, съ бородой, въ желтыхъ перчаткахъ. Сейчасъ видно, что за границей побывалъ... и всегда такъ поздно пріѣзжаетъ. Глупъ, скажу я вамъ, одинъ, какъ пара купеческихъ лошадей; а изволили-бы вы поглядѣть, какъ снисходительно онъ съ нашимъ братомъ заговариваетъ, какъ великодушно изволитъ улыбаться на любезности нашихъ голодныхъ матушекъ и дочекъ!... И самъ иногда остритъ, даромъ что проѣздомъ здѣсь живетъ;—за то какъ и острить: ни дать ни взять тупымъ ножемъ бичовку пилитъ. Онъ меня терпѣть не можетъ... Пойду поклонюсь ему.

И Лупихинъ побѣжалъ на-встрѣчу князю.

— А вотъ, мой личный врагъ идетъ, промолвилъ онъ, вдругъ вернувшись ко мнѣ: — видите этого толстаго человѣка, съ бурымъ лицомъ и щетиной на головѣ,—вонъ, что шапку сгребъ въ руку, да по стѣнкѣ пробирается, и на всѣ стороны озирается, какъ волкъ? Я ему продалъ за 400 рублей лошадь, которая стоила 1000, и это безсловесное существо имѣетъ теперь полное право презирать меня; а между тѣмъ самъ до того лишенъ способности соображенья, особенно утромъ, до чаю, или тот-

часъ послѣ обѣда, что ему скажешь: здравствуйте, а онъ отвѣчаетъ: чего-съ? — А вотъ, генералъ идетъ, продолжалъ Лупихинъ: — штатскій генералъ въ отставкѣ, раззоренный генералъ. У него дочь изъ свекловичнаго сахару и заводъ въ золотухѣ... Виноватъ не такъ сказалъ... ну, да вы понимаете. А! и архитекторъ сюда попалъ! Нѣмецъ, а съ усами, и дѣла своего не знаетъ,—чудеса!... А впрочемъ, на что̀ ему и знать свое дѣло-то, лишь-бы взятки бралъ, да колоннъ — столбовъ, то-есть, побольше ставилъ для нашихъ столбовыхъ дворянъ.

Лупихинъ опять захохоталъ... Но вдругъ тревожное волненіе распространилось по всему дому. Сановникъ пріѣхалъ. Хозяинъ такъ и хлынулъ въ переднюю. За нимъ устремились нѣсколько приверженныхъ домочадцевъ и усердныхъ гостей...Шумный разговоръ превратился въ мягкій и пріятный говоръ, подобный весеннему жужжанью пчелъ въ родимыхъ ульяхъ. Одна неугомонная оса — Лупихинъ и великолѣпный трутень — Козельскій не понизили голоса... И вотъ, вошла наконецъ матка — вошелъ сановникъ. Сердца понеслись къ нему на встрѣчу, сидящія туловища приподнялись;

даже помѣщикъ, дешево купившій у Лупихина лошадь, даже тотъ помѣщикъ уткнулъ себѣ подбородокъ въ грудь. Сановникъ поддержалъ свое достоинство, какъ нельзя лучше: покачивая головой назадъ, будто кланяясь, онъ выговорилъ нѣсколько одобрительныхъ словъ, изъ которыхъ каждое начиналось буквою *а*, произнесенною протяжно и въ носъ, — съ негодованіемъ, доходившимъ до голода, посмотрѣлъ на бороду князя Козельскаго, и подалъ раззоренному штатскому генералу съ заводомъ и дочерью, указательный палецъ лѣвой руки. Черезъ нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ сановникъ успѣлъ замѣтить два раза, что онъ очень радъ, что не опоздалъ къ обѣду. Все общество отправилось въ столовую, тузами впередъ.

Нужно–ли разсказывать читателю, какъ посадили сановника на первомъ мѣстѣ между штатскимъ генераломъ и губернскимъ предводителемъ, человѣкомъ съ свободнымъ и достойнымъ выраженіемъ лица, совершенно соотвѣтствовавшимъ его накрахмаленной манишкѣ, необъятному жилету и круглой табакеркѣ съ французскимъ табакомъ, — какъ хозяинъ хлопоталъ, бѣгалъ, суетился, подчивалъ гостей,

мимоходомъ улыбался спинѣ сановника и, стоя въ углу, какъ школьникъ, наскоро перехватывалъ тарелочку супу, или кусокъ говядины,— какъ дворецкій подалъ рыбу въ полтора аршина длины и съ букетомъ во рту,—какъ слуги, въ ливреяхъ, суровые на видъ, угрюмо приставали къ каждому дворянину то съ малагой, то съ дрей-мадерой, и какъ почти всѣ дворяне, особенно пожилые, словно не хотя покоряясь чувству долга, выпивали рюмку за рюмкой, — какъ, наконецъ, захлопали бутылки шампанскаго, и начали провозглашать заздравные тосты, — все это, вѣроятно, слишкомъ извѣстно читателю. Но особенно замѣчательнымъ показался мнѣ анекдотъ, разсказанный самимъ сановникомъ среди всеобщаго, радостнаго молчанья. Кто-то, кажется, раззоренный генералъ, человѣкъ ознакомленный съ новѣйшей словесностью, упомянулъ о вліяніи женщинъ вообще на молодыхъ людей въ особенности. — «Да, да», подхватилъ сановникъ, «это правда; но молодыхъ людей должно въ строгомъ повиновеніи держать, а то они, пожалуй, отъ всякой юпки съ ума сходятъ». (Дѣтски-веселая улыбка промчалась по лицамъ всѣхъ гостей; у одного помѣщика, даже благодарность заиграла

во взорѣ.) «Ибо молодые люди глупы» (Сановникъ, вѣроятно, ради важности, иногда измѣнялъ общепринятыя ударенія словъ.) «Вотъ хоть-бы у меня, сынъ Иванъ», продолжалъ онъ, «двадцатый годъ всего дураку пошелъ, а онъ вдругъ мнѣ и говоритъ: позвольте, батюшка, жениться. Я ему говорю: дуракъ, послужи сперва... Ну, отчаянье, слезы... но у меня... того...» (Слово: того, сановникъ произнесъ болѣе животомъ, чѣмъ губами; помолчалъ и величаво взглянулъ на своего сосѣда генерала, при чемъ гораздо болѣе поднялъ брови, чѣмъ бы слѣдовало ожидать. Штатскій генералъ пріятно наклонилъ голову нѣсколько на бокъ, и чрезвычайно быстро заморгалъ глазомъ, обращеннымъ къ сановнику.) «И что̀-жь» заговорилъ сановникъ опять, «теперь онъ самъ мнѣ пишетъ, что спасибо, дескать, батюшка, что дурака научилъ... Такъ вотъ какъ надобно поступать». — Всѣ гости, разумѣется, вполнѣ согласились съ разскащикомъ, и какъ будто оживились отъ полученнаго удовольствія и наставленія... Послѣ обѣда все общество поднялось и двинулось въ гостиную съ бо̀льшимъ, но все-же приличнымъ и словно на этотъ случай разрѣшеннымъ шумомъ... Сѣли за карты.

Кое-какъ дождался я вечера, и, поручивъ своему кучеру заложить мою коляску на другой день въ пять часовъ утра, отправился на покой. Но мнѣ предстояло еще въ теченіи того же самаго дня познакомиться съ однимъ замѣчательнымъ человѣкомъ.

Вслѣдствіе множества наѣхавшихъ гостей, никто не спалъ въ одиночку. Въ небольшой зеленоватой и сыроватой комнатѣ, куда привелъ меня дворецкій Александра Михайлыча, уже находился другой гость, совершенно раздѣтый. Увидѣвъ меня, онъ проворно нырнулъ подъ одѣяло, закрылся имъ до самаго носа, повозился немного на рыхломъ пуховикѣ и притихъ, зорко выглядывая изъ-подъ круглой каймы своего бумажнаго колпака. Я подошелъ къ другой кровати (ихъ всего было двѣ въ комнатѣ), раздѣлся и легъ въ сырыя простыни. Мой сосѣдъ заворочался на своей постели... Я пожелалъ ему доброй ночи.

Прошло полчаса. Несмотря на всѣ мои старанія, я никакъ не могъ заснуть: безконечной вереницей тянулись другъ за другомъ ненужныя и неясныя мысли, упорно и однообразно, словно ведра водоподъемной машины.

— А вы, кажется, не спите? проговорилъ мой сосѣдъ.

— Какъ видите, отвѣчалъ я. — Да и вамъ не спится?

— Мнѣ никогда не спится.

— Какъ-же такъ?

— Да такъ. Я засыпаю самъ не знаю отъ чего: лежу, лежу, да и засну.

— Зачѣмъ-же вы ложитесь въ постель, прежде чѣмъ вамъ спать захочется?

— А что-жь прикажете дѣлать?

Я не отвѣчалъ на вопросъ моего сосѣда.

— Удивляюсь я, продолжалъ онъ послѣ небольшаго молчанія:—отчего здѣсь блохъ нѣту. Кажется гдѣ-бы имъ и быть?

— Вы словно о нихъ сожалѣете, замѣтилъ я.

— Нѣтъ, не сожалѣю; но я во всемъ люблю послѣдовательность.

— Вотъ какъ, подумалъ я: — какія слова употребляетъ.

Сосѣдъ опять помолчалъ.

— Хотите со мной объ закладъ побиться? заговорилъ онъ вдругъ довольно громко.

— О чѣмъ?

Меня мой сосѣдъ начиналъ забавлять.

— Гмъ... о чемъ? А вотъ о чемъ: я увѣренъ, что вы меня принимаете за дурака.

— Помилуйте, пробормоталъ я съ изумленіемъ.

— За степняка, за невѣжу... Сознайтесь...

— Я васъ не имѣю удовольствія знать, возразилъ я. — Почему вы могли заключить...

— Почему, да по одному звуку вашего голоса: вы такъ небрежно мнѣ отвѣчаете... А я совсѣмъ не то, что̀ вы думаете..,

— Позвольте...

— Нѣтъ, вы позвольте. Во-первыхъ, я говорю по-французски не хуже васъ, а по-нѣмецки даже лучше; во-вторыхъ, я три года провелъ за границей: въ одномъ Берлинѣ прожилъ восемь мѣсяцевъ. Я Гегеля изучилъ, милостивый государь, знаю Гёте наизусть; сверхъ того, я долго былъ влюбленъ въ дочь германскаго профессора, и женился дома, на чахоточной барышнѣ, лысой, но весьма замѣчательной личности. Стало быть, я вашего поля ягода; я не степнякъ, какъ вы полагаете... Я тоже заѣденъ рефлексіей, и непосредственнаго нѣтъ во мнѣ ничего.

Я поднялъ голову и съ удвоеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на чудака. При тускломъ

свѣтѣ ночника и едва могъ разглядѣть его черты.

— Вотъ, вы теперь смо̀трите на меня, продолжалъ онъ, поправивъ свой колпакъ, — и, вѣроятно, самихъ себя спрашиваете: какъ-же это я не замѣтилъ его сегодня вечеромъ? Я вамъ скажу, отчего вы меня не замѣтили,— оттого, что я не возвышаю голосъ; оттого, что я прячусь за другихъ, стою за дверями, ни съ кѣмъ не разговариваю; оттого, что дворецкій съ подносомъ, проходя мимо меня, заранѣе возвышаетъ свой локоть въ уровень моей груди... А отчего все это происходитъ? Отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, я бѣденъ, а во-вторыхъ, я смирился... Скажите правду, вѣдь, вы меня не замѣтили?

— Я дѣйствительно не имѣлъ удовольствія...

— Ну да, ну да, перебилъ онъ меня: — я это зналъ.

Онъ приподнялся и скрестилъ руки; длинная тѣнь его колпака перегнулась со стѣны на потолокъ.

— А признайтесь-ка, прибавилъ онъ, вдругъ взглянувъ на меня съ боку: — я долженъ вамъ казаться большимъ чудакомъ, какъ гово-

рится, оригиналомъ, или, можетъ быть, пожалуй, еще чѣмъ-нибудь похуже: можетъ быть, вы думаете, что я прикидываюсь чудакомъ?

— Я вамъ опять-таки долженъ повторить, что я васъ не знаю...

Онъ на мгновеніе потупился.

— Почему я съ вами, съ вовсе мнѣ незнакомымъ человѣкомъ, такъ неожиданно разговорился — Господь, Господь одинъ вѣдаетъ! (Онъ вздохнулъ). Не вслѣдствіе-же родства нашихъ душъ! И вы, и я, мы оба порядочные люди, то-есть эгоисты: ни вамъ до меня, ни мнѣ до васъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла; не такъ-ли? Но намъ обоимъ не спится... Отчего-жь не поболтать? Я-же въ ударѣ, а это со мной рѣдко случается. Я, видите-ли, робокъ, и робокъ не въ ту силу, что я провинціялъ, не чиновный, бѣднякъ, а въ ту силу, что я страшно самолюбивый человѣкъ. Но иногда, подъ вліяніемъ благодатныхъ обстоятельствъ, случайностей, которыхъ я, впрочемъ, ни опредѣлить, ни предвидѣть не въ состояніи, робость моя исчезаетъ совершенно, какъ вотъ, теперь, на-примѣръ. Теперь поставьте меня лицомъ къ лицу хоть съ самимъ Далай-Ламой, — я и у него табачку попрошу

понюхать. Но можетъ быть вамъ спать хочется?

— Напротивъ, поспѣшно возразилъ я: — мнѣ очень пріятно съ вами разговаривать.

— То-есть я васъ потѣшаю, хотите вы сказать... Тѣмъ лучше... И такъ-съ, доложу вамъ, меня здѣсь величаютъ оригиналомъ, т. е., величаютъ тѣ, которымъ, случайнымъ образомъ, между прочей дребеденью, прійдетъ и мое имя на языкъ. «Моей судьбою очень никто не озабоченъ». Они думаютъ уязвить меня... О, Боже мой! еслибъ они знали... да я именно и гибну оттого, что во мнѣ рѣшительно нѣтъ ничего оригинальнаго, ничего кромѣ такихъ выходокъ, какъ, на-примѣръ, мой теперешній разговоръ съ вами; но, вѣдь, эти выходки гроша мѣднаго не стоятъ. Это самый дешевый и самый низменный родъ оригинальности.

Онъ повернулся ко мнѣ лицомъ и взмахнулъ руками.

— Милостивый государь! воскликнулъ онъ: я того мнѣнія, что вообще однимъ оригиналамъ житье на землѣ; они одни имѣютъ право жить, Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre, сказалъ кто-то. — Видите-ли, прибавилъ онъ вполголоса: — какъ я

чисто выговариваю французскій языкъ. — Что̀ мнѣ въ томъ, что у тебя голова велика и умѣстительна, и что̀ понимаешь ты все, много знаешь, за вѣкомъ слѣдишь, — да своего-то особеннаго, собственнаго у тебя ничего нѣту! Однимъ складочнымъ мѣстомъ общихъ мѣстъ на свѣтѣ больше, — да какое кому отъ этого удовольствіе? Нѣтъ, ты будь хоть глупъ, да по своему! Запахъ свой имѣй, свой собственный запахъ, вотъ что! — И не думайте, чтобы требованія мои насчетъ этого запаха были велики... Сохрани Богъ! Такихъ оригиналовъ пропасть: куда ни погляди — оригиналъ; всякій живой человѣкъ оригиналъ, да я-то въ ихъ число не попалъ!

— А между тѣмъ, продолжалъ онъ послѣ небольшаго молчанія: — въ молодости моей какія возбуждалъ я ожиданія! какое высокое мнѣніе я самъ питалъ о своей особѣ передъ отъѣздомъ за границу, да и въ первое время послѣ возвращенія! Ну, за границей я держалъ ухо востро, все особнячкомъ пробирался, какъ оно и слѣдуетъ нашему брату, который все смекаетъ себѣ, смекаетъ, а подъ конецъ, смотришь — ни аза не смекнулъ!

— Оригиналъ, оригиналъ! подхватилъ онъ

съ укоризной, качая головой. — Зовутъ меня оригиналомъ... а на дѣлѣ-то оказывается, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка менѣе оригинальнаго, чѣмъ вашъ покорнѣйшій слуга. Я должно быть и родился-то въ подраженіе другому... Ей-Богу! Живу я тоже словно въ подражаніе разнымъ мною изученнымъ сочинителямъ, въ потѣ лица живу, и учился-то я, и влюбился, и женился, наконецъ, словно не по собственной охотѣ, словно исполняя какой-то не то долгъ, не то урокъ,— кто его разберетъ!

Онъ сорвалъ колпакъ съ головы и бросилъ его на постель.

— Хотите, я вамъ разскажу жизнь мою, спросилъ онъ меня отрывистымъ голосомъ: — или лучше, нѣсколько чертъ изъ моей жизни?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Или нѣтъ... разскажу-ка я вамъ лучше, какъ я женился. Вѣдь женитьба дѣло важное, пробный камень всего человѣка; въ ней какъ въ зеркалѣ отражается... Да это сравненіе слишкомъ избито... Позвольте, я понюхаю табачку.

Онъ досталъ изъ-подъ подушки табакерку, раскрылъ ее, и заговорилъ опять, размахивая раскрытой табакеркой.

— Вы, милостивый государь, войдите въ мое положеніе. Посудите сами, какую, ну, какую, скажите на милость, какую пользу могъ я извлечь изъ энциклопедіи Гегеля? Что̀ общаго, скажите, между этой энциклопедіей и русской жизнью? И какъ прикажете примѣнить ее къ нашему быту, да не ее одну, энциклопедію, а вообще нѣмецкую философію... скажу болѣе — науку?

Онъ подпрыгнулъ на постели, и забормоталъ вполголоса, злобно стиснувъ зубы:

— А, вотъ какъ, вотъ какъ!... Такъ зачѣмъ-же ты таскался за границу? Зачѣмъ не сидѣлъ дома, да не изучалъ окружающей тебя жизни на мѣстѣ? Ты-бы и потребности ея узналъ и будущность, и насчетъ своего, такъ сказать, призванія тоже въ ясность-бы пришелъ... Да помилуйте, продолжалъ онъ опять, перемѣнивъ голосъ, словно оправдываясь и робѣя: — гдѣ-же нашему брату изучать-то, чего еще ни одинъ умница въ книгу не вписалъ! Я-бы и радъ былъ брать у ней уроки, у русской жизни-то, — да молчитъ она, моя голубушка. Пойми меня, дескать, такъ; а мнѣ это не подъ силу: мнѣ вы подайте выводъ, заключенье мнѣ представьте... Заключенье, — вотъ тебѣ, гово-

ритъ, и заключенье: послушай-ка нашихъ московскихъ,—не соловьи, что̀-ли?— Да въ томъ-то и бѣда, что они курскими соловьями свищутъ, а не по людскому говорятъ. — Вотъ я подумалъ, подумалъ—вѣдь, наука-то, кажись, вездѣ одна, и истина одна—взялъ да и пустился, съ Богомъ, въ чужую сторону, къ нехристямъ... Что прикажете! —молодость, гордость обуяла. Не хотѣлось, знаете, до времени заплыть жиромъ, хоть оно, говорятъ, и здорово. Да, впрочемъ, кому природа не дала мяса, — невидать тому у себя на тѣлѣ и жиру!

— Однако, прибавилъ онъ, подумавъ немного:—я, кажется, обѣщалъ вамъ разсказать, какимъ образомъ я женился. Слушайте-же. Во-первыхъ, доложу вамъ, что жены моей уже болѣе на свѣтѣ не имѣется; во-вторыхъ... а во-вторыхъ, я вижу, что мнѣ прійдется разсказать вамъ мою молодость, а то вы ничего не поймете... Вѣдь, вамъ не хочется спать?

— Нѣтъ, не хочется.

— И прекрасно. Вы послушайте-ка... вонъ въ сосѣдней комнатѣ господинъ Кантагрюхинъ храпитъ какъ неблагородно. — Родился я отъ небогатыхъ родителей — говорю родителей, потому-что, по преданью, кромѣ матери, былъ

у меня и отецъ. Я его не помню; сказываютъ, недалекій былъ человѣкъ, съ большимъ носомъ и веснушками, рыжій и въ одну ноздрю табакъ нюхалъ; въ спальнѣ у матушки висѣлъ его портретъ, въ красномъ мундирѣ съ черными воротникомъ по уши, чрезвычайно безобразный. Мимо его меня, бывало, сѣчь водили, и матушка моя мнѣ, въ такихъ случаяхъ, всегда на него показывала, приговаривая: онъ-бы еще тебя не такъ. Можете себѣ представить, какъ это меня поощряло. — Ни брата у меня не было, ни сестры; то-есть, по правдѣ сказать, былъ какой-то братишка заваляшій, съ англійской-болѣзнью на затылкѣ, да что-то скоро больно умеръ... И зачѣмъ, кажись, англійской-болѣзни забраться Курской губерніи въ Щигровскій уѣздъ? Но дѣло не въ томъ. Воспитаніемъ моимъ занималась матушка со всѣмъ стремительнымъ рвеніемъ степной помѣщицы: занималась она имъ съ самого великолѣпнаго дня моего рожденія до тѣхъ поръ, пока мнѣ стукнуло шестнадцать лѣтъ... Вы слѣдите за ходомъ моего разсказа?

— Какже, продолжайте.

— Ну, хорошо. Вотъ, какъ стукнуло мнѣ шестнадцать лѣтъ, матушка моя, ни мало не

медля, взяла да прогнала моего французскаго гувернера, нѣмца Филипо̀вича изъ нѣжинскихъ грековъ; свезла меня въ Москву, записала въ университетъ, да и отдала Всемогущему свою душу, оставивъ меня на руки родному дядѣ моему, стряпчему Колтуну-Бабурѣ, птицѣ, по одному Щигровскому уѣзду извѣстной. Родной дядя мой, стряпчій Колтунъ-Бабура, ограбилъ меня, какъ водится, до чиста... Но дѣло опять таки не въ томъ. Въ университетъ вступилъ я — должно отдать справедливость моей родительницѣ—довольно хорошо подготовленный; но недостатокъ оригинальности уже и тогда во мнѣ замѣчался. Дѣтство мое нисколько не-отличалось отъ дѣтства множества другихъ юношей: я такъ-же глупо и вяло росъ, словно подъ периной, такъ-же рано началъ твердить стихи наизустъ, и киснуть, подъ предлогомъ мечтательной наклонности... къ чему бишь?— да, къ прекрасному... и прочая. Въ университетѣ я не пошелъ другой дорогой: я тотчасъ попалъ въ кружокъ. Тогда времена были другія... Но вы, можетъ быть, не знаете, что такое кружокъ? — Помнится, Шиллеръ сказалъ гдѣ-то :

Gefährlich ist's den Leu zu wecken,
Und schrecklich ist des Tiegers Zahn,
Doch das schrecklichste der Schrecken
Das ist der Mensch in seinem Wahn!

Онъ, увѣряю васъ, онъ не то̀ хотѣлъ сказать; онъ хотѣлъ сказать: Das ist ein «кружокъ»... in der Stadt Moskau.

— Да что̀-жь вы находите ужаснаго въ кружкѣ? спросилъ я.

Мой сосѣдъ схватилъ свой колпакъ и надвинулъ его себѣ на носъ.

— Что̀ я нахожу ужаснаго? вскрикнулъ онъ. — А вотъ что: кружокъ — да это гибель всякого самобытнаго развитія; кружокъ — это безобразная замѣна общества, женщины, жизни; кружокъ... о, да постойте, я вамъ скажу, что̀ такое кружокъ! Кружокъ — это лѣнивое и вялое житье вмѣстѣ и рядомъ, которому придаютъ значеніе и видъ разумнаго дѣла; кружокъ замѣняетъ разговоръ разсужденіями, пріучаетъ къ безплодной болтовнѣ, отвлекаетъ васъ отъ уединенной, благодатной работы, прививаетъ вамъ литературную чесотку, лишаетъ васъ, наконецъ, свѣжести и дѣвственной крѣпости души. Кружокъ — да это пошлость и скука подъ именемъ братства и дружбы, сцѣ-

пленіе недоразумѣній и притязаній подъ предлогомъ откровенности и участія; въ кружкѣ, благодаря праву каждаго пріятеля, во всякое время и во всякій часъ, запускать свои неумытые пальцы прямо во внутренность товарища, ни у кого нѣтъ чистаго, нетронутаго мѣста на душѣ; въ кружкѣ поклоняются пустому краснобаю, самолюбивому умнику, довременному старику, носятъ на рукахъ стихотворца бездарнаго, но съ «затаенными» мыслями; въ кружкѣ молодые, семнадцатилѣтніе малые хитро и мудрено толкуютъ о женщинахъ и любви, а передъ женщинами молчатъ, или говорятъ съ ними словно съ книгой,—да и о чемъ говорятъ! Въ кружкѣ процвѣтаетъ хитростное краснорѣчіе; въ кружкѣ наблюдаютъ другъ за другомъ не хуже полицейскихъ чиновниковъ... О, кружокъ! ты не кружокъ: ты заколдованный кругъ, въ которомъ погибъ не одинъ порядочный человѣкъ!

— Ну, это вы преувеличиваете, позвольте вамъ замѣтить, прервалъ я его.

Мой сосѣдъ молча посмотрѣлъ на меня.

— Можетъ быть, Господь меня знаетъ, можетъ быть. Да, вѣдь, нашему брату только одно удовольствіе и осталось — преувеличивать.

Вотъ-съ, такимъ-то образомъ прожилъ я четыре года въ Москвѣ. Не въ состояніи я описать вамъ, милостивый государь, какъ скоро, какъ страшно скоро прошло это время; даже грустно и досадно вспомнить. Встанешь, бывало, по утру, и словно съ горы на салазкахъ покатишься... Смотришь, ужь и примчался къ концу; вотъ ужь и вечеръ; вотъ ужь заспанный слуга и натягиваетъ на тебя сюртукъ — одѣнешься, и поплетешься къ пріятелю, и давай трубочку курить, пить жидкій чай стаканами да толковать о нѣмецкой философіи, любви, вѣчномъ солнцѣ духа и прочихъ отдаленныхъ предметахъ. Но и тутъ встрѣчалъ я оригинальныхъ, самобытныхъ людей; иной, какъ себя ни ломалъ, какъ ни гнулъ себя въ дугу, а всѣ природа брала свое; одинъ я, несчастный, лѣпилъ самого себя словно мягкій воскъ, и жалкая моя природа ни малѣйшаго не оказывала сопротивленія! Между тѣмъ мнѣ стукнуло двадцать одинъ годъ. Я вступилъ во владѣніе своимъ наслѣдствомъ, или, правильнѣе, тою частью своего наслѣдства, которую мой опекунъ заблагоразсудилъ мнѣ оставить; далъ довѣренность на управленіе всѣми вотчинами вольноотпущенному дворовому человѣку Василію

Кудряшеву и уѣхалъ за границу, въ Берлинъ. За границей пробылъ я, какъ я уже имѣлъ удовольствіе вамъ донести, три года. И что̀-жь? И тамъ, и за границей, я остался тѣмъ же неоригинальнымъ существомъ. Во-первыхъ, нечего и говорить, что собственно Европы, европейскаго быта я не узналъ ни на волосъ; я слушалъ нѣмецкихъ профессоровъ и читалъ нѣмецкія книги на самомъ мѣстѣ рожденія ихъ... Вотъ въ чемъ состояла вся разница. Жизнь велъ я уединенную, словно монахъ какой; снюхивался съ отставными поручиками, удрученными, подобно мнѣ, жаждой знанья, весьма, впрочемъ, тугими на пониманіе и не одаренными даромъ слова; якшался съ тупоумными семействами изъ Пензы и другихъ хлѣбородныхъ губерній; таскался по кофейнымъ, читалъ журналы, по вечерамъ ходилъ въ театръ. Съ туземцами знался я мало, разговаривалъ съ ними какъ-то напряженно и никого изъ нихъ у себя не видалъ, исключая двухъ или трехъ навязчивыхъ молодчиковъ еврейскаго происхожденія, которые то-и-дѣло забѣгали ко мнѣ да занимали у меня деньги,— благо der Russe вѣритъ. Странная игра случая занесла меня наконецъ въ домъ одного

изъ моихъ профессоровъ; а именно, вотъ какъ: я пришелъ къ нему записаться на курсъ, а онъ вдругъ возьми да и пригласи меня къ себѣ на вечеръ. У этого профессора было двѣ дочери, лѣтъ двадцати семи, коренастыя такія—Богъ съ ними—носы такіе великолѣпные, кудри въ завиткахъ и глаза блѣдно-голубые, а руки красныя съ бѣлыми ногтями. Одну звали Линхенъ, другую Минхенъ. Началъ я ходить къ профессору. Надобно вамъ сказать, что этотъ профессоръ былъ не то, что глупъ, а словно ушибенъ: съ каѳедры говорилъ довольно связно, а дома картавилъ и очки все на лбу держалъ; притомъ ученѣйшій былъ человѣкъ... И что̀-же? Вдругъ мнѣ показалось, что я влюбился въ Линхенъ, — да цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ этакъ все казалось. Разговаривалъ я съ ней, правда, мало, — больше такъ на нее смотрѣлъ; но читалъ ей въ слухъ разныя трогательныя сочиненія, пожималъ ей украдкой руки, а по вечерамъ мечталъ съ ней рядомъ, упорно глядя на луну, а не то просто вверхъ. Притомъ она такъ отлично варила кофе... Кажется,—чего-бы еще? Одно меня смущало: въ самыя, какъ говорится, мгновенія неизъяснимаго блаженства у меня отчего-то все подъ

ложечкой сосало, и тоскливая, холодная дрожь пробѣгала по желудку. Я наконецъ не выдержалъ такого счастья и убѣжалъ. Цѣлыхъ два года я провелъ еще послѣ того за границей: былъ въ Италіи, постоялъ въ Римѣ передъ Преображеніемъ, и передъ Венерой во Флоренціи постоялъ; внезапно повергался въ преувеличенный восторгъ, словно злость на меня находила; по вечерамъ пописывалъ стишки, начиналъ дневникъ; словомъ, и тутъ велъ себя какъ всѣ. А между тѣмъ, посмотрите, какъ легко быть оригинальнымъ. Я, на-примѣръ, ничего не смыслю въ живописи и ваянии... Сказать-бы мнѣ это просто въ слухъ... нѣтъ, какъ можно! Бери чичерона, бѣги смотрѣть фрески...

Онъ опять потупился и опять скинулъ колпакъ.

— Вотъ вернулся я наконецъ на родину, продолжалъ онъ усталымъ голосомъ: — пріѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ удивительная произошла со мною перемѣна. За границей я больше молчалъ, а тутъ вдругъ заговорилъ неожидано бойко и въ тоже-самое время возмечталъ о себѣ Богъ вѣдаетъ что. Нашлись снисходительные люди, которымъ я показался

чуть не геніемъ; дамы съ участіемъ выслушивали мои разглагольствованія: но я несъумѣлъ удержаться на высотѣ своей славы. Въ одно прекрасное утро родилась на мой счетъ сплетня (кто ее произвелъ на свѣтъ Божій, не знаю; должно быть какая-нибудь старая дѣва мужескаго пола,—такихъ старыхъ дѣвъ въ Москвѣ пропасть), родилась и принялась пускать отпрыски и усики, словно земляника. Я запутался, хотѣлъ выскочить, разорвать прилипчивыя нити, — не тутъ-то было.... Я уѣхалъ. Вотъ и тутъ я оказался вздорнымъ человѣкомъ; мнѣ-бы преспокойно переждать эту напасть, вотъ, какъ выжидаютъ конца крапивной лихорадки, и тѣ-же снисходительные люди снова раскрыли-бы мнѣ свои объятія, тѣже дамы снова улыбнулись бы на мои рѣчи... Да вотъ въ чемъ бѣда: неоригинальный человѣкъ. Добросовѣстность вдругъ, изволите видѣть, во мнѣ проснулась: мнѣ что-то стыдно стало болтать, болтать безъ умолку, болтать, вчера на Арбатѣ, сегодня на Трубѣ, завтра на Сивцевомъ-Вражкѣ, и все о томъ-же.... Да коли этого требуютъ? Посмотрите-ка на настоящихъ ратоборцевъ на этомъ поприщѣ: имъ это ни почемъ; напротивъ, только этого имъ и нуж-

но; иной двадцатый годъ работаетъ языкомъ, и все въ одномъ направленіи.... Что̀ значитъ увѣренность въ самомъ себѣ и самолюбіе! И у меня оно было, самолюбіе, да и теперь еще не совсѣмъ угомонилось... Да тѣмъ-то и плохо, что я, опять-таки скажу, не оригинальный человѣкъ, на серединкѣ остановился: природѣ слѣдовало-бы гораздо больше самолюбія мнѣ отпустить, либо вовсе его не дать. Но на первыхъ порахъ мнѣ дѣйствительно круто пришлось; притомъ и поѣздка за границу окончательно истощила мои средства, а на купчихѣ съ молодымъ, но уже дряблымъ тѣломъ, въ родѣ желе, я жениться не хотѣлъ, и удалился къ себѣ въ деревню. Кажется, прибавилъ мой сосѣдъ, опять взглянувъ на меня съ боку: — я могъ прейдти молчаніемъ первыя впечатлѣнія деревенской жизни, намеки на красоту природы, тихую прелесть одиночества и прочее...

— Можете, можете, возразилъ я.

— Тѣмъ болѣе, продолжалъ разскащикъ, — что это все вздоръ, покрайней мѣрѣ, что до меня касается. Я въ деревнѣ скучалъ какъ щенокъ взаперти, хотя, признаюсь, проѣзжая на возвратномъ пути въ первый разъ весною

знакомую березовую рощу, у меня голова закружилась и забилось сердце отъ смутнаго, сладкаго ожиданія. Но эти смутныя ожиданія, вы сами знаете, никогда не сбываются, а напротивъ, сбываются другія вещи, которыхъ вовсе не ожидаешь, какъ-то: падежи, недоимки, продажи съ публичнаго торгу и прочая, и прочая. Перебиваясь кое-какъ со дня на день, при помощи бурмистра Якова, замѣнившаго прежняго управляющаго и оказавшагося впослѣдствіи времени такимъ-же, если не бо̀льшимъ грабителемъ, да сверхъ того отравлявшаго мое существованіе запахомъ своихъ дегтярныхъ сапоговъ, вспомнилъ я однажды объ одномъ знакомомъ сосѣднемъ семействѣ, состоявшемъ изъ отставной полковницы и двухъ дочерей, велѣлъ заложить дрожки и поѣхалъ къ сосѣдямъ. Этотъ день долженъ на-всегда остаться мнѣ памятнымъ: шесть мѣсяцевъ спустя, женился я на второй дочери полковницы...

Разскащикъ опустилъ голову и поднялъ руки къ небу.

— И между тѣмъ, продолжалъ онъ съ жаромъ: — я бы не желалъ внушить вамъ дурное мнѣніе о покойницѣ. Сохрани Богъ! Это было существо благороднѣйшее, добрѣйшее,

существо любящее и способное на всякія жертвы, хотя я долженъ, между нами, сознаться, что, если-бы я не имѣлъ несчастія ея лишиться, я-бы, вѣроятно, не былъ въ состояніи разговаривать сегодня съ вами, ибо еще до сихъ поръ цѣла балка въ грунтовомъ моемъ сараѣ, на которой я неоднократно собирался повѣситься.

— Инымъ грушамъ, началъ онъ опять послѣ небольшаго молчанія: — нужно нѣкоторое время полежать подъ землей въ подвалѣ, для того, чтобы войдти, какъ говорится, въ настоящій свой вкусъ; моя покойница видно тоже принадлежала къ подобнымъ произведеніямъ природы. Только теперь отдаю я ей полную справедливость. Только теперь, на-примѣръ, воспоминанія объ иныхъ вечерахъ, проведенныхъ мною съ ней до сватьбы, не только не возбуждаютъ во мнѣ ни малѣйшей горечи, но, напротивъ, трогаютъ меня чуть не до слезъ. Люди они были небогатые, домъ ихъ, весьма старинный, деревянный, но удобный, стоялъ на горѣ, между заглохшимъ садомъ и заросшимъ дворомъ. Подъ горой текла рѣка и едва виднѣлась сквозь густую листву. Большая терраса вела изъ дому въ садъ; передъ терра-

сой красовалась продолговатая клумба, покрытая розами; на каждомъ концѣ клумбы росли двѣ акаціи, еще въ молодости переплетенныя въ видѣ винта покойнымъ хозяиномъ. Немного подальше, въ самой глуши заброшеннаго и одичалаго малинника, стояла бесѣдка, прехитро раскрашенная внутри, но до того ветхая и дряхлая снаружи, что, глядя на нее, становилось жутко. Съ терасы стеклянная дверь вела въ гостиную; а въ гостиной вотъ что представлялось любопытному взору наблюдателя: по угламъ изразцовыя печи, кисленькое фортепьяно направо, заваленное рукописными нотами, диванъ, обитый полинялымъ голубымъ штофомъ съ бѣловатыми розводами, круглый столъ, двѣ горки съ фарфоровыми и бисерными игрушками екатерининскаго времени, на стѣнѣ извѣстный портретъ бѣлокурой дѣвицы съ голубкомъ на груди и закатившимися глазами, на столѣ ваза съ свѣжими розами... Видите, какъ я подробно описываю. Въ этой-то гостиной, на этой-то террасѣ и разыгралась вся траги-комедія моей любви. Сама сосѣдка была злая баба, съ постоянной хрипотой злобы въ горлѣ, притѣснительное и сварливое существо; изъ доче-

рей одна — Вѣра, ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ уѣздныхъ барышень, другая— Софья,— я въ Софью влюбился. У обѣихъ сестеръ была еще другая комнатка, общая ихъ спальня, съ двумя невинными деревянными кроватками, желтоватыми альбомцами, резедой, съ портретами пріятелей и пріятельницъ, рисованныхъ карандашомъ, довольно плохо (между ними отличался одинъ господинъ съ необыкновенно-энергическимъ выраженіемъ лица и еще болѣе энергическою подписью, въ юности своей возбудившій несоразмѣрныя ожиданія, а кончившій, какъ всѣ мы — ничѣмъ), съ бюстами Гете и Шиллера, нѣмецкими книгами, высохшими вѣнками и другими предметами, оставленными на память. Но въ эту комнату я ходилъ рѣдко и неохотно: мнѣ тамъ отчего-то дыханіе сдавливало. Притомъ — странное дѣло! — Софья мнѣ болѣе всего нравилась, когда я сидѣлъ къ ней спиной, или еще, пожалуй, когда я думалъ или болѣе мечталъ о ней, особенно вечеромъ, на террасѣ. Я глядѣлъ тогда на зорю, на деревья, на зеленые мелкіе листья, уже потемнѣвшіе, но еще рѣзко отдѣлявшіеся отъ розоваго неба; въ гостиной, за фортепьянами сидѣла Софья и без-

престанно наигрывала какую нибудь любимую, страстно задумчивую фразу изъ Бетговена; злая старуха мирно похрапывала, сидя на диванѣ; въ столовой, залитой потокомъ алаго свѣта, Вѣра хлопотала за чаемъ; самоваръ затѣйливо шипѣлъ, словно чему-то радовался; съ веселымъ трескомъ ломались кренделькы, ложечки звонко стучали по чашкамъ; канарейка, немилосердо трещавшая цѣлый день, внезапно утихала и только изрѣдка чирикала, какъ-будто о чемъ-то спрашивала; изъ прозрачнаго, легкаго облачка мимоходомъ падали рѣдкія капли... А я сидѣлъ, сидѣлъ, слушалъ, слушалъ, глядѣлъ, сердце у меня расширялось, и мнѣ опять казалось, что я любилъ. Вотъ, подъ вліяніемъ такого-то вечера я однажды спросилъ у старухи руку ея дочери, и мѣсяца черезъ два женился. Мнѣ казалось, что я ее любилъ... Да и теперь, пора-бы знать, а я, ей-Богу, и теперь не знаю, любилъ-ли я Софью. Это было существо доброе, умное, молчаливое, съ теплымъ сердцемъ; но, Богъ знаетъ отчего, отъ долгаго-ли житья въ деревнѣ, отъ другихъ-ли какихъ причинъ, у ней на днѣ души (если только есть дно души) таилась рана, или, лучше сказать, сочилась ранка, которую ничѣмъ

невозможно было излѣчить, да и назвать ее ни она не умѣла, ни я не могъ. О существованіи этой раны я, разумѣется, догадался только послѣ брака. Ужь я-ли не бился надъ ней:— ничто не помогало! У меня въ дѣтствѣ былъ чижъ, котораго кошка разъ подержала въ лапахъ; его спасли, вылечали, но не исправился мой бѣдный чижъ: дулся, чахъ, пересталъ пѣть... Кончилось тѣмъ, что однажды ночью въ открытую клѣтку забралась къ нему крыса и откусила ему носъ, вслѣдствіе чего онъ наконецъ рѣшился умереть. Не знаю, какая кошка подержала жену мою въ своихъ лапахъ, только и она такъ-же дулась и чахла, какъ мой несчастный чижъ. Иногда ей самой видимо хотѣлось встрепенуться, взыграть на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ да на волѣ; попробуетъ — и свернется въ клубочекъ. И, вѣдь, она меня любила: сколько разъ увѣряла меня, что ничего болѣе ей не остается желать, — тьфу, чортъ возьми! а у самой глаза такъ и мерknутъ. Думалъ я, нѣтъ-ли чего въ прошедшемъ? Собралъ справки: ничего не оказалось. Ну вотъ, теперь посудите сами: оригинальный человѣкъ пожалъ-бы плечемъ, можетъ быть вздохнулъ-бы раза два, да и принялся-бы

жить по своему; а я, не оригинальное существо, началъ заглядываться на балки. Въ жену мою до того въѣлись всѣ привычки старой дѣвицы — Бетговенъ, ночныя прогулки, резеда, переписка съ друзьями, альбомы и прочее,— что ко всякому другому образу жизни, особенно къ жизни хозяйки дома, она никакъ привыкнуть не могла; а между тѣмъ смѣшно-же замужней женщинѣ томиться безъименной тоской и пѣть по вечерамъ: «не буди ты ее на зарѣ».

— Вотъ-съ, такимъ-то образомъ-съ мы блаженствовали три года; на четвертый Софья умерла отъ первыхъ родовъ, и — странное дѣло — мнѣ словно заранѣе сдавалось, что она не будетъ въ состояніи подарить меня дочерью или сыномъ, землю — новымъ обитателемъ. Помню я, какъ ее хоронили. Дѣло было весной. Приходская наша церьковь не велика, стара, иконостасъ почернѣлъ, стѣны голыя, кирпичный полъ мѣстами выбитъ; на каждомъ клиросѣ большой старинный образъ. Внесли гробъ, помѣстили на самой серединѣ, передъ царскими дверями, одѣли полинялымъ покровомъ, поставили кругомъ три подсвѣчника. Служба началась. Дряхлый дьячокъ, съ маленькой косичкой сзади, низко подпоясанный зеленымъ ку-

шакомъ, печально читалъ передъ налоемъ; священникъ тоже старый, съ добренькимъ и слѣпенькимъ лицомъ, въ лиловой рясѣ съ жолтыми разводами, служилъ за себя и за дьякона. Во всю ширину раскрытыхъ оконъ шевелились и лепетали молодые, свѣжіе листья плакучихъ березъ; со двора несло травянымъ запахомъ; красное пламя восковыхъ свѣчей блѣднѣло въ веселомъ свѣтѣ веселаго дня; воробьи такъ и чирикали на всю церковь, и изрѣдка раздавалось подъ куполомъ звонкое восклицаніе влетѣвшей ласточки. Въ золотой пыли солечнаго луча проворно опускались и подымались русые головы ее многочисленныхъ мужиковъ, усердно молившихся за покойницу; тонкой, голубоватой струйкой бѣжалъ дымъ изъ отверстій кадила. Я глядѣлъ на мертвое лицо моей жены... Боже мой! и смерть, сама смерть не освободила ея, не излечила ея раны: тоже болѣзненное, робкое, нѣмое выраженіе,— ей словно и въ гробу неловко... Горько во мнѣ шевельнулась кровь. Доброе, доброе было существо, а для себя-же хорошо сдѣлала, что умерла.

У разскащика раскраснѣлись щеки и потускнѣли глаза.

— Отдѣлавшись наконецъ,—заговорилъ онъ опять, — отъ тяжелаго унынья, которое овладѣло мною послѣ смерти моей жены, я вздумалъ было приняться, какъ говорится, за дѣло. Вступилъ въ службу въ губернскомъ городѣ; но въ большихъ комнатахъ казеннаго заведенія у меня голова разбаливалась, глаза тоже плохо дѣйствовали; другія кстати подошли причины... я вышелъ въ отставку. Хотѣлъ было съѣздить въ Москву, да, во-первыхъ, денегъ не достало, а во-вторыхъ... я вамъ уже сказывалъ, что я смирился. Смиреніе это нашло на меня и вдругъ, и не вдругъ. Духомъ-то я уже давно смирился, да головѣ моей все еще не хотѣлось нагнуться. Я приписывалъ скромное настроеніе моихъ чувствъ и мыслей вліянію деревенской жизни, несчастья... Съ другой стороны, я уже давно замѣчалъ, что почти всѣ мои сосѣди, молодые и старые, запуганные сначала моей ученостію, заграничной поѣздкой и прочими удобствами моего воспитанія, не только успѣли совершенно ко мнѣ привыкнуть, но даже начали обращаться со мной не то грубовато, не то съ-кондачка, не дослушивали моихъ разсужденій и, говоря со мной, уже «слово-ерика» болѣе не употребляли. Я

вамъ также забылъ сказать, что въ теченіи перваго года послѣ моего брака я отъ скуки попытался было пуститься въ литературу, и даже послалъ статейку въ журналъ, если не ошибаюсь, повѣсть; но черезъ нѣсколько времени получилъ отъ редактора учтивое письмо, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что мнѣ въ умѣ невозможно отказать, но въ талантѣ должно, а что въ литературѣ только талантъ и нуженъ. Сверхъ того дошло до моего свѣденія, что одинъ проѣзжій Москвичъ, добрѣйшій, впрочемъ, юноша, мимоходомъ отозвался обо мнѣ на вечерѣ у губернатора, какъ о человѣкѣ выдохшемся и пустомъ. Но мое полудобровольное ослѣпленіе все еще продолжалось: не хотѣлось, знаете, самого себя «заушить»; наконецъ, въ одно прекрасное утро я открылъ глаза. Вотъ какъ это случилось. Ко мнѣ заѣхалъ исправникъ съ намѣреніемъ обратить мое вниманіе на провалившійся мостъ въ моихъ владѣніяхъ, котораго мнѣ рѣшительно не на что было починить. Заѣдая рюмку водки кускомъ балыка, этотъ снисходительный блюститель порядка отечески попенялъ мнѣ за мою неосмотрительность, впрочемъ вошелъ въ мое положеніе и посовѣтовалъ только велѣть

мужичкамъ накидать навозцу, закурилъ трубочку и принялся говорить о предстоящихъ выборахъ. Почетнаго званія губернскаго предводителя въ то время добивался нѣкто Орбасановъ, пустой крикунъ, да еще и взяточникъ въ придачу. Притомъ-же онъ не отличался ни богатствомъ, ни знатностію. Я высказалъ свое мнѣніе на его счетъ, и довольно даже небрежно: я, признаюсь, глядѣлъ на г. Орбассанова свысока. Исправникъ посмотрѣлъ на меня, ласково, потрепалъ меня по плечу и добродушно промолвилъ: — «эхъ, Василій Васильичъ, не намъ-бы съ вами о такихъ людяхъ разсуждать:— гдѣ намъ?... Знай сверчокъ свой шестокъ». — Да помилуйте, возразилъ я съ досадой, какая-же разница между мною и г. Орбассановымъ? — Исправникъ вынулъ трубку изо рта, вытаращилъ глаза и такъ и прыснулъ. — «Ну, потѣшникъ», проговорилъ онъ наконецъ сквозь слезы, «вѣдь, экую штуку выкинулъ... а! каковъ?» — и до самаго отъѣзда онъ не переставалъ глумиться надо мною, изрѣдка поталкивая меня локтемъ подъ бокъ и говоря мнѣ уже: ты. Онъ уѣхалъ наконецъ. Этой капли только не доставало:— чаша перелась. Я прошелся нѣсколько разъ по комна-

тѣ, остановился передъ зеркаломъ, долго, долго смотрѣлъ на свое сконфуженное лицо и, медлительно высунувъ языкъ, съ горькой насмѣшкой покачалъ головой. Завѣса спала съ глазъ моихъ: я увидалъ ясно, яснѣе чѣмъ лицо свое въ зеркалѣ, какой я былъ пустой, ничтожный и ненужный, неоригинальный человѣкъ!

Разскащикъ помолчалъ.

— Въ одной трагедіи Вольтера, уныло продолжалъ онъ: — какой-то баринъ радуется тому, что дошелъ до крайней границы несчастья. Хотя въ судьбѣ моей нѣтъ ничего трагическаго, но я, признаюсь, извѣдалъ нѣчто въ этомъ родѣ. Я узналъ ядовитые восторги холоднаго отчаянія: я испыталъ, какъ сладко, въ теченіи цѣлаго утра, не торопясь и лежа на своей постели, проклинать день и часъ своего рожденія,— я не могъ смириться разомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, вы посудите: безденежье меня приковывало къ ненавистной мнѣ деревнѣ; ни хозяйство, ни служба, ни литература — ничто ко мнѣ не пристало; помѣщиковъ я чуждался, книги мнѣ спротивѣли, для водянисто-пухлыхъ и болѣзненно-чувствительныхъ барышень, встряхивающихъ кудрями и лихорадоч-

но твердящихъ слово: жизнь, я не представлялъ ничего занимательнаго съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ болтать и восторгаться: уединиться совершенно я не успѣлъ и не могъ... Я сталъ, что̀ вы думаете? я сталъ таскаться по сосѣдямъ. Словно опъяненный презрѣньемъ къ самому себѣ, я нарочно подвергался всякимъ мелочнымъ униженіямъ. Меня обносили за столомъ, холодно и надменно встрѣчали, наконецъ не замѣчали вовсе; мнѣ не давали даже вмѣшиваться въ общій разговоръ, и я самъ, бывало, нарочно поддакивалъ изъ-за угла какому-нибудь глупѣйшему говоруну, который, во время оно, въ Москвѣ, съ восхищеніемъ облобызалъ-бы прахъ ногъ моихъ, край моей шинели... Я даже не позволялъ самому себѣ думать, что я предаюсь горькому удовольствію иронiи... Помилуйте, что̀ за иронія въ одиночку! Вотъ-съ, какъ я поступалъ нѣсколько лѣтъ сряду и какъ поступаю еще до сихъ поръ.

— Однако это ни на что не похоже, проворчалъ изъ сосѣдней комнаты заспанный голосъ г. Кантагрюхина: — какой тамъ дуракъ вздумалъ ночью разговаривать?

Разскащикъ проворно нырнулъ подъ одѣя-

ло и, робко выглядывая, погрозилъ мнѣ пальцемъ.

— Тс— с., прошепталъ онъ и, словно извиняясь и кланяясь въ направленіи Кантагрюхинскаго голоса, почтительно примолвилъ: — слушаю-съ; слушаю-съ, извините-съ... Ему позволительно спать, ему слѣдуетъ спать, продолжалъ онъ снова шопотомъ: — ему должно набраться новыхъ силъ, ну, хоть-бы для того, чтобы съ тѣмъ-же удовольствіемъ покушать завтра. Мы не имѣемъ права его безпокоить. Притомъ-же я, кажется, вамъ все сказалъ, что̀ хотѣлъ; вѣроятно и вамъ хочется спать. Желаю вамъ доброй ночи.

Разскащикъ съ лихорадочной быстротой отвернулся, и зарылъ голову въ подушки.

— Позвольте, покрайнѣй-мѣрѣ, узнать, спросилъ я: — съ кѣмъ я имѣлъ удовольствіе...

Онъ проворно поднялъ голову.

— Нѣтъ, ради Бога, прервалъ онъ меня: — не спрашивайте моего имени ни у меня, ни у другихъ. Пусть я останусь для васъ неизвѣстнымъ существомъ, пришибеннымъ судьбою Васильемъ Васильичемъ. Притомъ-же я, какъ человѣкъ неоригинальный, и не заслуживаю особеннаго имени... А ужь если вы непремѣнно

хотите мнѣ дать какую-нибудь кличку, такъ назовите... назовите меня Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда. Такихъ Гамлетовъ во всякомъ уѣздѣ много, но, можетъ быть, вы съ другими не сталкивались... За симъ прощайте.

Онъ опять зарылся въ свой пуховикъ, а на другое утро, когда пришли будить меня, его ужь не было въ комнатѣ. Онъ уѣхалъ до зари.

XXI.

ЧЕРТОПХАНОВЪ

и

НЕДОПЮСКИНЪ.

ЧЕРТОПХАНОВЪ

и

НЕДОПЮСКИНЪ.

Въ жаркій лѣтній день возвращался я одинажды съ охоты на телѣгѣ. Ермолай дремалъ, сидя возлѣ меня, и клевалъ носомъ. Заснувшія собаки подпрыгивали, словно мертвыя, у насъ подъ ногами. Кучеръ то и дѣло сгонялъ кнутомъ оводовъ съ лошадей. Бѣлая пыль легкимъ облакомъ неслась въ слѣдъ за телѣгой. Мы въѣхали въ кусты. Дорога стала ухабистѣе, колеса начали задѣвать за сучья. Ермолай встрепенулся, глянулъ кругомъ... «Э!», заговорилъ онъ: — «да здѣсь должны быть тетерева. Слѣземте-ка». Мы остановились и вошли въ «площадь». Собака моя наткнулась на выводокъ. Я выстрѣлилъ, и началъ-было заряжать ружье, какъ вдругъ, позади меня, поднялся

громкій трескъ и, раздвигая кусты руками, подъѣхалъ ко мнѣ верховой. «А па-азвольте узнать», заговорилъ онъ надменнымъ голосомъ: — «по какому праву вы здѣсь а-ахотитесь, мюлсвый сдарь?» Незнакомецъ говорилъ необыкновенно быстро, отрывочно и въ носъ Я посмотрѣлъ ему въ лицо: отъ роду не видалъ я ничего подобнаго. Вообразите собѣ, любезные читатели, маленькаго человѣка, бѣлокураго, съ краснымъ вздернутымъ носикомъ и длинѣйшими рыжими усами. Остроконечная персидская шапка съ малиновымъ суконнымъ верхомъ закрывала ему лобъ по самыя брови. Одѣтъ онъ былъ въ жолтый, истасканный архалукъ съ черными плисовыми патронами на груди и полинялыми серебряными галунами по всѣмъ швамъ; черезъ плечо висѣлъ у него рогъ, за поясомъ торчалъ кинжалъ. Чахлая, горбоногая, рыжая лошадь шаталась подъ нимъ, какъ угорѣлая; двѣ борзыя собаки, худыя и криволапыя, тутъ-же вертѣлись у ней подъ ногами. Лицо, взглядъ, голосъ, каждое движенье, все существо незнакомца дышало сумазбродной отвагой и гордостью непомѣрной, небывалой; его блѣдно-голубые, стеклянные глаза разбѣгались и косились какъ у пьянаго;

онъ закидывалъ голову назадъ, надувалъ щоки, фыркалъ и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, словно отъ избытка достоинства — ни дать ни взять, какъ индѣйскій пѣтухъ. Онъ повторилъ свой вопросъ.

— Я не зналъ, что здѣсь запрещено стрѣлять, отвѣчалъ я.

— Вы здѣсь, милостивый государь, продолжалъ онъ: — на моей землѣ.

— Извольте, я уйду.

— А па-азвольте узнать, возразилъ онъ: — я съ дворяниномъ имѣю честь объясняться?

Я назвалъ себя.

— Въ такомъ случаѣ, извольте охотиться. Я самъ дворянинъ и очень радъ услужить дворянину... А зовутъ меня Чер-топ-хано-вымъ, Пантелѣемъ.

Онъ нагнулся, гикнулъ, вытянулъ лошадь по шеѣ; лошадь замотала головой, взвилась на дыбы, бросилась въ сторону и отдавила одной собакѣ лапу. Собака пронзительно завизжала. Чертопхановъ закипѣлъ, зашипѣлъ, ударилъ лошадь кулакомъ по головѣ между ушами, быстрѣе молніи соскочилъ на земь, осмотрѣлъ лапу у собаки, поплевалъ на рану, пихнулъ ее ногою въ бокъ, чтобы она не пищала, ущѣ-

пился за холку и вдѣлъ ногу въ стремя. Лошадь задрала морду, подняла хвостъ и бросилась бокомъ въ кусты; онъ за ней на одной ногѣ въ припрыжку, однако наконецъ-таки попалъ въ сѣдло, какъ изступленный завертѣлъ нагайкой, затрубилъ въ рогъ и поскакалъ. — Не успѣлъ я еще прійдти въ себя отъ неожиданнаго появленія Чертопханова, какъ вдругъ, почти безъ всякаго шуму, выѣхалъ изъ кустовъ толстенькій человѣчекъ лѣтъ сорока, на маленькой вороненькой лошаденкѣ. Онъ остановился, снялъ съ головы зеленый, кожаный картузъ и тоненькимъ, и мягкимъ голосомъ спросилъ меня, не видалъ-ли я верховаго на рыжей лошади? Я отвѣчалъ, что видѣлъ.

— Въ какую сторону они изволили поѣхать? продолжалъ онъ тѣмъ-же голосомъ, и не надѣвая картуза.

— Туда-съ.

— Покорнѣйше васъ благодарю-съ.

Онъ чмокнулъ губами, заболталъ ногами по бокамъ лошаденки и поплелся рысцей—трюхи, трюхи, по указанному направленію. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ, пока его рогатый картузъ не скрылся за вѣтвями. Этотъ новый незнако-

мецъ наружностью нисколько не походилъ на своего предшественника. Лицо его, пухлое и круглое какъ шаръ, выражало застѣнчивость, добродушіе и кроткое смиреніе; носъ, тоже пухлый и круглый, испещренный синими жилками, изобличалъ сластолюбца. На головѣ его спереди не оставалось ни одного волосика, сзади торчали жиденькія русыя косицы; глазки, словно осокой прорѣзанные, ласково мигали; сладко улыбались красныя и сочныя губки. На немъ былъ сюртукъ съ стоячимъ воротникомъ и мѣдными пуговицами, весьма поношенный, но чистый; суконные его панталончики высоко вздернулись; надъ желтыми оторочками сапоговъ виднѣлись жирненькія икры.

— Кто это? спросилъ я Ермолая.

— Это? Недопюскинъ, Тихонъ Иванычъ. У Чертопханова живетъ.

— Что онъ, бѣдный человѣкъ?

— Небогатый: да, вѣдь, и у Чертопханова-то гроша нѣтъ мѣднаго.

— Такъ зачѣмъ-же онъ у него поселился?

— А, вишь, подружились. Другъ безъ дружки ни куда... Вотъ ужь подлинно: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней...

Мы вышли изъ кустовъ. Вдругъ подлѣ насъ

«затявкали» двѣ гончія, и матерой бѣлякъ покатилъ по овсамъ, уже довольно высокимъ. Вслѣдъ за нимъ выскочили изъ опушки собаки, гончія и борзыя, а вслѣдъ за собаками вылетѣлъ самъ Чертопхановъ. Онъ не кричалъ, не травилъ, не атукалъ: онъ задыхался, захлебывался, изъ разинутаго рта изрѣдка вырывались отрывистые, безсмысленные звуки; онъ мчался, выпуча глаза, и бѣшено сѣкъ нагайкой несчастную лошадь. Борзыя «приспѣли»... бѣлякъ присѣлъ, круто повернулъ назадъ и ринулся, мимо Ермолая, въ кусты... Борзыя пронеслись. »Бе–е–ги, бе–е–ги!» съ усиліемъ, словно косноязычный, залепеталъ замиравшій охотникъ: «родимый, береги!» — Ермолай выстрѣлилъ... раненый бѣлякъ покатился кубаремъ по гладкой и сухой травѣ, подпрыгнулъ кверху и жалобно закричалъ въ зубахъ разсовавшагося пса. Гончія тотчасъ подвались.

Турманомъ слетѣлъ Чертопхановъ, съ коня, выхватилъ кинжалъ, подбѣжалъ, растопыря ноги, къ собакамъ, съ яростными заклинаніями вырвалъ у нихъ истерзаннаго зайца и, перекосясь всѣмъ лицомъ, погрузилъ ему въ горло кинжалъ по самую рукоятку... по-

грузилъ и загоготалъ. Тихонъ Иванычъ показался въ опушкѣ, «Го-го-го-го-го-го-го-го-го!» завопилъ вторично Чертопхановъ... «Го-го-го-го», спокойно повторилъ его товарищъ.

— А, вѣдь, по-настоящему лѣтомъ охотиться не слѣдуетъ, замѣтилъ я, указывая Чертопханову на измятый овесъ.

— Мое поле, отвѣчалъ, едва дыша, Чертопхановъ.

Онъ отпазончилъ, второчилъ зайца и роздалъ собакамъ лапки.

— За мною зарядъ, любезный, по охотничьимъ правиламъ, проговорилъ онъ, обращаясь къ Ермолаю. — А васъ, милостивый государь, прибавилъ онъ тѣмъ-же отрывистымъ и рѣзкимъ голосомъ: — благодарю.

Онъ сѣлъ на лошадь.

— Па-азвольте узнать... забылъ... имя и фамилію?

Я опять назвалъ себя.

— Очень радъ съ вами познакомиться. Коли случится, милости просимъ ко мнѣ... Да гдѣже этотъ Ѳомка, Тихонъ Иванычъ? съ сердцемъ продолжалъ онъ: — безъ него бѣляка затравили.

— А подъ нимъ лошадь пала, съ улыбкой отвѣчалъ Тихонъ Иванычъ.

—Какъ, пала?Орбассанъ палъ?Пфу,пфить!... Гдѣ онъ, гдѣ?

— Тамъ, за лѣсомъ.

Чертопхановъ ударилъ лошадь нагайкой по мордѣ и поскакалъ сломя-голову. Тихонъ Иванычъ поклонился мнѣ два раза — за себя и за товарища, и опять поплелся рысцей въ кусты.

Эти два господина сильно возбудили мое любопытство... Что̀ могло связать узами неразрывной дружбы два существа, столь разнородныя? Я началъ наводить справки. Вотъ что̀ я узналъ.

Чертопхановъ, Пантелѣй Еремѣичъ, слылъ во всемъ околодкѣ человѣкомъ опаснымъ и сумазброднымъ, гордецомъ и забіякой первой руки. Служилъ онъ весьма недолгое время въ арміи и вышелъ въ отставку «по непріятности», тѣмъ чиномъ, по поводу котораго распространилось мнѣніе, будто курица не птица. Происходилъ онъ отъ стариннаго дома, нѣкогда богатаго; дѣды его жили пышно, по степному: то-есть принимали званыхъ и незваныхъ, кормили ихъ на-убой, отпускали по четверти овса

чужимъ кучерамъ на тройку, держали музыкантовъ, пѣсенниковъ, гаеровъ и собакъ, въ торжественные дни поили народъ виномъ и брагой, по зимамъ ѣздили въ Москву на своихъ, въ тяжелыхъ колымагахъ, а иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ сидѣли безъ гроша и питались домашней живностью. Отцу Пантелѣя Еремѣича досталось имѣніе уже раззоренное; онъ въ свою очередь тоже сильно «пожуировалъ» и, умирая, оставилъ единственному своему наслѣднику Пантелѣю заложенное сельцо Безсоново, съ тридцатью пятью душами мужеска и семидесятью шестью женска пола, да четырнадцать десятинъ съ осьминникомъ неудобной земли въ пустоши Колобродовой, на которыя, впрочемъ, никакихъ крѣпостей въ бумагахъ покойника не оказалось. Покойникъ, должно сознаться, престраннымъ образомъ раззорился: «хозяйственный расчетъ» его сгубилъ. По его понятіямъ, дворянину не слѣдовало зависѣть отъ купцовъ, горожанъ и тому подобныхъ «разбойниковъ», какъ онъ выражался; онъ завелъ у себя всѣ возможныя ремесла и мастерскія: «и приличнѣе и дешевле», говаривалъ онъ, «хозяйственный расчетъ!» Съ этой пагубной мыслью онъ до конца жизни не разстался; она-то его

и раззорила. Зато потѣшился! Ни въ одной прихоти себѣ не отказывалъ. Между прочими выдумкими соорудилъ онъ однажды, по собственнымъ соображеніямъ, такую огромную, семейственную карету, что, не смотря на дружныя усилія согнанныхъ со всего села крестьянскихъ лошадей, вмѣстѣ съ нихъ владѣльцами, она на первомъ-же косогорѣ завалилась и разсыпалась. Еремѣй Лукичъ (Пантелѣева отца звали Еремѣемъ Лукичемъ) приказалъ памятникъ поставить на косогорѣ, а впрочемъ нисколько не смутился. Вздумалъ онъ также построить, церковь, разумѣется, самъ, безъ помощи архитектора. Сжегъ цѣлый лѣсъ на кирпичи, заложилъ фундаментъ огромный, хоть-бы подъ губернскій соборъ, вывелъ стѣны, началъ сводить куполъ: — куполъ упалъ. Онъ опять, — куполъ опять обрушился; онъ въ третій разъ — куполъ рухнулъ въ третій разъ Избы крестьянамъ по новому плану перестраивать началъ, и все изъ хозяйственнаго расчета; по три двора вмѣстѣ ставилъ треугольникомъ, а на серединѣ воздвигалъ шестъ съ раскрашенной скворешницей и флагомъ. Каждый день, бывало, новую затѣю придумывалъ то изъ лопуха супъ варилъ, то лошадямъ хво-

сты стригъ на картузы дворовымъ людямъ, то ленъ собирался крапивой замѣнить, свиней кормить грибами... Вычиталъ онъ однажды въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статейку Харьковскаго помѣщика Хряка-Хрупёрскаго о пользѣ нравственности въ крестьянскомъ быту, и на другой-же день отдалъ приказъ всѣмъ крестьянамъ немедленно выучить статью Харьковскаго помѣщика наизустъ. Крестьяне выучили статью; баринъ спросилъ ихъ: понимаютъ-ли они, что тамъ написано? Прикащикъ отвѣчалъ, что какъ, молъ, не понять! — Около того-же времени повелѣлъ онъ всѣхъ подданныхъ своихъ, для порядка и хозяйственнаго расчета, перенумеровать, и каждому на воротникѣ нашить его номеръ. При встрѣчѣ съ бариномъ всякъ, бывало, такъ ужь и кричитъ: такой-то номеръ идетъ; а баринъ отвѣчаетъ ласково: — ступай себѣ съ Богомъ.

Однако, не смотря на порядокъ и хозяйственный расчетъ, Еремѣй Лукичъ понемногу пришелъ въ весьма затруднительное положеніе; началъ сперва закладывать свои деревеньки, а тамъ и къ продажѣ приступилъ; послѣднее, прадѣдовское гнѣздо, село съ недостроенною церковью, продала уже казна, къ

счастью, не при жизни Еремѣя Лукича,— онъ бы не вынесъ этого удара, — а двѣ недѣли послѣ его кончины. Онъ успѣлъ умереть у себя въ домѣ, на своей постели, окруженный своими людьми и подъ надзоромъ своего лѣкаря; но бѣдному Пантелѣю досталось одно Безсоново...

Пантелѣй узналъ о болѣзни отца уже на службѣ, въ самомъ разгарѣ вышеупомянутой «непріятности». Ему только–что пошелъ девятнадцатый годъ. Съ самого дѣтства не покидалъ онъ родительскаго дома, и подъ руководствомъ своей матери, добрѣйшей, но совершенно тупоумной женщины, Василисы Васильевны, выросъ баловнемъ и барчукомъ. Она одна занималась его воспитаніемъ; Еремѣю Лукичу, погруженному въ свои хозяйственныя соображенія, было не до того. Правда, онъ однажды собственноручно наказалъ своего сына за то, что онъ букву рцы выговаривалъ арцы, но въ тотъ день Еремѣй Лукичъ скорбѣлъ глубоко и тайно: лучшая его собака убилась объ дерево. Впрочемъ, хлопоты Василисы Васильевны на счетъ воспитанія Пантюши ограничивались однимъ мучительнымъ усиліемъ: въ потѣ лица наняла она ему въ гувернеры

отставного солдата изъ эльзасцевъ, нѣкоего Биркопфа, и до самой смерти трепетала какъ листъ передъ нимъ: ну, думала она, коли откажется! — пропала я! куда я дѣнусь? гдѣ другаго учителя найду? Ужь и этого насилу, насилу у сосѣдки сманила!—И Биркопфъ, какъ человѣкъ сметливый, тотчасъ воспользовался исключительностью своего положенія: пилъ мертвую и спалъ съ утра до вечера. По окончаніи «курса наукъ», Пантелѣй поступилъ на службу. Василисы Васильевны уже не было на свѣтѣ. Она скончалась за полгода до этого важнаго событія, отъ испуга: ей во снѣ привидѣлся бѣлый человѣкъ верхомъ на медвѣдѣ. Еремѣй Лукичъ вскорѣ послѣдовалъ за своей половиной.

Пантелѣй, при первомъ извѣстіи о нездоровьи, прискакалъ сломя-голову, однако не засталъ уже родителя въ живыхъ. Но каково было удивленіе почтительнаго сына, когда онъ совершенно неожиданно изъ богатаго наслѣдника превратился въ бѣдняка! Немногіе въ состояніи вынести такой крутой переломъ. Пантелѣй одичалъ, ожесточился. Изъ человѣка честнаго, щедраго и добраго, хотя взбалмошнаго и горячаго, онъ превратился въ гордеца

и забіяку, пересталъ знаться съ сосѣдями, — богатыхъ онъ стыдился, бѣдныхъ гнушался,— и неслыханно дерзко обращался со всѣми, даже съ установленными властями. Я, молъ, столбовой дворянинъ. Разъ чуть-чуть не застрѣлилъ становаго, вошедшаго къ нему въ комнату съ картузомъ на головѣ. Разумѣется, власти, съ своей стороны, ему тоже не спускали и при случаѣ давали себя знать; но все-таки его побаивались, потому что горячка онъ былъ страшная, и со втораго слова предлагалъ рѣзаться на ножахъ. Отъ малѣйшаго возраженія глаза Чертопханова разбѣгались, голосъ прерывался... «А, ва-ва-ва-ва-ва», лепеталъ онъ, «пропадай моя голова!»... и хоть на стѣну. Да и сверхъ того, человѣкъ онъ былъ чистый, не замѣшанный ни въ чемъ. Никто къ нему, разумѣется, не ѣздитъ... И при всемъ томъ душа въ немъ была добрая, даже великая, по своему; несправедливости, притѣсненія онъ въ чужѣ не выносилъ; за мужиковъ своихъ стоялъ горой. «Какъ?» говоритъ онъ, неистово стуча кулакомъ по собственой головѣ; «моихъ трогать, моихъ? Да не будь я Чертопхановъ!»....

Тихонъ Иванычъ Недопюскинъ не могъ, по-

добно Пантелѣю Еремѣичу, гордиться своимъ происхожденіемъ. Родитель его вышелъ изъ однодворцевъ, и только сорокалѣтней службой добился дворянства. Г. Недопюскинъ—отецъ принадлежалъ къ числу людей, которыхъ несчастіе преслѣдуетъ съ ожесточеніемъ, похожимъ на личную ненависть. Въ теченіи цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ, съ самаго рожденія и до самой кончины, бѣднякъ боролся со всѣми нуждами, недугами и бѣдствіями, свойственными маленькимъ людямъ; бился какъ рыба объ ледъ, не доѣдалъ, не досыпалъ, кланялся, хлопоталъ, унывалъ и томился, дрожалъ надъ каждой копѣйкой, дѣйствительно «невинно» пострадалъ по службѣ и умеръ наконецъ не то на чердакѣ, не то въ погребѣ, не успѣвъ заработать ни себѣ, ни дѣтямъ куска насущнаго хлѣба. Судьба замотала его, словно зайца на угонкахъ. Человѣкъ онъ былъ добрый и честный, а бралъ взятки — отъ гривенника до двухъ цѣлковыхъ включительно. Была у Недопюскина жена, худая и чахотная; были и дѣти — къ счастію они всѣ скоро перемерли, исключая Тихона да дочери Митродоры, по прозванію: «купецкая щеголиха», вышедшей, послѣ многихъ печальныхъ и смѣшныхъ при-

ключеній, за отставного стряпчаго. Г. Недопюскинъ-отецъ успѣлъ-было еще при жизни помѣстить Тихона заштатнымъ чиновникомъ въ канцелярію; но, тотчасъ послѣ смерти родителя, Тихонъ вышелъ въ отставку. Вѣчныя тревоги, мучительная борьба съ холодомъ и голодомъ, тоскливое уныніе матери, хлопотливое отчаяніе отца, грубыя притѣсненія хозяевъ и лавочника, все это ежедневное, непрерывное горе развило въ Тихонѣ робость неизъяснимую; при одномъ видѣ начальника онъ трепеталъ и замиралъ, какъ пойманная птичка. Онъ бросилъ службу. — Равнодушная, а можетъ быть и насмѣшливая природа влагаетъ въ людей разныя способности и наклонности, нисколько не соображаясь съ ихъ положеніемъ въ обществѣ и средствами; съ свойственною ей заботливостію и любовію вылѣпила она изъ Тихона, сына бѣднаго чиновника, существо чувствительное, лѣнивое, мягкое, воспріимчивое—существо, исключительно обращенное къ наслажденію, одаренное чрезвычайно-тонкимъ обоняніемъ и вкусомъ... Вылѣпила, тщательно отдѣлала и—предоставила своему произведенію выростать на кислой капустѣ и тухлой рыбѣ. И вотъ оно выросло, это произ-

веденіе, начало, какъ говорится, «жить». Пошла потѣха. Судьба, неотступно терзавшая Недопюскина-отца, принялась и за сына: видно разлакомилась. Но съ Тихономъ она поступила иначе: она не мучила его—она имъ забавлялась. Она ни разу не доводила его до отчаянія, не заставляла испытать постыдныхъ мукъ голода, но мыкала имъ по всей Россіи, изъ Великаго-Устюга въ Царево-Кокшайскъ, изъ одной унизительной и смѣшной должности въ другую: то жаловала его въ «мажордомы» къ сварливой и жолчной барынѣ-благодѣтельницѣ, то помѣщала въ нахлѣбники къ богатому скрягѣ-купцу, то опредѣляла въ начальники домашней канцеляріи лупоглазаго барина, стриженаго на англійскій манеръ, то производила въ полу-дворецкіе, полу-шуты къ псовому охотнику... Словомъ, судьба заставила бѣднаго Тихона выпить по каплѣ и до капли весь горькій и ядовитый напитокъ подчиненнаго существованія. Послужилъ онъ на своемъ вѣку тяжелой прихоти, заспанной и злобной скукѣ празднаго барства... Сколько разъ, наединѣ, въ своей комнаткѣ, отпущенный наконецъ «съ Богомъ» натѣшившейся въ сласть ватагою гостей, клялся онъ, весь пылая сты-

домъ, съ холодными слезами отчаянія на глазахъ; на другой-же день убѣжать тайкомъ, попытать своего счастія въ городѣ, сыскать себѣ хоть писарское мѣстечко или ужь за одинъ разъ умереть съ голоду на улицѣ. Да, во-первыхъ, силы Богъ не далъ; во-вторыхъ, робость разбирала, а въ третьихъ, наконецъ, какъ себѣ мѣсто выхлопотать, кого просить? «Не дадутъ», шепталъ, бывало, несчастный, уныло переворачиваясь на постели, «не дадутъ»! И на другой день снова принимался тянуть лямку. Тѣмъ мучительнѣе было его положеніе, что таже заботливая природа не потрудилась надѣлить его, хоть малой толикой тѣхъ способностей и дарованій, безъ которыхъ ремесло забавника почти невозможно. Онъ, напримѣръ, не умѣлъ ни плясать до упаду въ медвѣжьей шубѣ навыворотъ, ни булагурить и любезничать въ непосредственномъ сосѣдствѣ расходившихся арапниковъ; выставленный нагишомъ на двадцати-градусный морозъ, онъ иногда простужался, желудокъ его не варилъ ни вина, смѣшаннаго съ чернилами и прочей дрянью, ни крошенныхъ мухоморовъ и сыроѣшекъ съ уксусомъ. Господь вѣдаетъ, чтобы сталось съ Тихономъ, если-бы послѣдній изъ

его благодѣтелей, разбогатѣвшій откупщикъ, не вздумалъ въ веселый часъ приписать въ своемъ завѣщаніи: а Зёзѣ (Тихону тожь) Недопюскину предоставляю въ вѣчное и потомственное владѣніе благопріобрѣтенную мною деревню Безселендѣевку, со всѣми угодьями. Нѣсколько дней спустя, благодѣтеля, за стерляжьей ухой, прихлопнулъ параличъ. Поднялся гвалтъ, судъ нагрянулъ, опечаталъ имущество, какъ слѣдуетъ. Съѣхались родные; раскрыли завѣщаніе, прочли, потребовали Недопюскина. Явился Недопюскинъ. Большая часть собранья знала, какую должность Тихонъ Иванычъ занималъ при благодѣтелѣ: оглушительныя восклицанія, насмѣшливыя поздравленія посыпались ему на встрѣчу. «Помѣщикъ! вотъ онъ, новый помѣщикъ!» кричали прочіе наслѣдники. — «Вотъ ужь того», подхватилъ одинъ, извѣстный шутникъ и острякъ, «вотъ ужь точно можно сказать... вотъ ужь дѣйствительно... того... что называется... того... наслѣдникъ». И всѣ такъ и прыснули. Недопюскинъ долго не хотѣлъ вѣрить своему счастію. Ему показали завѣщаніе, — онъ покраснѣлъ, зажмурился, началъ отмахиваться руками и зарыдалъ въ три-ручья. Хохотъ собранья пре-

вратился въ густой и слитный ревъ. Деревня Безселендѣевка состояла всего изъ двадцати двухъ душъ крестьянъ; никто о ней не сожалѣлъ сильно, такъ почему-же, при случаѣ, не потѣшиться? Одинъ только наслѣдникъ изъ Петербурга, важный мужчина съ греческимъ носомъ и благороднымъ выраженіемъ лица, Ростиславъ Адамычъ Штоппель, не вытерпѣлъ, пододвинулся бокомъ къ Недопюскину и надменно глянулъ на него черезъ плечо. «Вы, сколько я могу замѣтить, милостивый государь», заговорилъ онъ презрительно-небрежно, «состояли у почтеннаго Ѳедора Ѳедорыча въ должности потѣшнаго, такъ сказать, прислужника?» Господинъ изъ Петербурга выражался языкомъ нестерпимо чистымъ, бойкимъ и правильнымъ. Разстроенный, взволнованный Недопюскинъ не разслышалъ словъ незнакомаго ему господина, но прочіе тотчасъ всѣ замолкли; острякъ снисходительно улыбнулся. Г. Штоппель потеръ себѣ руки и повторилъ свой вопросъ. Недопюскинъ съ изумленіемъ поднялъ глаза и раскрылъ ротъ. Ростиславъ Адамычъ язвительно прищурился.

— Поздравляю васъ, милостивый государь, поздравляю, продолжалъ онъ:—правда не вся-

кій, можно сказать, согласился-бы такимъ образомъ зарррработывать себѣ насущный хлѣбъ; но de gustibus non est disputandum, то-есть, у всякаго свой вкусъ... Не правда-ли?

Кто-то въ заднихъ рядахъ быстро, но прилично взвизгнулъ отъ удивленія и восторга.

— Скажите, подхватилъ г. Штоппель, сильно поощренный улыбками всего собранія: — какому таланту въ особенности вы обязаны своимъ счастіемъ? Нѣтъ, не стыдитесь, скажите; мы всѣ здѣсь, такъ сказать, свои, en famille. Не правда-ли, господа, мы здѣсь en famille?

Наслѣдникъ, къ которому Ростиславъ Адамычъ случайно обратился съ этимъ вопросомъ, къ сожалѣнію, не зналъ по французски, и потому ограничился однимъ одобрительнымъ и легкимъ кряхтѣніемъ. За то другой наслѣдникъ, молодой человѣкъ, съ желтоватыми пятнами на лбу, поспѣшно подхватилъ: «вуй, вуй, разумѣется».

— Можетъ быть, снова заговорилъ г. Штоппель: — вы умѣете ходить на рукахъ, поднявши ноги, такъ сказать, кверху?

Недопюскинъ съ тоской поглядѣлъ кру-

гомъ — всѣ лица злобно усмѣхались, всѣ глаза покрылись влагой удовольствія.

— Или, можетъ быть, вы умѣете пѣть какъ пѣтухъ?

Взрывъ хохота раздался кругомъ и стихъ тотчасъ, заглушенный ожиданіемъ.

— Или, можетъ быть, вы на носу...

— Перестаньте! перебилъ вдругъ Ростислава Адамыча рѣзкій и громкій голосъ: — какъ вамъ не стыдно мучить бѣднаго человѣка!

Всѣ оглянулись. Въ дверяхъ стоялъ Чертопхановъ. Въ качествѣ четвероюроднаго племянника покойнаго откупщика, онъ тоже получилъ пригласительное письмо на родственный съѣздъ. Во все время чтенія, онъ, какъ всегда, держался въ гордомъ отдаленіи отъ прочихъ.

— Перестаньте, повторилъ онъ, гордо закинувъ голову.

Г. Штоппель быстро обернулся и, увидавъ человѣка бѣдно одѣтаго, неказистаго, вполголоса спросилъ у сосѣда (осторожность никогда не мѣшаетъ):

— Кто это?

— Чертопхановъ, не важная птица, отвѣчалъ ему тотъ на ухо.

Ростиславъ Адамычъ принялъ надменный видъ.

— А вы что̀ за командиръ, проговорилъ онъ въ носъ и прищурилъ глаза. — Вы что̀ за пти-ца, позвольте спросить?

Чертопхановъ вспыхнулъ, какъ порохъ отъ искры. Бѣшенство захватило ему дыханье.

— Дз-дз-дз-дз, зашипѣлъ онъ словно удав-ленный, и вдругъ загремѣлъ: — кто я? кто я? Я Пантелѣй Чертопхановъ, столбовой дворя-нинъ, мой прапращуръ, царю служилъ, а ты кто?

Ростиславъ Адамычъ поблѣднѣлъ и шагнулъ назадъ. Онъ не ожидалъ такого отпора.

— Я птица, я, я птица... О, о, о!...

Чертопхановъ ринулся впередъ; Штоппель отскочилъ въ большемъ волненіи, гости бро-сились на-встрѣчу раздраженному помѣщику.

— Стрѣляться, стрѣляться, сейчасъ стрѣ-ляться, чрезъ платокъ! кричалъ разсвирѣпѣв-шій Пантелѣй: — или проси извиненія у меня, да и у него...

— Просите, просите извиненія, бормотали вокругъ Штоппеля встревоженные наслѣд-ники: — онъ, вѣдь, такой сумасшедшій, — го-товъ зарѣзать.

— Извините, извините, я не зналъ, залепеталъ Штопель: — я не зналъ...

— И у него проси! возопилъ неугомонный Пантелѣй.

— Извините и вы, прибавилъ Ростиславъ Адамычъ, обращаясь къ Недопюскину, который самъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Чертопхановъ успокоился, подошелъ къ Тихону Иванычу, взялъ его за руку, дерзко глянулъ кругомъ и, не встрѣчая ни одного взора, торжественно, среди глубокаго молчанія вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ новымъ владѣльцемъ благопріобрѣтенной деревни Безселендѣевки.

Съ того самаго дня они уже болѣе не разставались. (Деревня Безселендѣевка отстояла всего на восемь верстъ отъ Безсонова). Неограниченная благодарность Недопюскина скоро перешла въ подобострастное благоговѣніе. Слабый, мягкій и не совсѣмъ чистый Тихонъ склонялся во прахъ передъ безбоязненнымъ и безкорыстнымъ Пантелѣемъ. «Легко-ли дѣло!» думалъ онъ иногда про себя, «съ губернаторомъ говоритъ, прямо въ глаза ему смотритъ... вотъ-те Христосъ, — такъ и смотритъ!

Онъ удивлялся ему до недоумѣнія, до изне-

моженія душевныхъ силъ, почиталъ его человѣкомъ необыкновеннымъ, умнымъ, ученымъ. И то сказать, какъ ни было туго воспитаніе Чертопханова, все-же, въ сравненіи съ воспитаніемъ Тихона, оно могло показаться блестящимъ. Чертопхановъ, правда, по русски читалъ мало, по французски понималъ плохо, до того плохо, что однажды на вопросъ гувернера изъ швейцарцевъ: «Vous parlez français, monsieur?» отвѣчалъ: жэ не разумѣю, и, подумавъ немного, прибавилъ: па; — но все-таки онъ помнилъ, что былъ на свѣтѣ Волтеръ, преострый сочинитель, что Фридрхъ Великій, прусскій король, на военномъ поприщѣ тоже отличался. Изъ русскихъ писателей уважалъ онъ Державина, а любилъ Марлинскаго и лучшаго кобеля прозвалъ Аммалатъ-Бекомъ...

Нѣсколько дней спустя послѣ первой моей встрѣчи съ обоими пріятелями, отправился я въ сельцо Безсоново къ Пантелѣю Еремѣичу. Издали виднѣлся небольшой его домикъ; онъ торчалъ на голомъ мѣстѣ, въ полуверстѣ отъ деревни, какъ говорится, «на-юру», словно ястребъ на пашнѣ. Вся усадьба Чертопханова состояла изъ четырехъ ветхихъ срубовъ разной величины, а именно: изъ флигеля, конюш-

ни, сарая и бани. Каждый срубъ сидѣлъ отдѣльно, самъ по себѣ: ни забора кругомъ, ни воротъ не замѣчалось. Кучеръ мой остановился въ недоумѣніи у полусгнившаго и засореннаго колодца. Возлѣ сарая нѣсколько худыхъ и взъерошенныхъ борзыхъ щенковъ терзали дохлую лошадь, вѣроятно, Орбассана; одинъ изъ нихъ поднялъ было окровавленную морду, полаялъ торопливо и снова принялся глодать обнаженныя ребра. Подлѣ лошади стоялъ малый лѣтъ семнадцати, съ пухлымъ и желтымъ лицомъ, одѣтый казачкомъ и босоногій: онъ съ важностью посматривалъ на собакъ, порученныхъ его надзору, и изрѣдка постегивалъ арапникомъ самыхъ алчныхъ.

— Дома баринъ? спросилъ я.

— А Господь его знаетъ! отвѣчалъ малый. — Постучитесь.

Я соскочилъ съ дрожекъ и подошелъ къ крыльцу флигеля.

Жилище господина Чертопханова являло видъ весьма печальный: бревна почернѣли и высунулись впередъ «брюхомъ», труба обвалилась, углы подопрѣли и покачнулись, небольшія тускло-сизыя окошечки невыразимо кисло поглядывали изъ-подъ косматой, на-

хлобученной крыши; у иныхъ старухъ потаскушекъ бываютъ такіе глаза. Я постучался; никто не откликнулся. Однако мнѣ за дверью слышались рѣзко произносимыя слова:

— Азъ, буки, вѣди; да ну-же, дуракъ, говорилъ сиплый голосъ:—азъ, буки, вѣди, глаголь... да нѣтъ! глаголь, добро, есть, есть! есть!... Ну-же, дуракъ!

Я постучался въ другой разъ.

Тотъ-же голосъ закричалъ:—Войди,—кто тамъ...

Я вошелъ въ пустую маленькую переднюю, и сквозь растворенную дверь увидалъ самаго Чертопханова. Въ засаленномъ бухарскомъ халатѣ, широкихъ шароварахъ и красной ермолкѣ, сидѣлъ онъ на стулѣ, одной рукой стискивалъ онъ молодому пуделю морду, а въ другой держалъ кусокъ хлѣба надъ самымъ его носомъ.

— А! проговорилъ онъ съ достоинствомъ, и не трогаясь съ мѣста:—очень радъ вашему посѣщенью. Милости прошу садиться. А я вотъ съ Вензоромъ вожусь... Тихонъ Иванычъ, прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ: — пожалуй-ка сюда. Гость пріѣхалъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ изъ сосѣд-

ней комнаты Тихонъ Иванычъ.—Маша, подай галстукъ.

Чертопхановъ снова обратился къ Вензору, и положилъ ему кусокъ хлѣба на носъ. — Я посмотрѣлъ кругомъ. Въ комнатѣ, кромѣ разъ-движного, покороблennаго стола на тринадцати ножкахъ неровной длины, да четырехъ продавленныхъ соломенныхъ стульевъ, не было никакой мебели; давнымъ-давно выбѣленныя стѣны, съ синими пятнами въ видѣ звѣздъ, во многихъ мѣстахъ облупились; между окнами висѣло разбитое и тусклое зеркальцо въ огромной рамѣ подъ красное дерево. По угламъ стояли чубуки да ружья; съ потолка спускались толстыя и черныя нити паутинъ.

— Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, медленно произносилъ Чертопхановъ и вдругъ неистово воскликнулъ: — есть! есть! есть!... Экое глупое животное!... есть!

Но злополучный пудель только вздрагивалъ и не рѣшался разинуть ротъ; онъ продолжалъ сидѣть поджавши болѣзненно хвостъ, и, скрививъ морду, уныло моргалъ и щурился, словно говорилъ про себя: извѣстно, воля ваша!

— Да ѣшь, на, пиль! повторялъ неугомонный помѣщикъ.

— Вы его запугали, замѣтилъ я.

— Ну, такъ прочь его!

Онъ пихнулъ его ногой. Бѣднякъ поднялся тихо, сронилъ хлѣбъ долой съ носа и пошелъ, словно на цыпочкахъ, въ переднюю, глубоко оскорбленный. И дѣйствительно: чужой человѣкъ въ первый разъ пріѣхалъ, а съ нимъ вотъ какъ поступаютъ.

Дверь изъ другой комнаты осторожно скрипнула, и г. Недопюскинъ вошелъ, пріятно раскланиваясь и улыбаясь.

Я всталъ и поклонился.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь, залепеталъ онъ.

Мы усѣлись. Четропхановъ вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Давно вы пожаловали въ наши палестины? заговорилъ Недопюскинъ мягкимъ голосомъ, осторожно кашлянувъ въ руку и, для приличья, подержавъ пальцы передъ губами.

— Другой мѣсяцъ пошелъ.

— Вотъ какъ-съ.

Мы помолчали.

— Пріятная нонеча стоитъ погода, продолжалъ Недопюскинъ, и съ благодарностію посмотрѣлъ на меня, какъ будто-бы погода отъ

меня зависѣла. — Хлѣба, можно сказать, удивительные.

Я наклонилъ голову въ знакъ согласія. Мы помолчали.

— Пантелѣй Еремѣичъ вчера двухъ русаковъ изволили затравить, не безъ усилія заговорилъ Недопюскинъ, явно желавшій оживить разговоръ: — да-съ, пребольшихъ-съ русаковъ-съ.

— Хорошія у г. Чертопханова собаки?

— Преудивительныя-съ: съ удовольствіемъ возразилъ Недопюскинъ:—можно сказать первыя по губерніи. (Онъ подвинулся ко мнѣ.) — Да что-съ! Пантелей Еремѣичъ такой человѣкъ, что только пожелаетъ, вотъ что только вздумаетъ — глядишь, ужь и готово, все ужь такъ и кипитъ-съ. Пантелѣй Еремѣичъ, скажу вамъ...

Чертопхановъ вошелъ въ комнату. Недопюскинъ усмѣхнулся, умолкъ и показалъ мнѣ на него глазами, какъ-бы желая сказать: вотъ вы сами убѣдитесь. Мы пустились толковать объ охотѣ.

— Хотите, я вамъ покажу свою свору? спросилъ меня Чертопхановъ и, не дождавшись отвѣта, позвалъ Карпа.

Вошелъ дюжій парень въ нанковомъ каф-

танѣ зеленаго цвѣта съ голубымъ воротникомъ и ливрейными пуговицами.

— Прикажи Ѳомкѣ, отрывисто проговорилъ Чертопхановъ: — привести Аммалата и Сайгу, да въ порядкѣ, понимаешь?

Карпъ улыбнулся во весь ротъ, издалъ неопредѣленный звукъ и вышелъ. Явился Ѳомка, причесанный, затянутый, въ сапогахъ и съ собаками. Я, ради приличія, полюбовался глупыми животными (борзыя всѣ чрезвычайно глупы). Чертопхановъ поплевалъ Аммалату въ самыя ноздри, что, впрочемъ, повидимому, не доставило этому псу ни малѣйшаго удовольствія. Недопюскинъ также сзади поласкалъ Аммалата. Мы опять принялись болтать. Чертопхановъ понемногу смягчился совершенно, пересталъ пѣтушиться и фыркать; выраженье лица его измѣнилось. Онъ глянулъ на меня и на Недопюскина...

— Э! воскликнулъ онъ вдругъ: — что̀ ей тамъ сидѣть одной? Маша! а, Маша! поди-ка сюда.

Кто-то зашевелился въ сосѣдней комнатѣ, но отвѣта не было.

— Ма-а-ша, ласково повторилъ Чертопхановъ: — поди сюда. Ничего, не бойся.

Дверь тихонько рэстворилась, и я увидалъ женщину лѣтъ двадцати, высокую и стройную, съ цыганскимъ смуглымъ лицомъ, изжелта-карими глазами и черною какъ смоль косою; большіе бѣлые зубы такъ и сверкали изъ подъ полныхъ и красныхъ губъ. На ней было бѣлое платье; голубая шаль, заколотая у самаго горла золотой булавкой, прикрывала до половины ея тонкія, породистыя руки. Она шагнула раза два съ застѣнчивой неловкостью дикарки, остановилась и потупилась.

— Вотъ рекомендую, промолвилъ Пантелѣй Еремѣичъ: — жена не жена, а почитай что жена.

Маша слегка вспыхнула и съ замѣшательствомъ улыбнулась. Я поклонился ей пониже. Очень она мнѣ нравилась. Тоненькій орлиный носъ, съ открытыми полупрозрачными ноздрями, смѣлый очеркъ высокихъ бровей, блѣдныя, чуть-чуть впалыя щеки, всѣ черты ея лица выражали своенравную страсть и беззаботную удаль. Изъ-подъ закрученной косы внизъ по широкой шеѣ шли двѣ грядки блестящихъ волосиковъ— признакъ крови и силы.

Она подошла къ окну и сѣла. Я не хотѣлъ увеличить ея смущенья и заговорилъ съ Чертоп-

хановымъ. Маша легонько повернула голову и начала изъ-подлобья на меня поглядывать, украдкой, дико, быстро. Взоръ ея такъ и мелькалъ, словно змѣиное жало. Недопюскинъ подсѣлъ къ ней, и шепнулъ ей что-то на ухо. Она опять улыбнулась. Улыбаясь, она слегка морщила носъ и приподнимала верхнюю губу, что придавало ея лицу не то кошачье, не то львиное выраженіе...

— О, да ты «не тронь меня», подумалъ я, въ свою очередь украдкой посматривая на ея гибкій станъ, впалую грудь и угловатыя, проворныя движенія.

— А что̀, Маша, спросилъ Чертопхановъ:— надобно-бы гостя чѣмъ-нибудь и поподчивать, а?

— У насъ есть варенье, отвѣчала она.

— Ну, подай сюда варенье, да ужь и водку кстати. Да послушай, Маша, закричалъ онъ ей вслѣдъ: — принеси тоже гитару.

— Для чего гитару? я пѣть не стану.

— Отчего?

— Не хочется.

— Э, пустики, захочется, коли...

— Что̀? спросила Маша, быстро наморщивъ брови.

— Коли попросятъ, договорилъ Чертопхановъ не безъ смущенія.

— А!

Она вышла, скоро вернулась съ вареньемъ и водой и опять сѣла у окна. На лбу ея еще виднѣлась морщинка; обѣ брови поднимались и опускались какъ усики у осы... Замѣтили ли вы, читатель, какое злое лицо у осы? Ну, подумалъ я, быть грозѣ. Разговоръ не клеился. Недопюскинъ притихъ совершенно и напряженно улыбался; Чертопхановъ пыхтѣлъ, краснѣлъ и выпучивалъ глаза; я уже собирался уѣхать... Маша вдругъ приподнялась, разомъ отворила окно, высунула голову и съ сердцемъ закричала проходившей бабѣ: «Аксинья!» Баба вздрогнула, хотѣла-было повернуться, да поскользнулась и тяжко шлепнулась на земь. Маша опрокинулась назадъ и звонко захохотала; Чертопхановъ тоже засмѣялся, Недопюскинъ запищалъ отъ восторга. Мы всѣ встрепенулись. Гроза разразилась одной молніей... воздухъ очистился.

Полчаса спустя, насъ-бы никто не узналъ: мы болтали и шалили, какъ дѣти. Маша рѣзвилась пуще всѣхъ,—Чертопхановъ такъ и пожиралъ ее глазами. Лицо у ней поблѣднѣло,

ноздри разширились, взоръ запылалъ и потемнѣлъ въ одно и тоже время. Дикарка разыгралась. Недопюскинъ ковылялъ за ней на своихъ толстыхъ и короткихъ ножкахъ, какъ селезень за уткой. Даже Вензоръ выползъ изъ-подъ прилавка въ передней, постоялъ на порогѣ, поглядѣлъ на насъ и вдругъ принялся прыгать и лаять. Маша выпорхнула въ другую комнату. принесла гитару, сбросила шаль съ плечь долой, проворно сѣла, подняла голову и запѣла цыганскую пѣсню. Ея голосъ звенѣлъ и дрожалъ какъ надтреснутый стеклянный колокольчикъ, вспыхивалъ и замиралъ... Любо и жутко становилось на сердцѣ.— «Ай жги, говори!...» Чертопхановъ пустился въ плясъ. Недопюскинъ затопалъ и засеменилъ ногами. Машу всю поводило какъ бересту на огнѣ: тонкіе пальцы рѣзво бѣгали по гитарѣ, смуглое горло медленно приподнималось подъ двойнымъ янтарнымъ ожерельемъ. Тов друг ъ она умолкала, опускалась въ изнеможеньи, словно неохотно щипала струны, и Чертопхановъ останавливался, только плечикомъ подергивалъ да на мѣстѣ переминался, а Недопюскинъ покачивалъ головой, какъ фарфоровый китаецъ;— то снова заливалась она какъ безумная, вы-

прямливала станъ и выставляла грудь, и Чертопхановъ опять присѣдалъ до земли, подскакивалъ подъ самый потолокъ, вертѣлся юлой, вскрикивалъ: «живо!»...

— Живо, живо, живо, живо, скороговоркой подхватывалъ Недопюскинъ.

Поздно вечеромъ уѣхалъ я изъ Безсонова... Исторію самой Маши я когда нибудь въ другой разъ разскажу снисходительнымъ читателямъ.

XXII.

ЛѢСЪ И СТЕПЬ.

ЛѢСЪ И СТЕПЬ.

«.... И понемногу начало назадъ
Его тянуть: въ деревню, въ темный садъ,
Гдѣ липы такъ огромны, такъ тѣнисты,
И ландыши такъ дѣвственно душисты,
Гдѣ круглыя ракиты надъ водой
Съ плотины наклонились чередой,
Гдѣ тучный дубъ ростетъ надъ тучной нивой,
Гдѣ пахнетъ конопелью да крапивой....
Туда, туда, въ раздольныя поля,
Гдѣ бархатомъ чернѣется земля,
Гдѣ рожь, куда ни киньте вы глазами,
Струится тихо мягкими волнами,
И падаетъ тяжелый, жолтый лучь
Изъ-за прозрачныхъ, бѣлыхъ, круглыхъ тучь,
Тамъ хорошо.....
(Изъ поэмы, преданной сожженію).

Читателю можетъ быть уже наскучили мои записки; спѣшу успокоить его обѣщаніемъ ограничиться напечатанными отрывками; но, разставаясь съ нимъ, не могу не сказать нѣсколько словъ объ охотѣ.

Охота съ ружьемъ и собакой прекрасна сама по себѣ, für sich, какъ говорили въ старину; но положимъ, вы не родились охот-

нникомъ: вы все-таки любите природу; вы, слѣдовательно, не можете не завидовать нашему брату... Слушайте.

Знаете-ли вы, на-примѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо... На темно-сѣромъ небѣ кой-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный, неясный шопотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара, только-что проснувшихся, бѣлыхъ гусей молча и медленно перебираются черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ, стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга... Вы ѣдете—ѣдете мимо церкви, съ горы на право, черезъ плотину... Прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели; вамъ дремлется. Лошади звучно шлепаютъ ногами по лужамъ; кучеръ посвистываетъ. Но вотъ, вы отъѣхали версты четыре...

край неба алѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ заря разгарается; вотъ уже золотыя полосы протянулись по небу, въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ, передразсвѣтный вѣтеръ подулъ,—и тихо всплыветъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ за рощей деревня; вонъ подальше другая съ бѣлой церковью, вонъ березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете... Живѣе, кони, живѣе! Крупной рысью впередъ!... Версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто... Погода будетъ славная. Стадо потянулось изъ деревни къ вамъ на-встрѣчу. Вы взобрались на гору... Какой видъ! рѣка вьется верстъ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пологіе холмы; вдали чибисы съ крикомъ вьются надъ болотомъ; сквозь влажный блескъ,

разлитый въ воздухѣ, ясно выступаетъ даль...не то, что лѣтомъ. Какъ вольно дышитъ грудь, какъ будто движутся члены, какъ крѣпнетъ весь человѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханіемъ весны!..

А лѣтнее, іюльское утро! Кто, кромѣ охотника, испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ! Зеленой чертой ложится слѣдъ вашихъ ногъ по росистой, побѣлѣвшей травѣ. Вы раздвинете мокрый кустъ, —васъ такъ и обдастъ накопившимся, теплымъ запахомъ ночи; воздухъ весь напоенъ свѣжей горечью полыни, медомъ гречихи и «кашки»; вдали стѣной стоитъ дубовый лѣсъ и блеститъ и алѣетъ на солнцѣ; еще свѣжо, но уже чувствуется близость жара. Голова томно кружится отъ избытка благоуханій. Кустарнику нѣтъ конца... Кой-гдѣ развѣ вдали желтѣетъ поспѣвающая рожь, узкими полосками краснѣетъ гречиха. Вотъ заскрипѣла телѣга; шагомъ пробирается мужикъ, ставитъ заранѣе лошадь въ тѣнь... Вы поздоровались съ нимъ, отошли — звучный лязгъ косы раздается за вами. Солнце все выше и выше. Быстро сохнетъ трава. Вотъ уже жарко стало. Проходитъ часъ, другой... Небо темнѣетъ по краямъ; колючимъ зноемъ пышитъ неподвижный воздухъ. — «Гдѣ-бы,

братъ, тутъ напиться? спрашиваете вы у косаря. — «А вонъ въ оврагѣ колодезь». — Сквозь густые кусты орѣшника, перепутанные цѣпной травой, спускаетесь вы на дно оврага; точно: подъ самымъ обрывомъ таится источникъ; дубовый кустъ жадно раскинулъ надъ водою свои лапчатые сучья; большіе серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытаго мелкимъ, бархатнымъ мохомъ. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вамъ лѣнь пошевельнутся. Вы въ тѣни, вы дышете пахучей сыростью; вамъ хорошо, а противъ васъ кусты раскаляются и словно желтѣютъ на солнцѣ. Но что̀ это? Вѣтеръ внезапно налетѣлъ и промчался; воздухъ дрогнулъ кругомъ: ужь не громъ–ли? Вы выходите изъ оврага... что за свинцовая полоса на небосклонѣ? Зной ли густѣетъ? туча-ли надвигается?.,. Но вотъ слабо сверкнула молнія..., Э, да это гроза! Кругомъ еще ярко свѣтитъ солнце: охотиться еще можно. Но туча ростетъ: передній ея край вытягивается рукавомъ, наклоняется сводомъ. Трава, кусты, все вдругъ потемнѣло... Скорѣй! вонъ, кажется, виднѣется сѣнной сарай... скорѣе!... Вы добѣжали, вошли... Каковъ дождикъ? каковы молніи? Кой–гдѣ сквозь соломен-

ную крышу закапала вода на душистое сѣно... Но вотъ солнце опять заиграло. Гроза прошла; вы выходите. Боже мой, какъ весело сверкаетъ все кругомъ, какъ воздухъ свѣжъ и жидокъ, какъ пахнетъ земляникой и грибами!...

Но вотъ наступаетъ вечеръ. Заря запылала пожаромъ и обхватила полъ-неба. Солнце садится. Воздухъ вблизи какъ-то особеннно прозраченъ, словно стеклянный; вдали ложится мягкій паръ, теплый на-видъ; вмѣстѣ съ росой падаетъ алый блескъ на поляны, еще недавно облитыя потоками жидкаго золота; отъ деревьевъ, отъ кустовъ, отъ высокихъ стоговъ сѣна побѣжали длинныя тѣни... Солнце сѣло; звѣзда зажглась и дрожитъ въ огнистомъ морѣ заката... Вотъ оно блѣднѣетъ, синѣетъ небо; отдѣльныя тѣни исчезаютъ, воздухъ наливается мглою. Пора домой, въ деревню, въ избу, гдѣ вы ночуете. Закинувъ ружье за плечи, быстро идете вы, несмотря на усталость... А между тѣмъ наступаетъ ночь; за двадцать шаговъ уже не видно: собаки едва бѣлѣютъ во мракѣ. Вонъ надъ черными кустами край неба смутно яснѣетъ...Что это?—пожаръ?...Нѣтъ, это восходитъ луна. А вонъ внизу, на-право, уже мелькаютъ огоньки деревни... Вотъ наконецъ и ваша

изба. Сквозь окошко видите вы столъ, покрытый бѣлой скатертью, горящую свѣчу, ужинъ...

А то велишь заложить бѣговыя дрожки и поѣдешь въ лѣсъ на рябчиковъ. Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнами высокой ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги, перепела кричатъ кругомъ, лошадь бѣжитъ лѣнивой рысью. Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ вами; длинныя, висячія вѣтки березъ едва шевелятся; могучій дубъ стоитъ, какъ боецъ, подлѣ кра-сивой липы. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ: птицы мирно поютъ. Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной, болтливой радостью:— онъ идетъ къ запаху ландышей. Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ... Лѣсъ глохнетъ...Неизъяснимая тишина западаетъ въ душу, да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣлп верхушки, словно падающія волны. Сквозь прошлогоднюю бурую листву кой-гдѣ ростутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ свои-

ми шляпками. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ, собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ...

И какъ этотъ-же самый лѣсъ хорошъ поздней осенью, когда прилетаютъ валдшнепы! Они не держатся въ самой глуши: ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенья, ни шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина; тонкій туманъ стоитъ вдали надъ жолтыми полями. Сквозь обнаженные, бурыя сучья деревьевъ мирно бѣлѣетъ неподвижное небо; кой-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе золотые листья. Сырая земля упруга подъ ногами; высокія, сухія былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ. Спокойно дышитъ грудь, а на душу находитъ странная тревога, Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тѣмъ любимые образы, любимыя лица, мертвыя и живыя, приходятъ на память, давнымъ-давно заснувшія впечатлѣнія неожиданно просыпаются; воображенье рѣетъ и носится какъ птица, и все такъ ясно движется и стоитъ передъ глазами. Сердце-то вдругъ задрожитъ и забьется, страстно бросится впередъ, то безвозвратно потонетъ въ воспоминаніяхъ.

Вся жизнь развертывается легко и быстро, какъ свитокъ; всѣмъ своимъ прошедшимъ, всѣми чувствами, силами, всей своей душою владѣетъ человѣкъ. И ничего кругомъ ему не мѣшаетъ— ни солнца нѣтъ, ни вѣтра, ни шуму...

А осенній, ясный, немножко холодный, утромъ морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ, когда низкое солнце ужь не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго, небольшая осиновая роща вся сверкаетъ насквозь, словно ей весело и легко стоять голой, изморозь еще бѣлѣетъ на днѣ долинъ, а свѣжій вѣтеръ тихонько шевелитъ и гонитъ упавшіе, покоробленные листья? когда по рѣкѣ радостно мчатся синія волны, тихо вздымая разсѣянныхъ гусей и утокъ, вдали мельница стучитъ, полузакрытая вербами, и, пестрѣя въ свѣтломъ воздухѣ, голуби быстро кружатся надъ ней...

Хороши также лѣтніе туманные дни, хотя охотники ихъ и не любятъ. Въ такіе дни нельзя стрѣлять:—птица, выпорхнувъ у васъ изъ подъ ногъ, тотчасъ-же исчезаетъ въ бѣловатой мглѣ неподвижнаго тумана. Но какъ тихо, какъ невыразимо тихо все кругомъ! Все проснулось, и все молчитъ. Вы проходите мимо

дерева — оно не шелохнется: оно нѣжится. Сквозь тонкій паръ, рòвно разлитый въ воздухѣ, чернѣется передъ вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкій лѣсъ; вы подходите—лѣсъ превращается въ высокую грядку полыни на межѣ. Надъ вами, кругомъ васъ — всюду туманъ... Но вотъ вѣтеръ слегка шевельнется — клочокъ блѣдно-голубаго неба смутно выступитъ сквозь рѣдѣющій, словно задымившійся паръ, золотисто-жолтый лучь ворвется вдругъ, заструится длиннымъ потокомъ, ударитъ по полямъ, упрется въ рощу, и вотъ—опять все заволоклось. Долго продолжается эта борьба; но какъ несказанно великолѣпенъ и ясенъ становится день, когда свѣтъ наконецъ восторжествуетъ, и послѣднія волны согрѣтаго тумана, тò скатываются и разстилаются скатертями, тò взвиваются и исчезаютъ въ голубой нѣжно-сіяющей вышинѣ...

Но вотъ, вы собрались въ отъѣзжее поле, въ степь. Верстъ десять пробирались вы по проселочнымъ дорогамъ — вотъ, наконецъ, большая. Мимо безконечныхъ обозовъ, мимо постоялыхъ двориковъ съ шипящимъ самоваромъ подъ навѣсомъ, раскрытыми настежъ воротами и колодеземъ, отъ одного села до друго-

го, черезъ необозримыя поля, вдоль зеленыхъ конопляниковъ, долго, долго ѣдете вы. Сороки перелетаютъ съ ракиты на ракиту; бабы, съ длинными граблями въ рукахъ, бредутъ въ поле; прохожій человѣкъ въ поношенномъ нанковомъ кафтанѣ, съ котомкой за плечами, плетется усталымъ шагомъ; грузная помѣщичья карета, запряженная шестерикомъ рослыхъ и разбитыхъ лошадей, плыветъ вамъ на-встрѣчу. Изъ окна торчитъ уголъ подушки, а на запяткахъ, на кулькѣ, придерживаясь за веревочку, сидитъ бокомъ лакей въ шинели, забрызганный до самыхъ бровей. Вотъ уѣздный городокъ съ деревянными, кривыми домишками, безконечными заборами, купеческими необитаемыми каменными строеніями, старинным мостомъ надъ глубокимъ оврагомъ... Далѣе, далѣе... Пошли степныя мѣста. Глянешь съ горы — какой видъ! Круглые, низкіе холмы, распаханные и засѣянные до верху, разбѣгаются широкими волнами; заросшіе кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшія рощи; отъ деревни до деревни бѣгутъ узкія дорожки; церкви бѣлѣютъ; между лозниками сверкаетъ рѣчка, въ четырехъ мѣстахъ

перехваченная плотинами; далеко въ полѣ гуськомъ торчатъ драхвы; старенькій господскій домъ съ своими службами, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился къ небольшому пруду. Но далѣе, далѣе ѣдете вы. Холмы все мелче и мелче, дерева почти не видать. Вотъ она, наконецъ — безграничная, необозримая степь!

А въ зимній день ходить по высокимъ сугробамъ за зайцами, дышать морознымъ, острымъ воздухомъ, невольно щуриться отъ ослѣпительнаго мелкаго сверканья мягкаго снѣга, любоваться зеленымъ цвѣтомъ неба надъ красноватымъ лѣсомъ!... А первые весенніе дни, когда кругомъ все блеститъ и обрушается, сквозь тяжелый паръ талаго снѣга уже пахнетъ согрѣтой землей, на проталинкахъ, подъ косымъ лучемъ солнца, довѣрчиво поютъ жаворонки, и, съ веселымъ шумомъ и ревомъ, изъ оврага въ оврагъ клубятся потоки...

Однако, пора кончить. Кстати заговорилъ я о веснѣ: весной легко разставаться, весной и счастливыхъ тянетъ вдаль... Прощайте, читатель, желаю вамъ постояннаго благополучія...

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ II-й ЧАСТИ.

XII. Бирюкъ 5
XIII. Два помѣщика. 23
XIV. Лебедянь 43
XV. Татьяна Борисовна и ея племянникъ. 69
XVI. Смерть 95
XVII. Пѣвцы. 321
XVIII. Петръ Петровичъ Каратаевъ 159
XIX. Свиданіе 189
XX. Гамлетъ Щигровск аго Уѣзда 209
XXI. Чертопхановъ и Недопюскинъ 261
XXII. Лѣсъ и степь 299

Центральний Державний
№ 807
БІБЛІОТЕКА
8238

28
1d